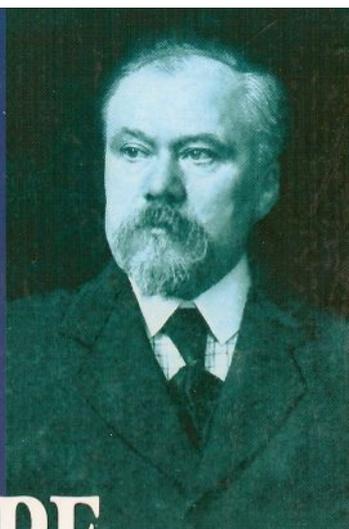

Н. П. Евдокимова
С. В. Виватенко

Раймон ПУАНКАРЕ — президент Франции

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК 63.3(4Фра) Е15

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета

Евдокимова Н. П., Виватенко С. В.,

Е15 Раймон Пуанкаре — президент Франции. - СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006,-173 с.
ISBN 5-288-03971-2

Книга Н.П.Евдокимовой и С.В.Виватенко посвящена крупнейшему политическому и государственному деятелю Франции конца XIX — первой трети XX в. Раймону Пуанкаре, который неоднократно занимал посты министра к премьер министра, а в 1913-1920 гг. был президентом Третьей Французской Республики. Авторы прослеживают его жизненный путь от становления личности, вхождения в политику, начала политической карьеры до ее завершения.

Все перипетии личной судьбы Р. Пуанкаре рассмотрены на фоне важнейших внутри- и внешнеполитических событий в истории Франции, свидетелем, участником и творцом которых он был. Книга предназначена для всех интересующихся историей Франции.

© Н. П. Евдокимова, С. В. Виватенко, 2006
© Издательство С.-Петербургского университета, 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раймон Пуанкаре (1860-1934), выходец из провинциальной буржуазной семьи, юрист по образованию, вошел в большую политику в 80-х годах XIX в., когда республиканский режим утверждался во Франции, и ушел с политической сцены в 1929 г., пройдя вместе со страной через серьезные испытания кризисами, войной и послевоенным миром. Он был свидетелем и участником многих крупных событий во Франции конца XIX — первой трети XX в. В разные годы он занимал посты министра, премьер-министра и президента республики, определял направления как внутренней, так и внешней политики страны.

В отечественной историографии сложилась традиция изучения политических биографий крупных политических и государственных деятелей. Биографического очерка, посвященного Р. Пуанкаре, и нашей исторической литературе нет. Но и недостатка сведений о нем в исследовательской литературе по истории Франции, истории международных отношений конца XIX первой трети XX в. также нет. В литературе сложился устойчивый стереотип Р. Пуанкаре как человека крайне реакционного, агрессивного, одного из главных виновников возникновения Первой мировой войны. Эта характеристика основывается на одностороннем анализе деятельности Р. Пуанкаре. Иной точки зрения в литературе не было. Но насколько объективна эта точка зрения? Насколько она отвечает реальной роли Р. Пуанкаре в событиях первой трети XX в.? Был ли он так однозначно односторонен? Что обеспечило Р. Пуанкаре возможность выдвинуться в ряд крупнейших политиков своей страны и стать заметной фигурой на международной арене? Насколько закономерным для самого Р. Пуанкаре и для Франции был его приход на пост президента республики?

В настоящей работе мы попытаемся ответить на эти и многие другие вопросы.

Изучать политическую биографию Р. Пуанкаре и легко и трудно. Легко потому, что его деятельность, как деятельность любого публичного политика, может быть проиллюстрирована множеством документов, к появлению которых так или иначе он был причастен. Трудно — потому что материалы, автором которых был сам Р. Пуанкаре, разноплановы, нуждаются в тщательном сопоставлении с другими материалами. Р. Пуанкаре был весьма плодовитым оратором и автором. Во Франции опубликовано около сорока книг и брошюр, в которые вошли его речи, послания, обращения по различным вопросам политики, экономики, литературы, искусства, юриспруденции, государственного строительства и т.д.¹ Опубликованы и публицистические работы Р. Пуанкаре периода Первой мировой войны, являющиеся прекрасным образцом патриотических и агитационных выступлений политика, который старался поднять наступательный дух своих войск на фронте и укрепить веру в победу в тылу².

Конечно, наибольшую ценность представляют мемуары Р. Пуанкаре, которым автор дал общее название «На службе Франции. Воспоминания за десять лет», а каждый из десяти томов снабдил собственным названием³. В основу воспоминаний положены дневниковые записи автора за 1912-1918 гг. Р. Пуанкаре сам подготовил их к изданию, которое было осуществлено в 1926-1933 гг. Мемуары Р. Пуанкаре — это летопись событий, свидетелем, участником, а отчасти и творцом которых он был. Отношение автора к описываемым им событиям, их эмоциональное восприятие, оценки представляются не всегда адекватными реалиям. В противном случае читатель нашел бы в воспоминаниях Р. Пуанкаре выражение чувства вины за Первую мировую войну, за неисчислимые жертвы и бедствия, которые она принесла французскому народу и народам других стран. Даже за такой очевидный просчет самого Р. Пуанкаре, как знаменитое апрельское 1917 г. наступление французской армии, вошедшее в историю войны под названием «бойни Нивеля», он возлагал вину на других высокопоставленных военных, политических деятелей. Вспоминая события десятилетней давности, Р. Пуанкаре изобразил себя главным инициатором побед. Но это — свойство почти всех мемуаров.

Аналогичные критические замечания можно отнести и к воспоминаниям французских политических, военных деятелей и дипломатов, бывших соратников и оппонентов Р. Пуанкаре, которые дают возможность читателю увидеть бывшего президента республики другими глазами, со стороны. Сведения о нем можно найти в воспоминаниях Ж. Кайо, А. Рибо, Ж. Луи, М. Палеолога, П. Эрбийона⁴ и других.

Из документальных публикаций неличностного характера отметим стенографические отчеты о заседаниях палаты депутатов и сената, где Р. Пуанкаре часто выступал и как простой депутат и сенатор, и в качестве должностного лица — министра, премьер-министра и президента республики⁵; различные публикации материалов международной политики, представляющие интерес в силу того, что Р. Пуанкаре проявлял особый интерес к вопросам внешней политики и участвовал в решении многих из них⁶, и др.

Российские исследователи истории Франции и международной политики конца XIX — первой трети XX в. так или иначе рассматривали отдельные, наиболее важные эпизоды политической биографии Р. Пуанкаре, давали им оценку, характеризуя и личность самого Р. Пуанкаре. Такие исследования, как монография В.И. Антюхиной-Московченко «Третья республика во Франции», трехтомное академическое издание «Истории Франции», книга Ю. В. Борисова «Новейшая история Франции», «История дипломатии»⁷ и др., позволяют читателю представить канву жизнедеятельности одного из крупнейших политиков Франции указанного периода.

Более емкой предстает фигура Р. Пуанкаре в работах тех авторов, которые занимались исследованием политических биографий французских политиков — его современников. Небезынтересной представляется, например, мысль Д.П. Прицкера, исследовавшего политическую биографию Ж. Клемансо, о том, что при большом сходстве политических позиций Р. Пуанкаре и Ж. Клемансо, они были постоянными противниками в силу амбициозности обоих и личной неприязни друг к другу⁸. В изобилующей ошибками и неточностями работе К. А. Малафеева можно найти объяснение причин многолетней дружбы и сотрудничества Р. Пуанкаре и Луи Барту⁹. Даже очень небольшая по объему статья А. Норинского о Ж. Кайо дает дополнительный материал для понимания некоторых поступков Р. Пуанкаре¹⁰.

Французские историки довольно рано обнаружили интерес к деятельности и биографии Р. Пуанкаре. Даже общие труды по истории Третьей республики Ж. Шастене и Ж. Боннфу содержат большой объем фактического документального материала о политической деятельности Р. Пуанкаре с конца 90-х годов XIX в. до 1929 г., т.е. до конца политической карьеры французского политика¹¹.

Пик интереса к политической биографии Р. Пуанкаре пришелся на конец 1920-х—1930-е годы, когда закончилась активная политическая жизнь одиннадцатого президента Французской республики. Первой по времени и наиболее серьезной была книга Ж. Кайзера «Республиканская деятельность Р. Пуанкаре»¹². Автор был активным членом республиканской партии радикалов и радикал-социалистов. В своей работе он отразил полемику между Р. Пуанкаре и радикалами конца 1920-х годов. Без убедительных доводов Ж. Кайзер утверждает, что экс-президент был единственным французским политиком, виновным в возникновении Первой мировой войны, обвиняет Р. Пуанкаре в попустительстве клерикалам и монархистам и в том, что правительства с участием в них представителей умеренных группировок создавались Р. Пуанкаре не для примирения и объединения нации перед какими-либо трудностями, а для уничтожения основ Французской Республики.

Книга Ж. Кайзера—единственная работа, отличающаяся критическим отношением к деятельности Р. Пуанкаре. Все другие работы—это в той или иной мере апология бывшего главы государства. Личными воспоминаниями о ранних годах политической карьеры президента и государственного деятеля интересна книга Габриэля Аното «Раймон Пуанкаре»¹³. Автор был одним из ближайших консультантов Р. Пуанкаре по международным вопросам, но в своей работе он избегает рассмотрения наиболее важных проблем: не касается вопроса об ответственности Р. Пуанкаре за возникновение войны, о переговорах Р. Пуанкаре в Петербурге в июле 1914 г. и т. д. В книге Ж. Пайана «Раймон Пуанкаре: человек, парламентарий, адвокат»¹⁴ особый интерес представляет та ее часть, где рассматривается вопрос об участии Р. Пуанкаре в борьбе в защиту А. Дрейфуса. Автору удалось обнаружить письма, которые будущий президент в этот период писал своей матери. Эти письма позволили исследователю более точно определить роль Р. Пуанкаре в лагере дрейфусаров во время внутриполитического кризиса, вызванного делом Дрейфуса. Возможно, единственным достоинством книги Ж. Месна, вышедшей уже после смерти бывшего президента, является точная датировка жизни Р. Пуанкаре¹⁵.

В 1940-1960-х годах появилось лишь несколько работ о Р. Пуанкаре. В 1948 г. вышла книга Ж. Шастене. В процессе работы над ней автор встречался со многими французскими политиками и их потомками, пользовался их личными архивами, что позволило ему сообщить читателю много неизвестных ранее сведений из жизни Р. Пуанкаре¹⁶.

Лучшая работа французского автора об одиннадцатом президенте Франции, как нам представляется,—книга Поля Мике «Пуанкаре», вышедшая в 1961 г.¹⁷ Автор смог составить полную библиографию произведений Р. Пуанкаре. В работе много интересных фактов о Р. Пуанкаре. Впервые подробно описаны его детство, отрочество и юность. Правда, наряду с серьезным анализом многих обстоятельств политической деятельности Р. Пуанкаре, П. Мике слишком идеализирует своего героя. Присоединяясь к апологетам Пуанкаре, он объявляет его величайшим французом, символом политической честности, принципиальности и законопослушания. В книге есть и страницы, посвященные любви Р. Пуанкаре к домино, собакам и кошкам.

Политической деятельности Пуанкаре-президента посвятил свою работу американский исследователь из Стенфордского университета Ж. Райт. Его книга «Раймон Пуанкаре и институт президентства во Франции»¹⁸ написана на основе анализа периодических изданий, в которых публиковались материалы, статьи, сведения о политической деятельности Р. Пуанкаре. Он изучил и использовал воспоминания современников Р. Пуанкаре, публикации материалов международной политики многих стран, переписку с друзьями и родственниками президента. Ж. Райт представил Пуанкаре-президента как человека, пытавшегося узурпировать власть, который, столкнувшись с сопротивлением парламента и политических группировок, вынужден был отступить и смириться с ограничением своих полномочий, что превращало его в сугубо представительскую фигуру на политической сцене Французской Республики. Интересен в работе анализ общественного мнения в отношении Р. Пуанкаре.

Многие французские историки, посвятившие свои исследования отдельным аспектам истории Франции или политическим деятелям конца XIX - первой трети XX в., касаются и политической деятельности Р. Пуанкаре. Это относится к работе Ж. Сеньбоса «Эволюция Третьей республики», где есть интересные факты о политической деятельности Р. Пуанкаре в 1911-1912 гг. О Р. Пуанкаре и созданной им парламентской фракции Альянс республиканцев-демократов писал в своей работе «Радикальная республика?» М. Ребейриу. О том, какую роль в государстве играл Р. Пуанкаре накануне и во время Первой мировой войны писали Ж.-Ж. Беккер в книге «Как французы вступили в войну» и Ж.-Ж. Беккер и М. Бернштейн в работе «Победа и лишения»¹⁹. Новые штрихи к портрету Р. Пуанкаре дают и исследования французских историков о других государственных и политических деятелях той эпохи, в частности книга П. Бредена о Ж. Кайо, работа Ж. Броша о Л. Доде и Ж.-Б. Дюрозеля о Ж. Клемансо²⁰ и др.

Словом, написано о Р. Пуанкаре много. Исследователи писали о его политических взглядах и политической и государственной деятельности, о его отношении к политике и политикам, рассматривали его роль в бурных событиях конца XIX — начала XX в., в конечном счете — в истории своей страны и в истории мира.

Попытаемся и мы на основе доступных нам источников и исследовательской литературы составить свое представление об этом крупнейшем государственном деятеле Франции конца XIX — первой трети XX в.

1. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Раймон Николя Ландри Пуанкаре родился 20 августа 1860 г. в старинном лотарингском городке Бар ле Дюк, на улице Кожевников, в доме номер 35. Его отец, инспектор мелиорации Антонен Пуанкаре, происходил из древнего буржуазного лотарингского рода, из города Нёвшато. В этой семье были активные участники Великой французской революции и наполеоновских войн. Мать Раймона, Нанин-Мари Фисатье, была младшей дочерью генерального прокурора Амьена, который во время июльской монархии был депутатом Национального собрания, а ее дядя Поль Гийом был известным сенатором-республиканцем во время Второй империи.

По семейной легенде во время появления Раймона на свет в городке начался праздничный колокольный перезвон, который был устроен в честь избрания некоего Г, Милона новым депутатом Национального собрания. Услышав эту музыку, принимавший роды доктор Нёв, улыбаясь, сказал матери: «Это предсказание. Ваш сын станет депутатом!»¹.

Образование Р. Пуанкаре получил сначала дома, а затем в коллеже своего родного городка, где сразу же его способности были замечены учителями. Но провинциальный Бар ле Дюк, славившийся своим вареньем и тем, что здесь родился известный французский полководец маршал Удино, не мог дать нужного уровня знаний подающему большие надежды мальчику, и в возрасте четырнадцати лет он отправился в Париж. Но Р. Пуанкаре навсегда сохранил теплые воспоминания о времени, проведенном в стенах барледюкского коллежа, и о своих товарищах. По-видимому, не случайно его одноклассники Ж. Рабино и Э. Пайо заняли должности председателя французского банка и руководителя государственного арбитража после того, как он стал занимать высшие государственные должности².

Кроме того, переезд Раймона в столицу был связан с франко-прусской войной и последовавшей за поражением Франции оккупацией немцами его малой родины — Лотарингии. В Париже его приняли в лицей Людовика Святого (Клермонтский коллеж) — знаменитое учебное заведение, бывшее кузницей кадров французских политиков, чиновников и деятелей культуры. Только в одном потоке с Р. Пуанкаре учились известный в будущем дипломат Морис Палеолог и писатели Пьер Лоти и Андре Галье. Успевая хорошо по всем предметам, Р. Пуанкаре проявлял большой интерес и способности к гуманитарным наукам. Именно в эти годы он заинтересовался политической экономией, финансами и юриспруденцией. В лицее начали раскрываться его ораторские и литературные дарования. Видимо, тогда и сложился характер будущего президента. Практически все, кто писал о Р. Пуанкаре, отмечали его холодность, замкнутость, злопамятность, упрямство, но также твердость, честность, последовательность, прямоту, деловитость и чувство юмора. Возможно, это не самый подходящий набор качеств для политического деятеля, но все недостатки Р. Пуанкаре компенсировал ясным умом и работоспособностью.

После окончания лицея Р. Пуанкаре продолжил учиться в интернатурах при школе права и филологическом факультете Сорбонны. В июле 1878 г. он получил дипломы обоих вузов.

Полный честолюбивых планов, он окунулся в парижскую жизнь. Вместе со своим кузеном, будущим известным математиком Анри Пуанкаре, с которым в это время он был очень близок, Раймон поселился в Латинском квартале на бульваре Сен-Мишель. У двоюродных братьев обнаружился литературный талант: на спор они оба принялись писать романы из жизни парижской богемы. Взявшись за работу, они целыми днями пропадали на знаменитой на весь Латинский квартал Змеиной улице в пансионе «Ловёр», где черпали сюжеты для своих произведений. В этом пансионе собиралась вся ученическая и творческая молодежь, так как там можно было поесть в кредит. Здесь юный Раймон познакомился со своими сверстниками-студентами, будущими соратниками по политической борьбе — Г. Аното, Ж. Пикаром, А. Мильераном³.

Годы, проведенные Р. Пуанкаре в стенах лицея и в Латинском квартале, были для Франции периодом острейших политических, экономических и социальных сдвигов, ставших следствием франко-прусской войны и поражения Франции: Парижская коммуна и ее разгром; мирный договор, по которому Германия аннексировала французские провинции Эльзас и Лотарингию и получала от Франции контрибуцию; состояние международной изоляции и военная тревога 1875 г.; переход от одного общественно-политического строя к другому, сопровождавшийся острейшей борьбой между сторонниками республики и приверженцами монархии—таков неполный перечень проблем, с которыми столкнулась Франция в 70-х годах XIX в.

Именно на фоне таких катаклизмов стали складываться основы политического мировоззрения молодого Раймона Пуанкаре. Республиканец умеренного центристского толка, он отрицательно относился к радикализму, как левому, так и правому, считая, что роль государства и политиков состоит в установлении и поддержке твердого гражданского мира при помощи точного и последовательного соблюдения законов и умелого руководства.

Умеренность во взглядах в вопросах внутренней политики у молодого Р. Пуанкаре сочеталась с радикализмом и резкими суждениями в вопросах внешней политики, а именно — в отношении аннексии Германией Эльзаса и Лотарингии. Он считал реванш единственным средством возвращения утраченных провинций. Следовательно, войну с Германией он считал неизбежной. Именно тогда его кузен, будущий известный ученый Анри Пуанкаре, закрепил за ним прозвище «Пуанкаре-Война». Впрочем, такое прозвище можно было дать большинству французов его поколения.

Если кредо Р. Пуанкаре во внутренней политике практически не менялось вплоть до конца его политической карьеры, то его внешнеполитические суждения с годами стали гибче и умеренней.

Бурная, наполненная разнообразной деятельностью парижская жизнь Раймона в 1879 г. была прервана призывом на действительную военную службу. Согласно закону 1872 г., срочная служба длилась пять лет, но молодые французы могли ее сократить до двенадцати месяцев, заключив договор о добровольной воинской повинности. Для этого надо было сдать специальный экзамен и уплатить 1500 франков⁴. Р. Пуанкаре предпочел сдать экзамен и в 1879-1880 гг. он провел «под ружьем», вольноопределяющимся 26-го полка, дислоцированного в Нанси. Как позже вспоминал Р. Пуанкаре, все свободное от «штурмов холмов Гран-Куроне» время уходило у него на подготовку к своей будущей карьере⁵. Он читал много книг по вопросам политики и юриспруденции. Не забывал и о литературной деятельности. Именно в Нанси он впервые активно начал печататься в местных газетах, где публиковались его статьи, рассказы и даже стихи. Желая узнать о своих литературных способностях, он отдал свои произведения на суд Андре Торье — видного французского писателя, автора «Раймонды». Ознакомившись с его опусами, мэтр дал на них весьма положительную рецензию⁶. После этого благословения в журнале «L'Echo de l'Est» под псевдонимом Жюлет Ландри Раймон начал печатать свои первые романы.

В 1880 г. к литературным удачам Р. Пуанкаре добавились и успехи в армейской службе: ему было присвоено очередное воинское звание капрала⁷, чем он всю жизнь будет очень гордиться. Позже, в 1909 г., когда его избирали в члены Французской Академии, известный ученый-историк Эрнест Лависс, говоря о его заслугах, заметил, что «под адвокатской мантией Пуанкаре всегда видны его капральские нашивки»⁸.

В августе 1880 г. срочная служба Пуанкаре окончилась. Он вернулся в Париж, Уже 20 декабря того же года он принял адвокатскую присягу и стал заниматься юридической практикой. Однако рамки профессиональной деятельности для него были слишком тесны. Он продолжил занятия литературным творчеством и к концу 1881 г. опубликовал четыре романа под общим названием «Записки адвоката».

Не был чужд Р. Пуанкаре и политической деятельности. Вместе с А. Мильераном он стал членом «Союза молодых республиканцев». Эта организация объединяла молодежь всего республиканского спектра — от центристов до сторонников различных социалистических группировок. В отличие от своих сверстников А. Мильерана и А. Бриана, Пуанкаре никогда не интересовался социалистическими идеями. Вступив в Союз молодых республиканцев, он присоединился к «умеренным республиканцам».

Политическая группировка «умеренных республиканцев» стала складываться в конце 1870-х годов после раскола республиканцев на умеренных и радикалов. В результате победы на парламентских выборах в январе 1879 г. буржуазные республиканцы получили большинство не только в палате депутатов, но и в сенате. Вскоре и на пост президента республики был избран лидер республиканцев Жюль Греви. Получив возможность политического руководства страной, республиканцы провели ряд демократических реформ, способствовавших утверждению республиканского строя во Франции. Однако от реализации в полном объеме программы радикально-демократических реформ, сформулированной в период борьбы за республику (таких, например, как демократический пересмотр конституции, отделение церкви от государства и др.), буржуазные республиканцы отказались, отложив ее на неопределенное время. Эта умеренность буржуазных республиканцев в проведении реформ объяснялась неприятием ими радикальных, «хирургических», мер. Умеренные считали, что всего можно добиться без социальных потрясений. «Невозможно каждое утро делать революцию, — говорил Ж. Ферри. — Нельзя каждый день

изобретать новости»⁹. Сторонниками же продолжения политики демократических реформ стали представители «крайне левой» группировки буржуазных республиканцев — радикалы.

Целеустремленность и работоспособность Р. Пуанкаре к середине восьмидесятых годов стали приносить результаты во всех сферах его деятельности. 27 июля 1882 г. он был избран первым секретарем адвокатской ассоциации. Ему было тогда всего 22 года! В том же году он блестяще защитил докторскую диссертацию на тему: «Права движимости в Римском праве и во французском гражданском кодексе»¹⁰. А о его литературных успехах этого периода Эмиль Золя, с которым у Р. Пуанкаре всю жизнь будут сохраняться очень теплые отношения, с восторгом воскликнул: «Только 22 года! Такая глубина мысли в столь юном возрасте—это экстраординарно. Я буду его литературным покровителем в своем журнале»¹¹.

После этого успеха Р. Пуанкаре активно стал публиковать политические статьи в газете «Вольтер», главным редактором которой был Клотц, известный адвокат и политик, специалист по финансовым вопросам. В статьях, которые Р. Пуанкаре подписывал псевдонимом «Мэтр Обертен», он подвергал критике как левых, например, Л. Гамбетту и его радикально настроенных сторонников, так и правых — роялистов и клерикалов. Но главный прорыв у него произошел в той сфере, которая все более и более завладевала его помыслами — в политике. О том, насколько значимой фигурой он стал, свидетельствует тот факт, что именно ему его соратники по партии поручили выступить на конференции парижских адвокатов по поводу выдвижения в члены Французской академии одного из крупнейших политиков того времени — Ф. Дюфора. И Пуанкаре с блеском справился с этим поручением.

В январе 1886 г. произошло событие, которое определило всю дальнейшую жизнь будущего президента. Новый министр сельского хозяйства, умеренный республиканец Ж. Дювелль пригласил его стать шефом своего кабинета. На Р. Пуанкаре выбор пал еще и потому, что Дювелль был депутатом от его родного города Бар ле Дюка и хорошо знал семью Раймона. В должности шефа министерства Р. Пуанкаре проработал восемнадцать месяцев. За это время он получил неоценимый опыт политической борьбы и уяснил, как работает государственная машина Третьей республики. А главное, он понял, что уже созрел для серьезной политической работы. Нужен был только случай, который вскоре и представился.

Анри Луивилль, депутат от Коммерси (департамент Мёз), умер. Депутатское место стало вакантным. Р. Пуанкаре решил выдвинуть свою кандидатуру и победил - 31 июня 1887 г. он впервые стал членом палаты депутатов. Приобретенные навыки политической борьбы и содействие Ж. Дювелля помогли ему выработать выигрышную избирательную программу, в которой подвергались критике, с одной стороны, бюджетная, налоговая и финансовая политика правительства, а с другой — работа его собственного патрона, главы кабинета министров Ш. Фрейсине. Вторая часть программы могла показаться странной. Но Р. Пуанкаре знал настроение своих избирателей: в департаменте Мёз наметилась тенденция к возрастанию критики республиканского строя и лидеров республиканского движения¹². Этой критикой Р. Пуанкаре также выбивал главные козыри своего конкурента, выдвиженца правых Жийе Д'Ансервиля. Возможно, что его победе на выборах способствовали также связи семьи Пуанкаре-Фисатье.

Итак, 27-летний Р. Пуанкаре стал депутатом, т.е. профессиональным политиком. Его путь в Бурбонский дворец — через Сорбонну и адвокатскую скамью — был для того времени достаточно банальным. В палате депутатов его созыва из всех депутатов адвокаты составляли ровно 50%.

Когда Р. Пуанкаре стал членом французского истеблишмента, перед ним встали новые задачи: закрепить в нем и продолжить движение к рычагам государственной власти. Чем он и занялся.

2. ВПЕРВЫЕ В ПАРЛАМЕНТЕ. ВПЕРВЫЕ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

«Немой политик», так называет Раймона Пуанкаре конца 1880-х — начала 1890-х годов один из биографов будущего президента П. Мике¹. И действительно, в первые годы пребывания в Бурбонском дворце Р. Пуанкаре ни разу не выступил в палате депутатов, он не был замечен в каких-либо кулуарных интригах. Отмечено было лишь его голосование против утверждения мандата генерала Буланже,

Такое поведение молодого депутата можно объяснить несколькими причинами. Р. Пуанкаре никогда не был красноречивым. Его заранее написанные речи были правильными, точными, но, как вспоминал Леон Доде, «шаблонными, неинтересными и бесполезными»². Осознавая это, Р. Пуанкаре выступал, по сравнению с другими депутатами, очень редко и только по существу. К тому же среди республиканской части палаты отношение к молодым депутатам, стремившимся проявить себя сразу же, едва вступив в депутатский корпус, было, довольно холодным и даже недоброжелательным. С таким отношением к себе, например, столкнулся молодой депутат-республиканец Жан Жорес. Некоторые авторы считают, что его уход в социалистическое движение связан именно с этим³.

Но главная причина молчания Р. Пуанкаре была не в самом молодом и честолюбивом депутате и даже не в его фракции, а в палате депутатов. В эти годы палата и в целом Франция переживали не лучшие времена. Аферы, махинации, финансовые скандалы, политические заговоры терзали ее и подрывали основы парламентской республики. Молчание Р. Пуанкаре было своего рода позой: он хотел показать, что не имеет ничего общего с этой грязью. И в этом Р. Пуанкаре был не одинок, так как такой же тактики придерживались и другие начинающие депутаты — Г. Аното, А. Мильеран.

Между тем во второй половине 1880-х годов Третья республика переживала острейший внутривнутриполитический кризис, который в историю Франции вошел под названием буланжистского, по имени генерала Буланже, военного министра в двух кабинетах: умеренного республиканца Фрейсине (январь-декабрь 1886 г.) и радикала Гобле (декабрь 1886 — май 1887 г.). Жорж Эрнест Буланже в чине младшего лейтенанта окончил привилегированное Сен-Сирское военное училище, дослужился до чина генерала, сделал головокружительную карьеру. Но, по отзывам людей, хорошо его знавших, по складу ума, уровню, характеру он оставался младшим лейтенантом⁴. Популярность генерал приобрел социальной демагогией и воинственно-патриотическими заявлениями о необходимости подготовки к войне-реваншу с Германией. Эти призывы Буланже нашли отклик в обществе. Вокруг него поразительно быстро сформировалось массовое общественное движение, отличавшееся крайней социально-политической неоднородностью. Буланжистское движение стало проявлением недовольства самых различных слоев французского общества существующим порядком вещей. Здесь было и разочарование оппортунистической политикой умеренных республиканцев, отказавшихся провести обещанные ими в предвыборных кампаниях реформы; и горечь неудач колониальной экспедиции в Индокитае, где в марте 1885 г. французская армия потерпела поражение в сражении при Ланг-Сонге; и стремление к реваншу, к возвращению утраченных провинций Эльзаса и Лотарингии; и недовольство дальнейшим ухудшением материального положения трудящихся, вызванного новым жестоким экономическим кризисом. Буланже аккумулировал это недовольство, решив использовать его в своих целях. Французский историк А. Дансетт, анализирувавший состояние настроений во французском обществе, заметил: «Буланже еще не был известен, а буланжизм уже существовал»⁵.

К сложностям внутривнутриполитического положения в январе 1887 г. добавилось и резкое обострение франко-германских отношений, вылившееся в очередную «военную тревогу». И это обстоятельство было использовано Буланже в личных целях. Его шовинистическая пропаганда стала чересчур назойливой, и правительство решило отправить его в провинцию.

Но в середине бурного 1887 г. разразился скандал в Елисейском и Бурбонском дворцах (резиденциях президента республики и парламента). Обнаружилось, что зять президента Гриви депутат Даниэль Вильсон занимается продажей орденов Почетного легиона. Выяснилось, что к этим махинациям были причастны и сам президент республики, и другие депутаты и сенаторы, журналисты. Разоблачения стали достоянием гласности. Буланже объединился с монархистами, выступил с критикой «продажной, коррумпированной республики», с требованием пересмотра конституции, ликвидации республиканского строя. Республика оказалась под угрозой.

Пик буланжистского движения пришелся на январь 1889 г., когда в Париже проходили частичные выборы в палату. Победа Буланже, выдвинувшего свою кандидатуру, должна была послужить сигналом к государственному перевороту. Однако, одержав победу на выборах,

Буланже все же не рискнул сделать решительный шаг. С другой стороны, правительство решило привлечь его к суду Сената, был выдан ордер на его арест. Буланже предпочел бежать из страны.

Отказ Буланже явиться в суд, бегство из страны, сообщения в прессе о его связях с монархистами и об огромных суммах, полученных им от них, провал на всеобщих парламентских выборах в сентябре 1889 г., когда Буланже и его сторонники получили всего 45 мандатов на фоне 366 мест, полученных республиканскими партиями, способствовали быстрому падению популярности Буланже. Буланжистское движение распалось еще быстрее, чем сформировалось.

На таком сложном внутривнутриполитическом фоне начиналась парламентская жизнь Р. Пуанкаре. Осенью 1889 г. он вновь был избран депутатом от Коммерси. Отпуск перед началом первой сессии палаты депутатов нового созыва он провел вместе с вновь избранными молодыми депутатами А. Ляветужоном и Л. Барту в Иль де Франс, где они договорились о политическом сотрудничестве в парламенте, С Луи Барту это соглашение затем перерастет в крепкий политический тандем. В кулуарах: Палаты депутатов друзей именовали прозвищем «Два корешка» (*Les deux gosses*) по названию романа К. Декурселя⁶. Этот союз, в котором всегда главенствовал Р. Пуанкаре, просуществовал до 1929 г., т. е. до конца активной политической карьеры Пуанкаре. Возможно, именно в это время Р. Пуанкаре пришел к выводу о том, что вскоре на главные роли в палате депутатов придут не пламенные ораторы и разрушители старого, а люди новой формации — неполитизированные, прагматичные, профессионально разбирающиеся в государственном строительстве. Вероятно, помня слова одного из основателей Третьей республики А. Тьера о том, что «нужно знать подноготную финансов, обороны, чтобы понять принципы строения государства», Пуанкаре весь свой досуг посвятил штудированию финансовых вопросов. Эти «штудии» принесли плоды. Вскоре после начала работы очередной сессии, он вошел в бюджетный комитет. Здесь его основательность, вдумчивость и трудолюбие были замечены, и председатель комитета Казимир Перье предложил Р. Пуанкаре принять участие в подготовке бюджетной записки для министерства финансов и монетного двора. Успешная работа над бюджетом дала повод для его первого выступления в палате депутатов.

Выступление Р. Пуанкаре состоялось 24 октября 1890 г., когда в палате депутатов проходили слушания по проекту бюджета на 1891 г. Как один из его разработчиков Пуанкаре выступил в поддержку этого проекта, приводя довольно жесткие и даже нелицеприятные для некоторых чиновников доводы в пользу принятия представленного проекта бюджета. В частности, отвечая на критику проекта выступавшим до него оратором, представителем правых, бароном де Зубейраном, который ругал бюджет за то, что по военному министерству не предусмотрено увеличение ассигнований, Пуанкаре возразил, отметив, что этому министерству нужно продуктивно тратить выделенные средства, и что бюджет этого ведомства должен быть адекватен экономическому положению страны. Реплика Пуанкаре о военных расходах была встречена аплодисментами депутатов центра и левой фракций.

Затем оратор высказал мнение о том, что улучшение экономического состояния страны произойдет тогда, когда правительство будет работать профессионально. Закончил же свое выступление Р. Пуанкаре тезисом о том, что нужно иметь мужество проводить честную финансовую и налоговую политику⁷. И вновь это заявление было встречено аплодисментами всего зала.

Успех первого выступления в палате депутатов, казалось, должен был подтолкнуть молодого лотарингца на новые выступления, но он вновь замолчал на восемнадцать месяцев. Этот новый «молчаливый» этап его политической карьеры был связан со скрупулезной работой в бюджетной комиссии и адвокатской практикой, где он брался за самую черную работу, от которой отказывались адвокаты его уровня. Позднее, вспоминая это время, он напишет: «Во Дворце Правосудия я делал без малейшего отвращения самую грязную работу с убеждением, что это поможет мне узнать всю подноготную профессии»⁸.

Поводом для нового появления Пуанкаре на трибуне палаты депутатов 28 марта 1892 г. стало обсуждение вопроса об исполнении бюджета за предыдущий год. Он выступал от имени комитета по бюджету. Огонь его критики был направлен против тех министерств, которые не уложились в финансовые рамки, отведенные им на 1891 г. Главной мишенью для критики вновь стало военное

министерство, которое более других превысило расходы. Р. Пуанкаре заявил, что эти чрезвычайные расходы «невозможно... оправдать даже словами о национальной обороне»⁹. После такого бойкого выступления слово вынужден был взять премьер-министр Ш. Фрейсине, который, пытаясь сгладить впечатление от речи Пуанкаре, не без доли юмора напомнил депутатам о молодости Пуанкаре и о том, что «отвагу и талант нужно направлять не на критику известных парламентариев (то есть министра обороны – Н.Е., С.В.), а на более нужные дела»¹⁰. Последняя реплика Фрейсине, не отличавшегося прямолинейностью¹¹, могла означать, что пока он остается одним из лидеров палаты, для Пуанкаре путь к власти закрыт. Кроме того, речь Фрейсине свидетельствовала о том, что во фракции умеренных республиканцев, лидером которой был премьер-министр и к которой примыкал Р. Пуанкаре, не было принято критиковать «своих» министров, далее в случае их причастности к коррупции. Эта традиция родилась еще в период борьбы с монархистами за утверждение республики. Вторым «табу», которое проигнорировал молодой парламентарий, был запрет на критику военного министерства. Пикантность ситуации для Фрейсине состояла в том, что в эти дни шла подготовка к очередному раунду франко-русских переговоров о заключении военной конвенции¹². Критика в адрес военного министерства была несвоевременной, ведь Россию надо было убедить в том, что французская армия пользуется абсолютной поддержкой государства и способна противостоять немецкой армии и быть надежным партнером России.

Впрочем, о перипетиях переговоров с Россией Р. Пуанкаре вряд ли что-либо знал.

В своей критике руководителей французской политики Р. Пуанкаре был не одинок. Многие депутаты-республиканцы, среди которых были в основном молодые люди, с презрением относились к коррупции в правительстве, к нежеланию руководства осмыслить реалии дня и делиться властью с парламентской молодежью. Среди этих недовольных стала складываться новая парламентская фракция — «прогрессистов». Лидерами ее стали Р. Пуанкаре, Л. Барту, П. Дешанель, Ш. Дюпюи, а их рупором стала газета «Съекль» («Век») ¹³. Группа была молодая, честолюбивая. Как писал А. Зеваэс, члены этой группы «жаждали министерских и президентских мест, причем сразу»¹⁴.

Ломки Третьей республики «прогрессисты» не желали. Они отрицательно относились к революционным идеям. Так, П. Дешанель заявлял, что «прогрессизм—это барьер для социалистической революции»¹⁵. Главным направлением своей деятельности «прогрессисты» считали борьбу за изменение нравов парламентского государства. Нравы, существующие в палате того периода, Р. Пуанкаре описывал так: «Парламентский режим искажен, конституционный дух разрушен. Целью депутата становится роскошь, богатство, заработок в будущем. Происходит зарождение политического класса парламентариев без связей с жизнеспособными и деятельными партиями и обществом. Депутаты перерождаются в функционеров, министры лавируют и интригуют, угрожающе упал авторитет правосудия»¹⁶.

Пути выхода из сложившегося положения «прогрессисты» видели в проведении реформ, во всеобщем избирательном праве» создании в палате сплоченного большинства и восстановлении авторитета правительства¹⁷. По своим политическим позициям, как нам представляется, «прогрессисты» мало чем отличались от своих старших коллег. Их критика была, скорее всего, очередной акцией в борьбе за власть, желанием обратить на себя внимание общества. К тому же после выборов 1893 г. практически все умеренные республиканцы, включая большинство их лидеров, влились во фракцию «прогресса».

В немалой степени этому «слиянию» умеренных республиканцев с «прогрессистами» способствовали новые катаклизмы общественной жизни. Разразился новый финансовый скандал. Он возник в связи с тем, что компания, занимавшаяся строительством Панамского канала, в конце 1889 г. объявила о своем банкротстве.

Большая часть капитала, собранного для строительства канала, была потрачена на подкуп министров, сенаторов, депутатов, которые могли обеспечить выпуск займа, гарантированного правительством, и журналистов, которые развернули широкую рекламную кампанию в пользу займа в прессе. Вялотекущее с 1889 г. расследование банкротства летом 1892 г. завершилось возбуждением дела против руководителей компании и обвинением их в мошенничестве. Затем

последовали разоблачения в причастности к делу политиков, банкиров, министров, депутатов, редакторов газет. Эти разоблачения будут продолжаться до конца года и будут сопровождаться драматическими событиями — самоубийствами, дуэлями и т.д.

Оппозиция, как монархическая, так и социалистическая, использовала панамский скандал как плацдарм для критики буржуазной республики, обрушилась на позиции умеренных республиканцев и радикалов, которые оказались замешанными в скандале. Престиж многих руководителей французской политики был подорван. Особенно пострадали М. Рувье, Ж. Клемансо и Ш. Фрейсине. Если первым удалось через некоторое время вернуть утраченные позиции, то для 64-летнего Фрейсине (к большому удовлетворению Р. Пуанкаре) это было концом его политической карьеры. Он вынужден был отступить, хотя вплоть до начала Первой мировой войны пытался оказывать влияние на французскую политику.

Скандал сыграл на руку «прогрессистам». Так как до очередных парламентских выборов, назначенных на август 1893 г., оставалось немного времени, решено было создать переходное правительство, возглавить которое было поручено «прогрессисту» Шарлю Дюпюи. Дюпюи предложил Р. Пуанкаре портфель министра народного просвещения. Пуанкаре это предложение принял.

Правительство, созданное в апреле, должно было сдать свои полномочия после начала работы палаты депутатов, избранной в августе 1893 г. Срок был невелик, поэтому Р. Пуанкаре отказался переезжать в служебную министерскую квартиру. Но и за короткий срок он на своем посту сделал довольно много. Прежде всего, он разработал новую программу приоритетов для Министерства просвещения, где на первом плане были защита окружающей среды, поддержка трудящихся против социального риска. Идея процветания, которую его предшественники и коллеги по фракции представляли как экономическую, у министра-«прогрессиста» приобрела социальные и моральные аспекты.

Практически сразу вникнув в суть работы министерства, он смог сделать несколько полезных вещей. Память о студенческих годах у Пуанкаре была еще свежа, и он в первую очередь занялся вопросами высшего образования. За месяц ему удалось разработать проект создания университетов в крупных провинциальных городах. Суть проекта состояла в том, чтобы объединить изолированные доселе факультеты в крупные, автономные, децентрализованные университеты, которые после реформы должны были стать центрами культуры и просвещения во французских провинциях. Эта идея была взята Р. Пуанкаре из опыта устройства системы высшей школы в Англии и Германии. Проект был одобрен в совете министров, однако сенат его отклонил. Возможно, на позицию сената оказал влияние возраст автора проекта реформы¹⁹. Однако из-за прогрессивных идей, заложенных в проект реформы образования, Р. Пуанкаре стал очень популярным политиком во многих учебных заведениях Франции.

Среди других дел Р. Пуанкаре этого времени отметим, что 17 июля 1893 г. он наградил Эмиля Золя орденом Почетного легиона. Со стороны Пуанкаре это был смелый шаг, так как к творцу Ругон-Маккаров и его произведениям отношение в стране было неоднозначным. Награждение Золя высшим французским орденом многими было встречено неодобрительно. Р. Пуанкаре это прекрасно осознавал и все же пошел на это, по-видимому, напоминая обществу перед парламентскими выборами, что на своем посту министр не политик, а лишь чиновник, далекий от нее.

Помимо работы в министерстве Пуанкаре часто совершал поездки по стране, много выступал. Именно во время этих поездок и выступлений он стал по-настоящему известен во Франции,

Парламентские выборы состоялись 20 августа 1893 г. и для Пуанкаре они были успешными. Он вновь был избран депутатом от департамента Мёз, Распределение мест в палате депутатов свидетельствовало об изменениях в настроениях французских избирателей: центристы получили 311 мандатов, радикалы лишь 140. Сдвиг вправо означал, что левоцентристское правительство должно уйти в отставку. Кроме изменений в расстановке сил в палате и обществе, на положение правительства Дюпюи оказало влияние и то обстоятельство, что в скором времени на рассмотрение правительства и парламента должен был быть представлен проект закона «Об

анархистах». Правительство Дюпюи и само желало уйти, чтобы не ассоциироваться с судьбой этого законопроекта.

Для замены левоцентристского правительства более правым была и внешнеполитическая причина; в декабре 1893 г. предполагалось подписать военную конвенцию с Россией-Заканчивался процесс формирования военно-политического союза между Францией и Россией. И создание «более правого» кабинета, как полагали некоторые политики, могло быть более благоприятно воспринято в Петербурге.

Учитывая все эти обстоятельства, премьер-министр Ш. Дюпюи выступил во вновь избранном парламенте с заявлением о том, что правительство не приемлет «ни пересмотра конституции, ни отделения церкви от государства, ни изменения избирательной процедуры, ни утверждения единого и прогрессивного налога»²⁰. Иначе как провокационное это выступление нельзя было назвать. Идеи, высказанные Дюпюи, расходились с партийными воззрениями радикалов, три представителя которых входили в правительство. Как и следовало ожидать, радикалы немедленно заявили о выходе из состава кабинета, и он перестал существовать.

Новым главой кабинета министров стал консерватор Казимир Перье. Премьерство его было недолгим. Уже в мае 1894 г. оно пало после ухода из правительства нескольких министров. 28 мая президент республики Сади Карно поручил формирование нового правительства Шарлю Дюпюи. 30 мая правительство получило вотум доверия палаты депутатов. Костяк нового правительства составляли «прогрессисты». Портфель министра финансов был отдан Р. Пуанкаре.

Пост министра финансов во Французской Республике был одним из ключевых. И министром финансов, как точно заметил российский историк Ю. И. Рубинский, мог быть назначен только человек, «который пользуется доверием деловых кругов, особенно доверием биржи, которая с чуткостью барометра реагировала на все сложные перипетии партийных и парламентских сражений»²¹. Пуанкаре обладал этим доверием в деловых кругах. Среди крупных французских компаний, которые он консультировал в качестве адвоката, были такие, как Сен-Гобен и Комите де Форж. Приняв министерство, Пуанкаре начал работу в двух направлениях: во-первых, он разработал новый бюджет, а во-вторых, попытался провести налоговую реформу. Если с бюджетом дело обстояло неплохо, то вокруг налоговой реформы разгорелась нешуточная борьба.

Система налогообложения Третьей республики была унаследована у Великой французской революции конца XVIII в. Прямые налоги, «четыре старухи», как их называли во Франции, совершенно не отвечали реалиям конца XIX в. Такими же неэффективными были и косвенные налоги. От несовершенства налоговой системы государственная казна недополучала довольно много средств- А государственные потребности в финансах росли с каждым годом- Перевооружение армии, колониальная политика, замена устаревшего оборудования предприятий в связи с технической революцией увеличили расходы правительства на 3,5 млрд. франков, а дефицит бюджета на 1895 г. составил 55 млн. франков²². Проблемы с государственным ассигнованием и должна была решить, по мнению Р. Пуанкаре, фискальная реформа. Он предлагал ввести пропорциональный налог на доход и новый градационный налог на наследство- Отношение к идеям министра финансов в палате было сложным. Если центр их поддерживал, то правые, интересы которых и должны были быть затронуты более всего налогом на наследство, были против любых новых налогов, а радикалы и социалисты считали их недостаточными.

Дискуссия по проекту налога на прибыль проходила в Палате с 7 по 12 июля 1894 г. Проект был отправлен в финансовую комиссию на доработку, где он был окончательно похоронен. 4 декабря та же участь постигла и проект налога на наследство. Эти неудачи молодого политика помогли ему избавиться от лишних иллюзий, но и закалили его.

В январе 1895 г- правительство ушло в отставку. Поводом для нее послужила отставка министра труда Л. Барту, не сумевшего справиться с забастовкой на Южной железной дороге. В конце месяца было сформировано переходное правительство А. Рибо, который предложил Р. Пуанкаре продолжить работу в министерстве финансов- Неудачная попытка Пуанкаре внести изменения в налоговую систему, побудила его отказаться от предложенного портфеля, но стать министром просвещения он согласился. Теперь он не пытался провести какие-либо глубокие преобразования, но и без них жить не мог. Его деятельная натура требовала перемен. Ему удалось

создать докторат в политических науках, увеличить количество стипендий в среднем образовании, создать музейные кассы- Попытка преобразовать факультеты в университеты вновь не удалась. Как министр просвещения он много выступал в парламенте, по-прежнему часто выезжал за пределы столицы и выступал перед разной аудиторией- В феврале он успешно полемизирует с Ж. Жоресом о проблемах образования. Яркими и эмоциональными были его выступления на банкете, посвященном выборам Ф. Бертелло во Французскую академию, и на похоронах Пастера²³. В это время он знакомится со многими деятелями культуры — А. Франсом, А. Доде, Г. Кальметтом и другими. Когда Э. Золя и А. Доде занялись подготовкой юбилея братьев Гонкур, Р. Пуанкаре с готовностью профинансировал его из средств своего министерства²⁴.

28 октября 1895 г. правительство А. Рибо пало. Новый премьер-министр, радикал Л. Буржуа предложил Р. Пуанкаре войти в состав его кабинета. Но, сославшись на партийные разногласия, Пуанкаре отказался. Предложение следующего премьера, умеренного республиканца А. Мелина, он также не принял, объяснив отказ активной адвокатской практикой²⁵. Скорее всего, причина нежелания Пуанкаре войти в состав правительств состояла не в тех доводах, которые он приводил, а в ситуации в палате депутатов: прочного большинства не было; из-за отсутствия стабильности и министерской чехарды министр не мог провести необходимую реформу. Все это отталкивало Пуанкаре от министерских постов. К тому же слишком амбициозный политик не желал вновь стать жертвой легкомыслия и коррупции некоторых депутатов.

Р. Пуанкаре решил передохнуть. К тому же его избрали вице-председателем палаты. Должность давала ему высокое положение в парламенте. У него оставалось больше времени для занятий адвокатскими делами. Он ушел не в оппозицию политике, а скорее в ее резерв. Уроки работы в правительствах и в парламенте заставили его сделать вывод о том, что, для того чтобы подобающим образом играть свою роль в политике, нужно сначала обеспечить свое профессиональное положение, которое дало бы ему моральную и материальную независимость. Он не оставил политику, он ушел, чтобы обеспечить себе в ней тылы и фланги. Главной пока для него оставалась адвокатская деятельность.

Еще в бытность министром просвещения ему неоднократно приходилось разрешать споры между деятелями культуры. Вернувшись на стезю адвоката, он согласился стать юрисконсультом общества литераторов. Для роста популярности в обществе трудно было найти место лучше. Уже первое взятое им дело принесло ему огромную известность.

11 июля 1896 г. умер Эдмон Гонкур. Свои сбережения он завещал Французской академии. Однако его дальние и близкие родственники потребовали пересмотра завещания. Защищать Академию от алчных наследников Альфонс Доде поручил Р. Пуанкаре. 5 августа 1897 г. состоялся гражданский суд, который вынес постановление в пользу Академии. Вердикт был вынесен в результате удачно выстроенной адвокатом Академии Р. Пуанкаре защиты²⁶. Вторым известным выигранным делом этого времени стала защита матери Ж. Кайо в начале 1898 г. от нападков на ее собственность²⁷. За юридическими консультациями к нему обращался даже Ж. Верн.

Трудно сказать, как долго продолжался бы этот «отпуск» от большой политики, если бы он не был прерван событием, которое заставило Р. Пуанкаре вернуться к активным политическим баталиям. Это было знаменитое «дело Дрейфуса» — дело о шпионаже, ставшее вскоре национальной драмой, вылившейся в противостояние реакционных и демократических сил страны.

Офицер генерального штаба Альфред Дрейфус, еврей по национальности, в 1894 г. был обвинен в передаче немцам военных секретов и осужден на вечную ссылку. Спустя три года начальник контрразведки подполковник Пикар установил имя истинного виновника: им был венгерский авантюрист, также офицер генерального штаба, Эстергази. Становилось ясно, что А. Дрейфус был обвинен преднамеренно. Однако реакция отступить не хотела. Суд подтвердил прежнее решение в отношении Дрейфуса и оправдал Эстергази. В 1898 г. полковник Пикар был уволен в отставку. Э. Золя, выступивший в защиту Дрейфуса с письмом «Я обвиняю», был приговорен к году тюремного заключения и вынужден был эмигрировать. Наступление реакции вызвало недовольство в обществе. Страна разделилась на сторонников и противников Дрейфуса — дрейфусаров и андрейфусаров. Шла борьба за демократию, демократические институты, оказавшиеся под угрозой.

Перелом в деле наступил осенью 1898 г.: самоубийством покончил жизнь лжесвидетель полковник Анри, бежал из Франции Эстергази, очевидной стала преднамеренная ложь военного суда и поддерживавших его высших властей. Борьба вылилась на улицы. Вступление в борьбу народа свидетельствовало о том, что реакция терпит поражение.

Р. Пуанкаре с делом Дрейфуса был знаком с 1894 г. Он входил в правительство, когда там решался вопрос о предательстве офицера-еврея. Очевидно, что тогда он не был в курсе расследования по этому делу и поверил в справедливость приговора военного суда. Даже когда общество узнало о разоблачениях подполковника Пикара, он не поторопился в лагерь дрейфусаров. Как заметил один из его биографов Ж. Пайан, «он спешил воздержаться»²⁸. Только после успешных перевыборов 1898 г. на новый срок и ухода из правительства его союзников Мелина и Барту Р. Пуанкаре начал действовать. Он все чаще стал появляться в штабе дрейфусаров на авеню Л- Гоша, в салоне Армана де Кайва, где вместе с Ж. Клемансо и А. Брианом планировал акции сторонников пересмотра приговора Дрейфусу. Апогеем его деятельности в качестве дрейфусара стало его выступление в палате депутатов 28 ноября 1898 г. с речью, в которой он клеймил военных и требовал пересмотра дела Дрейфуса и Пикара. Свою речь он закончил словами: «Я счастлив... освободить свою совесть»²⁹.

Выступление в парламенте принесло Пуанкаре в обществе звание дрейфусара. Однако внутри лагеря дрейфусаров к нему относились все же скептически. Э. Золя отзывался о его вкладе в дело как о несущественном³⁰. Но даже и такое участие Пуанкаре не устраивало парламентскую фракцию «прогрессистов» и ее лидера Ш. Дюпюи. Они отказали ему в поддержке, считая, что пересмотр дела будет выгоден лишь социалистам. Р. Пуанкаре же полагал, что в условиях развивающегося внутривластного кризиса опасность для существующего строя исходит не слева, а справа, со стороны реакции. Фракционное отчуждение заставило его 9 февраля 1898 г. объявить о выходе из фракции «прогрессистов». Вместе с Ж. Лейгом он организовал группу левых республиканцев. От «прогрессистов» новая фракция своей программой практически не отличалась, разделяло их только отношение к делу Дрейфуса.

Между тем борьба, выплеснувшаяся на улицы, приобрела острые формы. В июне 1899 г. монархисты совершили нападение на президента республики Э Лубе. Социалисты в ответ провели вооруженную демонстрацию в Лоншаме. Эти события показали, что правительство не в состоянии контролировать события и должно уйти. Отставка кабинета Ш. Дюпюи состоялась 12 июня 1899 г. Возглавить новый совет министров Лубе предложил Р. Пуанкаре.

Приняв предложение, Р. Пуанкаре полагал, что в сложившихся условиях резкой поляризации сил, противостояния в обществе правительство должно быть сформировано только на широкой республиканской основе, «от социалистов до усмирителя забастовок Л. Барту»³¹. Однако социалисты и радикалы потребовали слишком много министерских портфелей. И Пуанкаре пришлось отказаться от мысли уже сейчас занять пост премьер-министра. Такая быстрота отказа для Р. Пуанкаре, как отмечали его современники, была очень характерна. За свою политическую карьеру он нередко отклонял весьма соблазнительные предложения. А если принимал, то, как писал А. Бриан, «он смотрел на дверь, чтобы сбежать»³². Такая позиция создавала некое впечатление равнодушия Р. Пуанкаре к руководящим постам.

Новое правительство создал Р. Вальдек-Руссо. Что не удалось сделать Р. Пуанкаре, сделал Вальдек-Руссо. Он создал правительство «республиканской концентрации», в которое вошли представители всех фракций французских республиканцев – от генерала Галифе, душеителя Парижской коммуны, до социалиста А. Мильерана, От фракции левых республиканцев в правительство вошел Ж. Лейг. Пуанкаре поддержал правительство.

Идиллия длилась недолго. Включение в правительство генерала Галифе и Мильерана уравновесило фланги, но не правительство в целом, в нем ощущался крен влево. Начало нового витка антиклерикальной борьбы развело правительство и Пуанкаре.

Пуанкаре не был ярким антиклерикалом, в парламенте он всегда исправно следовал тактике республиканской солидарности, голосуя и против монархистов и против крайне правых. Но новая антиклерикальная кампания в стране была встречена настороженно. Так, в родном департаменте Р. Пуанкаре Мёз к ней относились крайне отрицательно³³. Чутко уловив настроения своих

избирателей (ведь скоро должны были пройти новые парламентские выборы), он начал критиковать действия правительства. А когда католики протянули республиканцам руку, на своем конгрессе в Коммерси приняв решение требовать пересмотра дела Дрейфуса³⁴, Р. Пуанкаре вместе с Л. Барту в палате депутатов голосовал за резолюцию правых о недоверии правительству Вальдек-Руссо, которая, впрочем, не прошла.

В мае 1901 г. Р. Пуанкаре, Л. Барту и Ж. Кайо организовали оппозиционный правительству Альянс республиканцев-демократов (АРД). Альянс скорее напоминал объединение бывших и действующих депутатов, созданное для завоевания мест в новом парламенте. Он был бесформенным, но, как писала М. Ребеириу, «очень чувствительным к своим избирателям, часто очень богатым и с налетом великих интересов»³⁵. Руководство Альянсом было поручено «свадебным генералам» - А. Карно, брату бывшего президента Сади Карно, председателю Генерального собрания департамента Шаранта, и бывшему председателю Французского банка Ж. Маньэну, который наверняка не утратил связей в финансовых кругах Франции. Но реальными руководителями Альянса были, конечно, Р. Пуанкаре, Л. Барту, Ж. Кайо, Ж. Дюпюи. С одной стороны, известные политики, а с другой — поддержка финансовых кругов, субсидировавших издания газет Альянса—«Пти Паризьен», «Матен» и других, сделали движение заметной силой на французском политическом Олимпе. В руководстве Альянса Раймону Пуанкаре отводилась роль разработчика политической программы. Лозунгом разработанной им программы стал девиз «Долой крайности». Р. Пуанкаре заявлял, что ему «не нравится радикализм ни левый ни правый, что те и другие предлагают Франции плохие пути»³⁶ и что Альянс будет выступать в союзе с партией радикалов против кандидатов, поддерживающих коалиции клерикалов и националистов³⁷.

Все же главную опасность для Франции этого времени Пуанкаре видел в социалистическом движении. Выступая в марте 1902 г. на съезде Альянса в Руане, Пуанкаре говорил: «Частые и продолжительные стачки, угрожающий характер, принятый ими в некоторых местах, все это свидетельствует об опасности того парламентского давления на правительство, которым так гордятся социалисты»³⁸.

Выход из политического кризиса и метод борьбы с правым и левым экстремизмом Р. Пуанкаре видел в усилении власти президента республики, который, как он говорил, «должен проявить власть, данную ему (конституцией- — Н.Е., С.В.), но которой он лишен в силу парламентской традиции»³⁹.

На очередных парламентских выборах, состоявшихся летом 1902 г., Р. Пуанкаре вновь был избран депутатом от Коммерси, а его группировка в Палате депутатов получила 100 мандатов. Победили на выборах радикалы, которые получили 220 мест в парламенте. Правительство Вальдек-Руссо ушло в отставку. Новый кабинет возглавил Э. Комб, который был известен во Франции своим стойким антиклерикализмом. Чтобы упрочить положение правительства, Э. Комб решил укрепить союз с центром, сделав ему уступки: он отмежевался от социалистов и предложил И. Рувье, члену Альянса, портфель министра финансов. Альянс вошел в правящую коалицию. Обладая прочным большинством в палате депутатов, Э. Комб начал новую атаку на духовенство. Р. Пуанкаре, лично осуждая ее, тем не менее ни разу не выступил в парламенте с критикой действий правительства. Оказавшись в столь двусмысленном положении, Пуанкаре покинул палату, как только представился случай. В январе 1903 г. он стал сенатором: принял участие в выборах на освободившееся в Мёзе место сенатора и победил, собрав 774 голоса из 808⁴⁰.

1902-1905 гг. для Третьей Французской республики были периодом потрясений, связанных с антиклерикальной борьбой и борьбой трудящихся за свои права. Влияние католической церкви во Франции принимало угрожающий характер. Через школы, созданные церковными конгрегациями, число учащихся в которых было больше, чем в светских школах, церковь оказывала влияние на молодое поколение страны. Церковь владела недвижимым имуществом, стоимость которого постоянно росла. Правительство Э. Комба, опиравшееся на прочное левое, поддерживающее правительство большинство в палате, начав с издания декрета о закрытии более трех тысяч конгрегационных школ, в июле 1904 г. провело через парламент закон об упразднении всех школ, созданных конгрегациями, и поставило вопрос об отделении церкви от государства.

Р. Пуанкаре не одобрял антиклерикальных актов парламента и правительства. Но он был связан коалицией с радикальным большинством палаты и поэтому вынужден был молчать в Сенате. Поэтому первый сенаторский срок в политическом плане для него был потерян. Он понимал, что любая критика набирающих силу радикалов может покончить с его политической карьерой.

Невозможность активно участвовать в решении внутривластных проблем заставила Р. Пуанкаре обратиться к вопросам внешней политики. Одной из наиболее сложных проблем внешней политики Франции в эти годы был вопрос об овладении североафриканской страной Марокко, на которую претендовали Англия, Германия, Италия, Испания и другие страны. Чтобы упрочить свои позиции в Марокко, Франция дошла по пути устранения соперников в результате заключения соглашений с некоторыми из них. К разряду таких актов относилось секретное соглашение 1900 г. с Италией, по которому Италия давала свое согласие на овладение Марокко Францией в обмен на признание Францией прав Италии на другие североафриканские территории — Триполитанию и Киренаику. В апреле 1904 г. соглашением с Англией Франция обеспечила себе свободу действий в Марокко, предоставив Англии свободу действовать в Египте. И наконец, в октябре 1904 г. Франция подписала секретную конвенцию с Испанией о разделе Марокко. Согласно этой конвенции в сферу влияния Испании вошли часть Северного и часть Юго-Западного Марокко. Биограф Р. Пуанкаре Ж. Месн высказал мысль о том, что эту «хитроумную дипломатическую комбинацию» придумал его герой⁴¹.

1903-1904 гг. для Р. Пуанкаре были временем улаживания и личных, и профессиональных дел. 17 августа 1904 г. в Париже он сочетался гражданским браком с Генриеттой Бенуччи⁴². Венчаться в церкви он не мог себе позволить по политическим мотивам. В это же время, в июне 1905 г., он вновь блеснул своим талантом адвоката во время защиты мадемуазель Бранде, предъявившей иск театру «Комеди Франсез».

В декабре 1905 г. наступил апогей в антиклерикальной кампании. 9 декабря палата депутатов приняла закон об отделении церкви от государства. Законопроект был разработан еще при правительстве Э. Комба, которое пало в январе 1905 г. Премьером после Комба стал сторонник Р. Пуанкаре Морис Рувье, который, хоть и был противником антиклерикального законодательства, вынужден был продолжать антиклерикальную политику из-за настроений в обществе. Закон об отделении церкви от государства предусматривал передачу церковной собственности в распоряжение так называемых культовых ассоциаций после ее инвентаризации. Реализация закона сопровождалась столкновениями между верующими и чиновниками, проводившими инвентаризацию церковного имущества, несколько человек были ранены и один убит. Это вынудило правительство Рувье уйти в отставку. В палате депутатов и в обществе в целом стало складываться мнение о необходимости более взвешенной политики в отношении церкви. Верно заметил Ж. Клемансо по этому поводу: «Не нужно начинать гражданскую войну, чтобы пересчитать церковные канделябры⁴⁴. Состав правительства, созданного после отставки Рувье, должен был внести успокоение в общество. В состав кабинета министров, возглавляемого Ж. Сарьеном, вошли крупные политические деятели — Л. Буржуа, Ж. Клемансо, А. Бриан, Раймону Пуанкаре был предложен портфель министра финансов, и он согласился его принять.

Вскоре после того как он возглавил министерство на улице Риволи, Пуанкаре занялся решением вопроса о предоставлении займа России. Война с Японией изрядно потрепала бюджет России, а начавшаяся революция усугубила его состояние. Переговоры с послом России в Париже А.И. Нелидовым и русским финансовым агентом А.Г. Рафаловичем о предоставлении займа вел сам министр финансов Р. Пуанкаре. В результате этих переговоров царская Россия получила заем в 2250 млн. франков, как писал В. И. Ленин, «на расстрелы, военно-полевые суды и карательные экспедиции»⁴⁵. С этого времени Р. Пуанкаре всегда был *persona grata* для русского правительства.

Но главной проблемой для министра финансов оставался бюджет. Трудность заключалась в том, что с начала XX в. бюджет был дефицитным. Денег же правительству нужно было все больше и больше. Марокканский кризис 1905-1906 гг. обострил франко-германские отношения. Как полагает С. Фей, именно этот кризис способствовал возрождению у Р. Пуанкаре и других политиков «новой решительности скорей рискнуть войной, чем вторично принять такое

унижение»⁴⁶. Международный кризис привел к усилению гонки вооружений. Пуанкаре был солидарен с теми политиками, которые высказывались за увеличение финансирования военного министерства. Из сложившейся финансовой ситуации он намерен был выйти с помощью сокращения численности государственных служащих. Начал он с сокращения числа чиновников своего министерства⁴⁷. Кроме того, были введены некоторые новые косвенные налоги: был введен налог на минеральную воду и повышена стоимость почтовых марок⁴⁸.

Финансовые мероприятия, предложенные Пуанкаре, в палате депутатов были приняты почти без обсуждения. Но на заседании кабинета министров у него возникли разногласия с министрами-радикалами, которые не поддержали его предложения увеличить ассигнования на военные расходы, что довело бы расходную часть бюджета до 4 млрд. франков⁴⁹. Когда радикалы отказались его поддержать, Пуанкаре, не желая доводить дело до прений в палате, подал прошение об отставке, чем спровоцировал падение всего кабинета. По мнению П. Мике, главной причиной ухода Р. Пуанкаре из правительства были его разногласия с радикалами Ж. Кайо и К. Пельтаном: Пуанкаре отказался удовлетворить их требования о введении нового подоходного налога и обязательного декларирования доходов под жестким контролем государства.

Новое правительство, созданное 5 ноября 1906 г., возглавил Ж. Клемансо, 64-летний «Тигр» высоко ценил Р. Пуанкаре за «умственные способности и деловые качества»⁵¹. Он предложил ему войти в правительство, но Пуанкаре отказался. Будучи человеком амбициозным, он донимал, что при не терпящем возражений премьере и отрицательно к нему настроенной палате ему не удастся проводить независимую политику. К тому же молодому супругу нужно было укрепить финансовое положение своей семьи, что было возможно сделать, лишь вернувшись к адвокатской практике. Но, скорее всего, главной причиной его ухода из большой политики была все же неостребованность французской политической системой начала XX в. такого политика, как Р. Пуанкаре,—центриста-прагматика с патриотическими идеями, сторонника соглашения, а не конфликта.

Р. Пуанкаре ушел из активной политики, как оказалось, на пять лет. Время «самовольной изоляции» для него прошло довольно интенсивно и насыщенно. Он много работал в адвокатуре, где некоторые его дела прогремели на всю страну. Самое известное из них — дело издателя Лемерра против писателя А. Франса. В молодости А. Франс опрометчиво заключил договор с издательством Лемерра, по которому он обязался написать для него историю Франции. Время прошло, но мэтр за эту работу даже не принимался, и Лемерр подал на писателя в суд. Защищать великого писателя взялся Р. Пуанкаре. Понимая трудность дела, Пуанкаре придумал блестящий компромисс. Вместо многотомной истории Франции Анатоль Франс обязался написать Лемерру исторический роман. Мировая литература получила новый художественный сборник «Латинский гений»⁵².

Желая укрепить позиции во Дворце Правосудия, Р. Пуанкаре выдвинул свою кандидатуру на должность главы парижской гильдии адвокатов, но проиграл выборы адвокату А. Дрейфуса Ф. Лабори.

Важные события в жизни Пуанкаре этого периода произошли на литературном поприще. В 1908 г. умер академик Эмиль Жебар, известный специалист по истории итальянского Возрождения и творчества Ф. Рабле. На освободившееся место «бессмертного» известный историк Э. Лависс выдвинул Раймона Пуанкаре и 9 декабря 1909 г. Р. Пуанкаре стал членом Французской академии. За него проголосовали две трети академиков.

За двадцать лет парламентской деятельности Р. Пуанкаре прошел путь от начинающего депутата до одного из самых известных французских политиков, лидера палаты депутатов и самых крупных ее фракций. Плодотворной была и его деятельность на постах министра просвещения и министра финансов. Внутренне он уже готов был занять пост премьер-министра, но сам осознавал, что его время еще не пришло. Ему оставалось ждать. Он отошел от активной политической жизни, напоминая о себе лишь статьями критического содержания во французских газетах и журналах, а также выигранными им как адвокатом делами. Он ждал нового политического поворота, чтобы быть призванным на политический Олимп. Это произойдет только в 1911 г.

3. ПРЕМЬЕР-МИНИСТР

С 1906 по 1912 г., когда Р. Пуанкаре был в стороне от большой политики соперничество великих держав привело к двум крупным международным кризисам — Боснийскому и второму Марокканскому. Повторение кризисов, их определенная схожесть, постоянный немецкий шантаж угрозой применения силы создали во французском обществе атмосферу беспокойства и предчувствия скорой кровавой развязки. В этой атмосфере укрепились националистические настроения и патриотические чувства, что привело к уменьшению социальной розни и определенной консолидации французского общества.

Выборы 1910 г. это ясно показали- Состав палаты депутатов почти не изменился, лишь социалисты отобрали у радикалов девятнадцать мест, остальные группы сохранили свои позиции. Но во многих избирательных округах правые применили новую тактику: они отдавали свои голоса радикалам, только чтобы не допустить социалистов. И депутаты-радикалы, как точно об этом писал Ж. Сеньобос, «были более озабочены прекращением антицерковной борьбы и волнений рабочих, чем поддержкой светской школы или проведением социальных реформ»¹. В этой ситуации состав правительства неизбежно должен был качнуться вправо, в сторону новых настроений в обществе.

Поводом для реорганизации правительства стали события, связанные с Агадирским кризисом 1911 г. Именно на волне новых марокканских потрясений Р. Пуанкаре вернулся в большую политику. Сделать это он решил через свою родину - Лотарингию. В августе 1911 г. в ряде публичных выступлений в лотарингских городах он проверил свою концепцию выхода страны из политического кризиса.

Главная мысль, высказанная им в этих выступлениях, состояла в том, что оздоровить политическую ситуацию во Франции можно только свежей струей патриотизма. Так, в Вердене, на национальном конгрессе учителей, он заявил, что «при современном положении, сложившемся в Европе и в мире, первая обязанность добропорядочного гражданина — быть храбрым и дисциплинированным солдатом». «В двух шагах от этой ужасной границы,—говорил он,— в провинции, оплоте Франции, найдем ли мы хоть одного учителя, который стал бы слушать бессильные советы интернационалистов или следовать коварным предложениям дезертирствующего пацифизма?»². Несколько дней спустя на открытой сессии Генерального совета департамента Мёз Р. Пуанкаре выступил с новой речью. В ней особый упор он сделал на мысли о необходимости создания сильного и авторитетного правительства для управления внутренними делами страны и добавил: «Но то, что правительство республики должно дать почувствовать свою законную власть, касается не только внутренних дел. Мы все ожидаем от него действий и за рубежом, защиты интересов и достоинства Франции сколь решительной, столь и искусной»³. Полагая, по-видимому, что выражает общее стремление нации, он далее заявил: «Вся страна не хочет ничего более, кроме как не пожертвовать ни одним из своих прав и не отдать больше, чем получает»⁴. Это выступление Пуанкаре привлекло большое внимание французских политических кругов и общества, поскольку оно было сделано в самый разгар Агадирского кризиса, на сессии провинциального совета, где привычно было обходить политические вопросы. Влиятельные газеты, в частности «Тан», высказали ему полное одобрение, опубликовав эти выступления как передовицы или на самых заметных местах.

Эти выступления Пуанкаре были своеобразным заявлением о том, что он возвращается в большую политику. Вскоре Р. Пуанкаре подтвердил это своим вступлением в парламентскую комиссию, занимавшуюся поисками выхода из Агадирского кризиса⁵.

«Прыжок "Пантеры"» обострил отношения между Францией и Германией и еще более накалил международную обстановку. Переговоры о компенсациях Германии за ее отказ от Марокко, превратившиеся в настоящую «торговлю» о компенсациях, затягивались. В обеих странах начались усиленные военные приготовления, воинственную в отношении Германии позицию заняла Англия. В конце концов это заставило Германию согласиться на тот минимум уступок, на которые могла пойти Франция. 4 ноября 1911 г. было достигнуто соглашение о передаче Германии незначительной части Французского Конго, небольшого участка конголезских джунглей⁶.

Сообщения об уступках Германии вызвали во Франции, а особенно в Лотарингии, бурю протеста. Р. Пуанкаре, хотя и вынужден был солидаризоваться с радикальным большинством комиссии, как и остальные его земляки-депутаты при голосовании франко-германского соглашения воздержался. Вне стен комиссии он резко выступал против ее решений. В одном из интервью, которое он дал в ходе кризиса, Р. Пуанкаре выразил свое понимание путей выхода из него: только с позиции силы, поскольку, как он считал, с Германией нельзя заигрывать» ибо она «не понимает языка правоты и неправоты, она понимает только принудительные меры»⁷.

Перипетии внутривластной борьбы, вызванной Агадирским кризисом, 11 января 1912 г. привели к падению правительства Жозефа Кайо. После недолгой закулисной борьбы президент А. Фалльер предложил пост премьера сначала Л. Буржуа, затем Т. Делькассе, но оба по разным причинам отказались возглавить правительство и, наконец, 13 января 1912 г. предложение было сделано Раймону Пуанкаре. И Пуанкаре его принял. Несомненно, выбор Фалльера случайным не был. Несомненно, к власти Пуанкаре привели патриотически настроенные силы во французском обществе.

Приглашение занять пост премьер-министра, сделанное не партийному функционеру, а представителю юридической элиты, свидетельствовало о кризисе и дезориентации политических партий в это время. Р. Пуанкаре сформировал свой первый кабинет после двухдневных консультаций. Помимо поста главы правительства, он взял себе и портфель министра иностранных дел. В состав правительства вошли представители всех республиканских фракций. С одной стороны, это означало, что правительству будет обеспечена поддержка большинства палаты, а с другой, это создало и определенные трудности. Р. Пуанкаре должен был постоянно лавировать между различными группировками. В отличие от кабинета Ж. Кайо, где было немало не пользовавшихся влиянием министров, Р. Пуанкаре собрал очень авторитетное правительство, в которое вошли два будущих президента республики — А. Мильеран и А. Лебрен, два будущих лауреата Нобелевской премии — А. Бриан и Л. Буржуа, а также Т. Делькассе и Ж. Дюпюи. Правительство получило название правительства «национального союза»⁹.

16 января 1912 г. Р. Пуанкаре выступил в палате депутатов с правительственной декларацией. Главными тезисами программы деятельности правительства стали ратификация франко-германских договоренностей по Марокко, реформа избирательной системы, верность Франции существующим союзам, а также ее искреннее стремление к миру. Но выступление закончилось на тревожной ноте: «Хотя наша страна, — говорил кандидат в премьеры, — может быть совершенно мирной, она не властна над всеми обстоятельствами и в то же время намерена строго выполнять свои обязательства. Поэтому армия и флот будут объектами нашей внимательной заботы»¹⁰.

Вотум доверия палаты депутатов (440 голосов против 6, при 123 воздержавшихся) стал первой победой нового правительства¹¹. Такое единодушие было обеспечено двумя обстоятельствами. С одной стороны, Р. Пуанкаре успешно провел работу в кулуарах палаты. Левому центру он пообещал ускорить в сенате рассмотрение нового проекта закона о налоге на прибыль. Хотя сам Р. Пуанкаре был противником этого налога, но ради республиканского единства он вынужден был обещать это. Правым и Французской социалистической партии он гарантировал введение пропорциональной системы выборов¹². А с другой стороны, это единодушие свидетельствовало, что французское общество перед лицом внешней опасности стало консолидироваться. Итак, мандат доверия палаты давал Р. Пуанкаре возможность попытаться провести свои идеи в жизнь. Главной внутривластной задачей для Франции последних лет был вопрос о введении принципа пропорционального представительства на выборах в Национальное собрание. За реформу избирательной системы выступали крайне правые и крайне левые фракции палаты. Как наиболее дисциплинированные фракции, они могли надеяться на увеличение своего представительства в парламенте, к тому же их лидеры при мажоритарной системе выборов не всегда попадали в палату¹³. При введении в силу нового закона о выборах это было бы невозможно. Активными противниками реформы были разношерстные радикалы, которые ясно осознавали, что пропорциональная система им ничего хорошего не принесет. Остальные депутаты центра не выработали четкой позиции по этому вопросу.

Что касается Р. Пуанкаре, то он был «одним из самых убежденных сторонников реформы», как сообщал в Петербург русский посол в Париже А. П. Извольский¹⁴. Несколько раньше Р. Пуанкаре говорил, что реформа «должна оздоровить существующий парламентский режим, усилить фракции и правительство и создать твердое республиканское большинство»¹⁵.

Прения об избирательной реформе по инициативе правительства возобновились в палате 29 января 1912 г. и завершились лишь 11 июля 1912 г. Они проходили очень жестко. Для Р. Пуанкаре сложность ситуации усугублялась тем, что в самом правительстве согласия по этому вопросу также не было. Некоторые члены кабинета во главе с Л. Буржуа были противниками пропорциональной системы. Зорко следивший за этой борьбой русский посол в Париже А. П. Извольский¹⁶ сообщал по этому поводу министру иностранных дел России С.Д. Сазонову, что Р. Пуанкаре все же «удалось... убедить своих сотрудников в необходимости дать удовлетворение настойчивым стремлениям народа к усовершенствованию избирательной системы»¹⁷.

Чтобы этого достигнуть, Р. Пуанкаре вынужден был пойти на компромисс, согласившись внести в проект закона положение о введении «премии» большинству, но основу закона – голосование по партийным спискам и расширение избирательных округов – ему удалось сохранить.

И 10 июля 1912 г., перед уходом на летние каникулы, большинством в 339 голосов против 217 палата депутатов окончательно вотировала законопроект о пропорциональном представительстве¹⁸.

Но эта победа для Р. Пуанкаре оказалась пирровой, так как сенат, цитадель республиканского индивидуализма, был настроен против реформы. Понимая всю бесперспективность дальнейшей борьбы, Р. Пуанкаре так и не решился направить законопроект на утверждение в сенат. Б. отместку Р. Пуанкаре «забыл» об обязательствах, данных радикалам, о проведении фискальной реформы. Конечно, говорить о «войне» между Р. Пуанкаре и радикалами нельзя, но определенная личная вражда с некоторыми лидерами французского радикализма – Ж. Кайо, Ж. Клемансо, К. Пельтаном – все же имела место.

Проблемы с пропорциональными выборами, с новой налоговой реформой и другие вопросы внутренней политики, конечно, для премьер-министра были очень важны. Но главным направлением политической деятельности Р. Пуанкаре на посту главы правительства и главы министерства иностранных дел была внешняя политика.

Практически все, кто когда-либо сталкивался с Р. Пуанкаре— министром иностранных дел, сходились в том, что он был плохим дипломатом. И с этим можно согласиться- Его жесткий характер, неумение и нежелание обходить острые вопросы, а также отсутствие большого опыта ведения международных дел не способствовали его дипломатической карьере. К тому же, желая беспрекословного подчинения аппарата Кэ д'Орсэ, на пост директора департамента политических дел он назначил своего лицейского товарища М. Палеолога, который ни по профессиональным качествам, ни по влиянию в обществе не соответствовал своей должности.

Теперь, когда Пуанкаре сосредоточил в своих руках достаточно большую власть, он получил возможность реализовать на практике свою главную внешнеполитическую идею, которая состояла в том, что утверждения достоинства и престижа Франции можно достичь только через консолидацию Антанты.

Отношения между союзниками по Антанте в эти годы действительно были далеки от гармонии интересов. И Англия, и Россия сохраняли и поддерживали определенный уровень отношений с Германией. Россия не желала вступать в конфликт с Германией в силу колониальных проблем, экономических связей, железнодорожного строительства- Что касается Англии, то временами казалось, что она все дальше отходит от своих союзников и идет на сближение с Германией. В 1912 г. возобновились англо-германские переговоры по колониальным проблемам, периодически начинавшиеся и безрезультатно оканчивавшиеся в предшествующие годы. Особенно встревожила Р. Пуанкаре миссия английского военного министра Ричарда Холдена в Берлин в феврале 1912 г. Германия в это время предприняла попытку оторвать Англию от России и Франции, зондировала возможность нейтрализации Англии на случай войны против Франции. Англия, в свою очередь, обеспокоенная подготовкой в Германии нового флотского закона, который должен был

существенно увеличить судостроительную программу Германии, намерена была добиться соглашения с ней: Англия проявляла готовность сделать колониальные уступки Германии в Африке, финансировать строительство Багдадской железной дороги в обмен за сохранение превосходства Англии на море. Ни та, ни другая сторона на такого рода договоренности пойти не могли.

Р. Пуанкаре предпринял большие усилия, стараясь предотвратить заключение какого бы то ни было англо-германского соглашения. Он резонно считал, что эти соглашения могли стать основанием для уклонения Англии от участия в войне, если Германия объявит ее Франции. Р. Пуанкаре инструктировал французского посла в Лондоне Поля Камбона убедить министра иностранных дел Великобритании Э. Грея, что «подписание англо-германских соглашений разом положило бы конец нынешним англо-французским отношениям»¹⁹. Уже летом 1912 г. Пуанкаре с удовлетворением отмечал, что между Францией и Англией есть устное соглашение о том, что Франция будет поддержана английскими войсками в случае нападения на нее Германии²⁰. Однако отсутствие письменной договоренности с Англией беспокоило Р. Пуанкаре, и он предложил англичанам заключить письменное соглашение о военно-морском сотрудничестве. Существенным шагом на пути к военно-морской конвенции стала договоренность о распределении сфер действия военно-морских сил двух держав: Англия должна была сосредоточить свой флот в Северном море, Франция свой — в Средиземном. Договоренность была оформлена обменом письмами между Э. Греем и П. Камбоном 22 — 23 ноября 1912 г. По характеру это был политический консультативный пакт между Англией и Францией. И, наконец, в марте 1913 г. была подписана секретная морская конвенция.

Самым главным союзником Франции Р. Пуанкаре считал Россию. Его приход к власти был одобрительно встречен российскими правящими кругами. Франко-русские отношения были подняты на новый уровень. Вскоре после прихода к власти он заявил о своем твердом намерении поддерживать с Россией «самые тесные отношения и направлять внешнюю политику Франции в полном согласии с ее союзницей». В отчете, представленном С.Д. Сазоновым Николаю II, министр иностранных дел писал, что в лице Пуанкаре «Россия имеет верного и надежного друга»²².

Одной из важнейших задач внешней политики Франции стало установление военно-стратегического партнерства с Россией, и Р. Пуанкаре был причастен к решению этой проблемы. Уже со времени создания франко-русского союза и подписания военной конвенции (1891—1893 гг.) периодически проводились совместные совещания генеральных штабов России и Франции. С 1911 г. они стали ежегодными. Параллельно шли переговоры о военно-морской конвенции, в которых речь шла о необходимости совместных действий русского и французского флотов и взаимных консультаций руководства военно-морских сил обеих стран. 16 июля 1912 г. морская конвенция была подписана. Тогда же была подписана и «Конвенция об обмене информацией между русским и французским флотом». Правительство Третьей республики, как писал об этом Р. Пуанкаре, одобрило установление постоянных и систематических контактов между флотами Франции и России²³.

Еще большему укреплению связей между Францией и Россией способствовал визит премьер-министра Р. Пуанкаре в Петербург в августе 1912 г. Беседуя с русскими политическими и государственными деятелями, Пуанкаре убедился в том, что Россию и Францию связывают общие интересы. Вернувшись в Париж, он говорил и о сердечности приема оказанного ему в Петербурге, и о «прочности существующих между обеими странами отношений»²⁴.

Однако даже в это время наивысшего подъема доверия между Францией и Россией Пуанкаре пытался подтолкнуть Россию к совершению таких шагов, которые были чреваты серьезными последствиями. Так, в декабре 1912 г., сразу же после окончания первой Балканской войны, через российского посла Извольского он старался убедить Россию не робеть в разрешении балканского кризиса²⁵.

За намерением вытолкнуть Россию на линию огня ясно просматривалось стремление торпедировать Балканский союз, доказавший свою потенциальную силу и единство в борьбе с Турцией. Опасалась Франция и усиления австрийского влияния на Балканах²⁶. А стремление

ограничить свободу действий союзника проявилось в том гневе, которому Пуанкаре дал волю, когда ему показалось, что русский министр иностранных дел С. Д. Сазонов слишком сблизился с Италией и когда было объявлено о встрече царя с германским кайзером²⁷.

За исключением этих «шероховатостей» 1912 г. в отношениях между Францией и Россией, виновником которых был премьер-министр Франции, Р. Пуанкаре все же последовательно стремился к упрочению отношений с Россией. Но исключение «поглотило» правило. Подталкивая Россию к более решительной позиции, Р. Пуанкаре, по-видимому, не допускал мысли, что война может начаться из-за Балкан. Но в то же время он был согласен с мнением французского посла в Петербурге Ж. Луи, что лучше катаклизм, чем уступка Тройственному союзу, «поскольку это означало бы определенное признание господства Германии в Европе»²⁸.

В целом же и в 1912 г. французская политика по отношению к России определялась громогласным заявлением Р. Пуанкаре в сенате о том, что «Россия может полагаться на Францию»²⁹.

Если политика Р. Пуанкаре способствовала укреплению отношений Франции с Англией и Россией, то его политика в отношении Италии привела к обратному результату. Арест во время итало-турецкой войны французских пакетботов «Карфаген» и «Мануба» итальянскими миноносцами был встречен французским обществом, растревоженным Агадиром, резко отрицательно. Р. Пуанкаре поддался этим настроениям и выступил в палате с недипломатично резкой речью. Речь получила одобрение во Франции, но в Италии вызвала бурю протестов. Как вспоминал французский дипломат Жюль Лярош, французскому послу в Риме Барреру «потребовались весь его авторитет и хладнокровие, чтобы заставить итальянцев позабыть высказывание Р. Пуанкаре»³⁰.

Как видно из вышеизложенного, внешняя политика Р. Пуанкаре не была безупречной. Он охотно откликался на вызов своего противника. Своими действиями Р. Пуанкаре, несомненно, внес вклад в нарастание опасного противостояния в Европе, а своей резкостью и неуступчивостью он способствовал исчезновению надежды на мирный выход из него. Он серьезно сомневался в том, что мир можно долго сохранять. Учитывая позицию Германии и Австро-Венгрии, которые склонялись к войне, многие во Франции, и прежде всего сам премьер, считали такую политику оправданной. Решив для себя, что война «не за горами», он активно принялся готовить Францию к грядущему кризису материально и морально.

В первую очередь он стал укреплять армию и ее боевой дух. По всей стране прошли акции в поддержку армии, в парламенте состоялись дискуссии об уважении национальной чести³¹. В Париже стали традиционными ночные военные факельные парады—*les retraites aux flambeaux*, которые, как писал об этом А.А.Игнатъев, «способствовали подогреванию чувства воинственного патриотизма»³². Военные марши, парады должны были подкрепить слова премьер-министра, произнесенные им в Нанте о том, что французы—это «народ, который не хочет войны, но в то же время не боится ее»³³. Правительство решительно заняло позицию противника антимилитаристских выступлений. Особенно оно было против пацифистской агитации, которую проводили педагоги, ссылавшиеся на требование нейтралитета школы. Совет министров выступил с заявлением: «Воспитатели французской молодежи, присоединяясь к антипатриотической деятельности, ставят светскую школу в очень опасное положение»³⁴.

Только за 1912 г. французское правительство издало целый «букет» новых законов и декретов, имевших отношение к военным вопросам. Среда самых значительных были следующие акты: 17 января 1912 г. был издан декрет о создании и порядке созыва Высшего военного совета, который улучшил взаимопонимание государства и армии; 13 февраля 1912 г. Р. Пуанкаре подписал морскую программу, по которой резко увеличивалось количество закладываемых военных кораблей французского военно-морского флота; 29 марта 1912 г. вышел закон о реорганизации французского военно-воздушного флота; 16 июля 1912 г. была заключена военно-морская конвенция о взаимодействии французского и русского флотов. Назначенный в 1911 г., не без поддержки Р. Пуанкаре, начальником генерального штаба Ж. Жоффр «занялся реорганизацией французской военной доктрины с оборонительной на наступательную»³⁵. Эта новая доктрина требовала, чтобы численность личного состава французской армии была по крайней мере

адекватной численности армии вероятного противника. Но численный состав французской армии на 1 января 1913 г., по данным русского военного агента во Франции А.А-Игнатьева, составлял 559 тыс. человек против 750 тыс. германской армии³⁶. Увеличить численность солдат молено было, только изменив срок военной службы с двух лет до трех. Хотя борьба за этот закон начнется в 1913 г., но уже в 1912 г. он красной нитью проходил через логику решений генерального штаба и правительства.

Как мы видим, работа Р.Пуанкаре на посту премьер-министра была крупномасштабной и плодотворной. Значительная часть французов поддерживала Р. Пуанкаре в его методах ведения дел. Его кабинет приступил к выполнению своих задач, ощущая симпатию и надежду нации. И к концу 1912 г. это доверие чувствовалось по-прежнему. Хотя большинство французов очень мало знало о том, что происходило за дипломатическими кулисами, они были способны понять патриотический пыл публичных выступлений Р. Пуанкаре. Палата депутатов также весь 1912 г. постоянно выносила ему вотум доверия с большим запасом прочности.

Публикации в газетах и журналах того времени подтверждали, что поддержка кабинета была широкой и искренней. Отчеты иностранных послов из Парижа отражали их уверенность в том, что правительство Р. Пуанкаре держится на патриотических чувствах масс. Английский историк Сидней Фей, как и некоторые другие историки, утверждал, что Р. Пуанкаре «с 1912 по 1914 гг. проводил агрессивную и опасную политику, которая не выражала желаний огромного большинства по-настоящему миролюбивых французов и не поддерживалась теми из них, кто полностью отдавал себе отчет в ее возможных последствиях»³⁷. Быть может, это и так, тем не менее Р. Пуанкаре действительно пользовался поддержкой в народе, поскольку он возродил в определенной части общества надежду на восстановление справедливости - возвращение утраченных в 1870-1871 гг. провинций.

Итак, новый 1913 г. Р.Пуанкаре встречал признанным значительной частью общества самым могущественным политическим деятелем своей страны. Это дало ему смелость согласиться принять участие в президентских выборах.

Восхождение Р. Пуанкаре на французский политический Олимп было тривиальным. Такой путь прошли практически все друзья и оппоненты лотарингца по палате депутатов. Рождение в провинции, получение престижного образования в столице, затем приобретение веса в избранной профессии, и, наконец, обретение возможности предложить себя местной политической элите, которая помогала попасть в парламент.

В молодом депутате Р.Пуанкаре можно было уже найти ростки того, чем будет славен Р. Пуанкаре—премьер-министр или президент: вдумчивость, ораторские способности, честность и компетентность. Пройдя через горнило большой французской политики конца XIX—начала XX в., Р. Пуанкаре смог не скомпрометировать себя причастностью ни к одному грязному политическому скандалу- Завоевывая авторитет как среди избирателей, так и в палате депутатов, он медленно, но верно приближался к высотам французской власти, и его таланты были востребованы. 1911-1912 гг. несомненно, были успешными в политической биографии Р. Пуанкаре. После нескольких лет добровольного отхода от политики он смог безболезненно вернуться на французский политический Олимп, но он вернулся не просто как известный сенатор-центрист, а как один из руководителей французской политики, что ясно показала его работа на посту премьер-министра. Успехи этого периода подвигли Р. Пуанкаре на новый, казалось, необдуманный шаг: сменить реальную власть премьера на эфемерную власть президента. Он решил баллотироваться на пост главы государства. Раймон Пуанкаре вступал в новый этап своей политической карьеры.

4. ПУТЬ НА ОЛИМП

Итак, Р.Пуанкаре решил баллотироваться на пост президента республики, что было нетипичным для политика такого масштаба, ибо он, занимая пост премьер-министра, уже обладал большой реальной властью.

Положение президента в Третьей республике было противоречивым. Конституционный закон от 25 февраля 1875 г. «Об организации государственных властей» предоставлял президенту

достаточно широкие прерогативы и полномочия во многих областях политической деятельности. Президент обладал правом законодательной инициативы, следил за исполнением законов и обеспечивал их, был главнокомандующим вооруженными силами страны, производил назначения на высшие военные и гражданские должности, председательствовал на национальных торжествах. Он имел право свободного выбора министров и роспуска палаты депутатов. Совместно с обеими палатами президент мог быть инициатором пересмотра Конституции. Президенту, а не правительству, принадлежала верховная исполнительная власть, В области внешней политики президент имел право вести переговоры и заключать договоры с иностранными государствами без утверждения и даже без ведома парламента, если эти договоры не предусматривали уступки какой-нибудь территории или колоний Французской Республики.

Однако на практике многие из полномочий, записанных в законе 1875 г., в Третьей республике никогда президентом не осуществлялись и чаще всего исполнялись правительством. Как справедливо отмечали в своей работе французские исследователи системы власти во Франции Ж. Шевалье и Ж. Конак, «президент в Третьей республике, как правило, был послушным человеком из левых, играющим в политике вторую или третью роли и канонического возраста»¹. Это негласное правило возникло в 70-80-х годах XIX в., когда республиканцы боролись с монархистами и не хотели видеть на посту президента нового Луи Бонапарта. Предшественник Р. Пуанкаре на посту президента А. Фалльер отвечал всем этим негласным стандартам. За семилетие своего президентства он прославился только тем, что постоянно выражал недоумение: почему его оторвали от его виноградников, где он работал с отцом, и «чем он заслужил высокую честь» представлять свою страну, после того, как его назначили на этот высокий пост².

Но ухудшение международной обстановки в самом начале XX в. привело большую часть французского общества к мысли, что в годы предстоящих суровых испытаний страна должна иметь сильного президента из числа ведущих политиков. Выдвижение Р. Пуанкаре кандидатом на пост президента стало самым ярким отражением этих настроений. Р. Пуанкаре идеально подходил под новый президентский стандарт. Он имел все его составляющие: известный и не запятнавший себя коррупцией политик, дрейфусар, популярный писатель и вполне успешный адвокат. Патриот, к тому же—уроженец Лотарингии, которую Ж. Кайо метко окрестил «мускулатурой Франции»³, Р. Пуанкаре был олицетворением символа борьбы Франции за возврат восточных провинций. На президентском посту хотела видеть Р. Пуанкаре и главная союзница Франции Россия. Недаром русский поверенный в делах в Париже М. М. Севастопуло писал министру иностранных дел С. Д. Сазонову: «Если, не дай бог, Пуанкаре потерпит поражение, это для нас будет катастрофой»⁴.

Представления Р. Пуанкаре о роли президента в Третьей республике были хорошо известны как в стране, так и за рубежом. В разное время, как в прессе, так и в парламентских дебатах, он выступал за усиление роли президента в рамках французской конституции, т. е. за исполнение президентом полномочий в полном объеме⁵.

Р. Пуанкаре никогда не давал удовлетворительного объяснения, почему он решил выставить свою кандидатуру на президентских выборах. Он уже был премьер-министром, что давало ему возможность осуществлять реальный контроль над правительством. У него были прекрасные перспективы власти на многие месяцы, так как его престиж и в стране, и в палате депутатов был очень высок. Честь стать хозяином Елисейского дворца имела, без сомнения, свою притягательность, но Р. Пуанкаре был не тем человеком, который променял бы реальную власть на внешнюю помпезность. Можно смело предположить, что в 1913 г. Р. Пуанкаре не променял бы реальную власть на воображаемую, если бы у него не было шансов на действительное руководство французской политикой из президентского кресла. В своих мемуарах по этому поводу он писал так: «Меня едва ли соблазняло отдать семь лет моей жизни под власть протокола»⁶. И вряд ли можно сомневаться в том, что на него оказывало влияние растущее стремление французского общества видеть не номинальную, а осязаемую власть Елисейского дворца.

Многие известные французские политики (Р. Клотц, Л. Буржуа, А. Бриан и А. де Мун) и партии выступали с тех же позиций. Так, парламентская группировка левых республиканцев, в которую входил и Р. Пуанкаре, зимой 1913 г. публично выступила в поддержку такого президента,

«который использовал бы все полномочия (данные конституцией — Н. Е., С. В.)»⁷. Сторонниками сильной президентской власти всегда были все правые политические группировки, армия, финансовые и промышленные круги. Р. Пуанкаре не мог не почувствовать, что пришло время, когда умный и популярный политик может сместить баланс французских политических сил в сторону Елисейского дворца. Нельзя сбрасывать со счетов и его личные амбиции. Как говорилось выше, он с детства мечтал занять этот пост, желала стать «первой леди» страны и его жена, о чем упоминают некоторые историки⁸.

Хотя Р. Пуанкаре в своих мемуарах утверждал, что в 1912 г. он и не помышлял о президентстве⁹, скорее всего решение баллотироваться на пост президента было им принято летом 1912 г. Именно на это время приходятся первые кулуарные разговоры и зондажи относительно его кандидатуры¹⁰. Впервые имя Р. Пуанкаре публично было связано с президентством в сентябре 1912 г., когда его лучший друг, Габриэль Аннот в статье, опубликованной в «Фигаро», выступил в поддержку сильной президентской власти, а среди предполагаемых кандидатов он особо выделил Р. Пуанкаре¹¹. В это время возникло и пуанкаристское лобби. В него вошли известные и очень влиятельные политики Р. Клотц, Г. Аннот и А. Бриан.

26 декабря 1912 г. Р. Пуанкаре официально сообщил информационному агентству Гавас, что он будет баллотироваться на пост президента республики¹².

До этого времени только дважды в истории Третьей республики о выдвижении своей кандидатуры политики заявляли открыто, в обоих случаях это делалось всего за три или четыре дня до голосования¹³. Свой шаг Р. Пуанкаре объяснил тем, что «ожесточенная кампания радикалов против него заставила его принять бой открыто»¹⁴. Возможно, полемика вокруг идеи сильной власти привела его к мысли, что открытое заявление преуспевающего и известного государственного деятеля, поддерживаемого газетами, могло бы придать выборам совершенно новый характер и принести ему предвыборные очки. Р. Пуанкаре был в большой политике уже около двадцати пять лет, и этот шаг, конечно, был взвешен и продуман заранее. Поступок Р. Пуанкаре не только нарушал традицию выборов во Франции, но он привел к еще одному изменению: кроме закулисной борьбы, он начал открытую публичную предвыборную кампанию. Этот смелый шаг вызвал новую полемику. По этому поводу редактор газеты «Фигаро» Г. Кальметт писал: «Несомненно, что если бы сейчас спросили мнение страны, то господин Р. Пуанкаре уже завтра стал бы президентом республики»¹⁵.

Но президента выбирал не народ и не газетчики, а Национальное собрание. Однако ни сенат, ни палата депутатов не разделяли всеобщего ликования по поводу выдвижения на пост президента Р. Пуанкаре. К тому же председатель палаты депутатов П. Дешанель и президент сената А. Дюбо решили также вступить в борьбу за президентское кресло. В один день они выступили в палате и сенате, где первый говорил, что «личная власть обошлась Франции слишком дорого, чтобы мы испробовали ее еще раз»¹⁶, а второй заявил «об опасности единоличного правления»¹⁷.

Но главной силой, выступившей против Р. Пуанкаре, была партия радикалов. Радикалы небезосновательно считали, что Р. Пуанкаре разрушит их монополию в Елисейском дворце и тем самым ослабит их доктрину парламентского превосходства. Чтобы не дать пройти Р. Пуанкаре в президенты, радикалы решили провести совещание депутатов-республиканцев Национального собрания. В 1906 г. на таком же совещании они смогли навязать парламенту своего кандидата и горели желанием повторить этот успех — выдвинуть «второго Фалльера». К совещанию видные радикалы Ж. Кайо, Ж. Клемансо и К. Пельтан смогли преодолеть внутренние разногласия и выдвинуть от партии радикалов единого кандидата. По традиции им стал бесталанный и невлиятельный фабрикант папиросной бумаги, министр сельского хозяйства В. Пам (Pams).

На совместном совещании депутатов-республиканцев, которое открылось 15 января, присутствовало 652 из 897 членов Национального собрания¹⁸. Таким образом, почти треть депутатов отсутствовала — факт, который мог иметь большое значение.

Желающих быть президентом в этом зале оказалось пятеро: Р. Пуанкаре, В. Пам, А. Дюбо, П. Дешанель и выдвинувший в последний момент свою кандидатуру А. Рибо. Сразу же прошел первый тур голосования, который дал следующие результаты¹⁹:

Р. Пуанкаре	180 голосов
В. Пам	174
А. Дюбо	107
П. Дешанель	83
А. Рибо	52

Так как ни один кандидат не набрал половины голосов, должно было состояться повторное голосование.

Перед вторым туром голосования А. Дюбо снял свою кандидатуру в пользу В. Пама, однако его сенатская фракция, собравшись, единодушно проголосовала в поддержку Р. Пуанкаре²⁰. П. Дешанель и А. Рибо сняли свои кандидатуры без всяких условий. В результате, в предвыборной гонке остались только два соперника — Р. Пуанкаре и В. Пам.

Чтобы победить, одному из двух кандидатов необходимо было набрать 327 голосов. Но во втором туре из 652 голосов Пам набрал 283, а Пуанкаре — 272²¹. Собрание решило прервать выборы, чтобы после активной работы в кулуарах провести успешное голосование на следующий день. 16 января прошел третий тур, который также не выявил победителя. Из присутствовавших 632 человек за Пам проголосовали 322 депутата, а Пуанкаре получил 309 голосов²². Паму для победы не хватило всего пяти голосов. Тогда радикалы решили оказать прямое давление, чтобы убрать Пуанкаре с дороги. Они отправили к Р. Пуанкаре депутацию из четырех виднейших политиков — Ж. Клемансо, Ж. Кайо, Э. Комба и Э. Мони. Встретившись с Р. Пуанкаре, они потребовали от него снять свою кандидатуру. Но Р. Пуанкаре отказался выполнить это требование; тем самым он давал понять, что его желание победить на выборах он ставит выше, чем строгие и бескомпромиссные, но явно устаревшие республиканские принципы и аксиомы, о которых он так часто говорил: о республиканской солидарности, о едином кандидате от республиканцев, об отказе сотрудничать с правыми и т.д. Он пошел на раскол в рядах республиканцев, увозя за собой две пятых участников совещания — собственную фракцию левых республиканцев и большую часть прогрессистов и умеренных.

Сложившееся положение, в результате которого ни один из республиканских кандидатов не смог бы победить, привело к тому, что вопрос о президенте республики мог быть решен не только голосами депутатов-республиканцев, но и голосами депутатов правого фланга - монархистов и клерикалов. На эти голоса Р. Пуанкаре твердо мог рассчитывать, так как для правых он был самым приемлемым кандидатом. Леон Доде и Альбер де Мун, лидеры правых, были его личными друзьями, кроме того, он пользовался у них симпатией из-за своего патриотизма и постоянного желания компромисса со всеми политическими группировками. Следует добавить, что перед своим официальным выдвижением Р. Пуанкаре написал два конфиденциальных письма еще одному лидеру правых М. Донаю, в которых просил правых не критиковать его в своих изданиях, — и нередко до этого критика в адрес республиканца Р. Пуанкаре в правой прессе прекратилась²³. Лидер католиков архиепископ Бордо К. Андрие также был сторонником кандидатуры Р. Пуанкаре²⁴. Не следует думать, что за голоса Р. Пуанкаре предлагал правым заплатить какими-либо уступками или послаблением в антиклерикальной политике. Его политические принципы оставались теми же, что и всегда — строго националистическими и патриотическими, этого одного уже было достаточно, чтобы поддержка правых была ему обеспечена.

Итак, в предстоящих выборах Р. Пуанкаре мог рассчитывать на поддержку определенной части республиканского центра и правых. 17 января 1913 г. в Версале открылось заседание Национального собрания для избрания нового президента. Выборы президента во Франции традиционно представляли большой интерес для публики и высшего света, а в 1913 г., в силу сопровождавших выборы скандалов, в Версале собрался «весь Париж», который разместился во всех близлежащих ресторанах и кафе. Префектом Парижа были предприняты исключительные меры предосторожности: 1600 солдат парижского гарнизона окружили Версальский дворец, еще больше было в резерве на случай необходимости сдерживания разгоряченной толпы²⁵.

Атмосфера в самом собрании была наэлектризованной до предела. Желавших занять Елисейский дворец на новое семилетие теперь оказалось девять. К уже известным кандидатам — Р. Пуанкаре, В. Пам, А. Дюбо. П. Дешанель и А. Рибо — добавились Т. Делькассе, Ж. Дивер, Э. Вайян и Ж. Дюпюи²⁶. Первое голосование дало следующие результаты: Р. Пуанкаре собрал 429 голосов, В. Пам — 327, Э. Вайян—63, все остальные кандидаты в сумме получили лишь 68 голосов.

Р. Пуанкаре не хватило до победы лишь семи голосов, что давало ему хорошие шансы при перебаллотировке. Р. Пуанкаре получил на 120 голосов больше, чем на республиканском совещании. Можно предположить, что обещанная ему монархистами и клерикалами поддержка была оказана.

Сразу же был проведен второй тур голосования, в котором приняли участие Р. Пуанкаре, В. Пам, и Э. Вайян. Пуанкаре получил 483 голоса против 296, отданных за Пам, и 69 — за Вайяна, и стал одиннадцатым президентом Французской Республики²⁷.

Как только стали известны результаты голосования, писал об этой событии А.А. Игнатъев, «толпы народа, запрудившего громадный двор и широчайшие проспекты Версаля, опьяненные успехом уже популярного главы правительства, стали кричать: "Vive Poincaré!"»²⁸. Вновь избранный президент, окруженный эскадрой республиканской гвардии, отправился в Елисейский дворец для встречи с теперь уже бывшим президентом А. Фалльером, который сдал ему свои дела.

Итак, мечта Р. Пуанкаре стать французским президентом свершилась. Несомненно, нового президента переполняли разные чувства. Радость победы была с горчинкой. Об этом дне в его мемуарах нет ни одного радостного слова, слишком дорогую цену он заплатил за то, чтобы вступить в Елисейский дворец, а его будущее было туманно. То обстоятельство, что он открыто порвал со своими старыми политическими партнерами и был избран на пост президента при поддержке бывших противников, не предвещало ему легкой жизни. Жизнь ставила перед Р. Пуанкаре новые трудные задачи.

5. «УЗНИК ЕЛИСЕЙСКОГО ДВОРЦА»

Инаугурация Р. Пуанкаре должна была состояться 18 февраля 1913 г. Но от нового президента уже сразу после выборов ждали каких-то политических шагов, которые показали бы обществу, как же будет действовать Р. Пуанкаре все последующие семь лет.

Сразу же после выборов, 21 января 1913 г., Р. Пуанкаре ушел в отставку с поста премьер-министра¹. Первым политическим мероприятием президента стало формирование нового правительства. Следовало ожидать, что новый кабинет будет мало чем отличаться от предыдущего как по составу, так и политическим курсом. Арман Фалльер, по традиции посоветовавшись с будущим президентом, назначил премьер-министром А. Бриана, который был одним из организаторов победы Р. Пуанкаре и первым вице-премьером в его правительстве. Р. Пуанкаре несколько раз встречался с кандидатом в премьер-министры, о чем сообщала пресса². Во время этих бесед новый президент повел себя нетрадиционно: он «помогал» Бриану формировать его кабинет. Именно Р. Пуанкаре подсказал Бриану назначить на пост министра иностранных дел П. Жоннара. И когда новый премьер предложил этому совершенно бесцветному политику занять пост главы Кэ д'Орсэ, стало ясно: настоящим руководителем французской дипломатией намерен стать сам президент, что вскоре и подтвердилось. П. Жоннар будет каждый день приезжать в Елисейский дворец, а президент—часто наведываться в министерство иностранных дел³. Русских дипломатов, которые опасались изменения французских внешнеполитических приоритетов из-за назначения министром иностранных дел нового человека, Р. Пуанкаре успокоил, утверждая, как сообщал об этом в Петербург сотрудник посольства М. М. Севастопуло, что «Жоннар будет постоянно следовать его (т. е. президента. — Н. Е.) С. В.) указаниям»⁴. Убежденность в стабильности русско-французских отношений при президенте Р. Пуанкаре проявил и посол А. П. Извольский, который писал в Петербург: «Энергия, решительность и цельность характера г-на Пуанкаре является ручательством в том, что в качестве президента республики он не удовольствуется... чисто пассивной и, если можно так выразиться, декоративной ролью, а будет

всемерно и ежечасно влиять на ход французской политики, главным образом в области внешних дел»⁵.

Хотя новое правительство по духу ничем не отличалось от предыдущего, его состав резко изменился. В него не вошел никто из политиков, выступавших против избрания Р. Пуанкаре, как, например, В. Пам или Ж. Дюпюи. Не вошли в правительство и крупные политики, такие как Т. Делькассе, А. Мильеран и Л. Буржуа. Из известных депутатов в нем остались лишь близкие соратники президента Л. Барту и Р. Клотц. А вошедшие в состав кабинета П. Жоннар, Этьенн и Боден были политиками второсортными. Возможно, безликость правительства объяснялась тем, что, как полагали президент и премьер, таким кабинетом им легче будет управлять. Это подтвердилось практически сразу же, когда Р. Пуанкаре отказался подписывать декреты без предоставления доказательств их целесообразности со стороны министров. Фалльер за семь лет своего президентства этого ни разу не осмеливался сделать⁶.

Как и следовало ожидать, на Р. Пуанкаре сразу набросились радикалы, обвиняя его в попрании конституции. Однако в своих действиях Р. Пуанкаре не выходил за рамки отведенных ему конституцией полномочий. Бриан и Жоннар имели полное право обращаться за советами к любому французскому гражданину. Но стиль руководства нового президента совсем не был похож на канонические действия «церемониального старика», его предшественника, и предвещал в скором будущем усиление влияния хозяина Елисейского дворца на французскую политику.

Церемония инаугурации прошла 18 февраля 1913 г. в парижской Ратуше. Как вспоминал в своих мемуарах сам герой, она проходила под аккомпанемент возгласов одобрения охваченной энтузиазмом толпы, которая заполнила всю площадь Согласия, Елисейские поля и Ратушу⁷. Генерал Фларентен, шеф ордена Почетного легиона, вручил Р. Пуанкаре атрибуты власти президента — орден и муаровую перевязь. Экс-президент А. Фалльер произнес торжественную речь, в которой восхвалял новоиспеченного президента как поборника мира и процветания. Правда, в кулуарах, уже не для протокола, с грустью заметил: «Я уступаю место войне»⁸.

Инаугурационная речь вновь избранного президента во Франции облекалась в форму его послания парламенту. Р. Пуанкаре произнес ее во время присяги на верность конституции в Люксембургском дворце. Интересны рассуждения Р. Пуанкаре, содержащиеся в этой речи. Он говорил, что «ограничение исполнительной власти не происходит по желанию правительства или страны». «В период моего правления, — говорил президент, — я вместе с ответственными министрами хотел бы стать свидетелем того, как правительство республики осуществляет целостную, находящуюся под контролем парламента политику, которую оно и должно претворять в жизнь»⁹. Далее он подчеркнул необходимость определенных внутренних реформ, включая введение пропорционального представительства в парламенте, а затем продолжил: «Для народа единственной возможностью эффективно бороться за мир является постоянная готовность к войне- Франция униженная, Франция, по своей вине постоянно подвергающаяся оскорблениям, — такой Франция больше не будет». В заключение он призвал страну идти на любые жертвы, чтобы укрепить армию и флот¹⁰.

Заявления Р. Пуанкаре о поддержке пропорционального представительства и о необходимости подготовки к войне в устах французского президента звучали весьма необычно. В отличие от своих предшественников, которые только клялись в верности и поддержке конституции, Р. Пуанкаре изложил свои взгляды на острейшие вопросы текущей политики. Такое выступление можно было справедливо квалифицировать как публичное изложение президентом своей политической программы, чего раньше в истории Третьей республики никогда не бывало.

Итак, новый президент официально приступил к своим обязанностям.

Символично, что первый декрет, который подписал Р. Пуанкаре как президент, касался франко-русских отношений. В соответствии с этим документом из Петербурга отзывался французский посол в России Ж. Луи. Причиной отставки Ж. Луи было то обстоятельство, что между ним и российским министром иностранных дел С. Д. Сазоновым в силу различия их характеров не сложились личные и деловые отношения. Во время поездки в С.-Петербург в августе 1912 г. Р. Пуанкаре обсуждал эту проблему с русским руководством и хотел решить этот вопрос еще будучи премьер-министром» но из-за несогласия министров-радикалов вопрос остался

нерешенным. После смены правительства новый министр иностранных дел Жоннар 17 февраля отозвал Ж. Луи, а 21 февраля Р. Пуанкаре это решение утвердил. Послом в С.-Петербург был назначен Теофиль Делькассе, такой же германофоб, как Р. Пуанкаре. Смена посла была положительно встречена в России. Отправляя столь опытного дипломата, как Т. Делькассе, на берега Невы, Р. Пуанкаре сделал еще один нетрадиционный шаг: через Делькассе он передал личное письмо Николаю II, в котором президент подчеркивал, что новое назначение укрепит франко-русский альянс; кроме того, в нем говорилось, что Делькассе вправе обсуждать все вопросы стратегического значения¹¹.

С другой стороны, личное послание Р. Пуанкаре русскому царю, отправленное с Делькассе, придавало особый вес французскому послу: он становился своего рода агентом президента, уполномоченным проводить его политику.

Сам Р. Пуанкаре в своих мемуарах отрицал свое участие в отставке Ж. Луи и назначении Т. Делькассе¹². Но, конечно же, он лукавил. Это была заранее спланированная им акция. Р. Пуанкаре был достаточно опытным политиком, чтобы понимать, что замена посла в России, приуроченная к его вступлению в должность президента, будет воспринята рядовыми французами как значимое событие. Он должен был предвидеть и волнения, и недовольство в Берлине и Вене, а также удовлетворение военной партии в Санкт-Петербурге. Такой опытный политик, каким он был, не допустил бы подобного совпадения, если бы не обдумал заранее возможного эффекта. Вероятно, когда Р. Пуанкаре писал мемуары, он сожалел об этом шаге, но в феврале-марте 1913 г. он был, по-видимому, не против того, чтобы нового хозяина Елисейского дворца сочли президентом «другого сорта». Конечно, говорить, насколько «другим» он мог быть, можно было лишь через некоторое время, но сам шаг президента был весьма примечателен.

О степени вмешательства Р. Пуанкаре в дела Кэ д'Орсэ при премьер-министре А. Бриане и министре иностранных дел П. Жоннаре можно судить, например, по эпизоду, связанному с Балканской войной. М. Палеолог, свидетель сцены, которая произошла в министерстве иностранных дел, вспоминал: «Он (то есть президент. — Н. Е. С. В.) подскочил к столу министра... за которым работал в течение года, и, забыв о том, что у него нет никакого официального статуса, забыв о присутствии премьер-министра и министра иностранных дел, схватил телеграфный бланк и написал своим быстрым, властным почерком новый текст телеграммы. А. Бриан наблюдал за ним с изумленным и лукавым видом. Когда я уходил, Р. Пуанкаре шепнул мне на ухо: "Перепиши мой текст, нехорошо, если официальный документ, написанный моей рукой, окажется в архиве"»¹³.

Внимание, которое оказывал Р. Пуанкаре правительству, было для президента палкой о двух концах, так как любые нападки на кабинет били и по обитателю Елисейского дворца, в любых просчетах правительства можно было обвинить и президента. Инаугурационная речь с пассажирами в поддержку военной и избирательной реформ также не могла упрочить его позиций. Этим и воспользовались противники Р. Пуанкаре, в большинстве своем—радикалы, которые считали, что, свалив правительство, они одновременно вызовут кризис и президентской власти.

Наиболее уязвимым моментом для Р. Пуанкаре стала его поддержка законопроекта о пропорциональном представительстве в парламенте. На 18 марта было назначено голосование в сенате по этому закону, который оппозиция рассчитывала провалить. Осознавая это, Р. Пуанкаре решил пойти на компромисс с частью оппозиции. Он решил отказаться от поддержки избирательной реформы, пожертвовать А. Брианом, согласившись на его отставку. В ответ он мог рассчитывать на создание благосклонного к нему коалиционного кабинета и на проведение военной реформы, что для него было более важным¹⁴. 18 марта, после того, как сенат провалил закон об избирательной реформе, Бриан подал в отставку с поста премьер-министра.

Формирование нового кабинета Пуанкаре поручил Луи Варгу. В состав кабинета вошли несколько человек, голосовавших во время президентских выборов за Пама. Введение их в правительство Р. Пуанкаре характеризовал так: «...друзья Пама—это залог к примирению»¹⁵. Но все же большинство, на которое опирался кабинет Л. Барту, как сообщал в Петербург русский посол, было шатким¹⁶.

На время премьерства Л. Барту (26 марта—4 декабря 1913 г.) приходится принятие закона о трехлетней воинской службе. Реформирование французской армии было главной политической

акцией Р. Пуанкаре в первый год его президентства. Сторонник жесткой политики по отношению к Германии, он всегда требовал на немецкий военный шантаж отвечать адекватно твердо. Еще будучи премьер-министром, Р. Пуанкаре добился увеличения военных расходов, создания Высшего военного совета и утверждения нового наступательного плана. Поддержка президентом закона об увеличении срока военной службы была закономерной. 4 марта 1913 г. Р. Пуанкаре впервые созвал Высший военный совет. Возглавив его, он поставил вопрос об увеличении срока службы с двух до трех лет.

Изменение срока службы во Франции было необходимо, так как немецкая армия была больше французской более чем на 100 тыс. человек¹⁷, во Франции к тому же рождаемость была ниже, чем в Германии. В этих условиях увеличение срока службы было единственным средством для поддержания обороноспособного уровня армии. На заседании Высшего военного совета генералы единодушно поддержали законопроект. На основании официального сообщения о заседании Высшего военного совета русский посол доносил в Петербург, что Совет «признал абсолютно необходимым в военных интересах национальной защиты увеличить численность армии» в результате увеличения срока военной службы до трех лет, «для всех абсолютно одинаковой и без всяких льгот»¹⁸.

Не все в стране положительно отнеслись к этому решению. До следующих парламентских выборов оставался год, и многие депутаты боялись этого непопулярного закона. Особенно резко против него выступала часть радикалов во главе с Ж. Кайо, социалисты и Всеобщая конференция труда (ВКТ). Они организовали в Париже и в провинции антимилитаристские демонстрации и митинги. В ряде гарнизонов на франко-германской границе - в Туре и Бельфоре – прошли солдатские волнения. Но это давление не смутило президента.. 15 марта он вызвал в Елисейский дворец начальника генерального штаба генерала Ж. Жоффра и шефа кабинета Кэ д'Орсэ М. Палеолога. Предстояло обсуждение законопроекта в военной комиссии палаты депутатов, поэтому приглашенные вместе с президентом занялись выработкой аргументов в защиту законопроекта¹⁹. Чтобы провести этот закон через парламент, Р. Пуанкаре готов был пойти на крайние меры: если, размышлял он, радикалы свергнут Л. Барту, формирование нового правительства можно было бы поручить Ж. Клемансо, стороннику реформы, но личному врагу президента. Пуанкаре, как утверждает Палеолог, готов был даже распустить палату депутатов или уйти в отставку²⁰. Но сдаваться без боя он не был намерен. Чтобы склонить общественное мнение в пользу трехлетней службы, Р. Пуанкаре совершил автомобильное путешествие по стране, где во всех выступлениях доказывал необходимость принятия этого закона. Все его выступления заканчивались тем, что, как вспоминал Ж. Дюкло, «толпы приветствовали великого лотарингца, помышляя о возвращении Эльзас-Лотарингии»²¹.

Благодаря этим решительным действиям Р. Пуанкаре и других сторонников реформы, 19 июля 1913 г. закон был принят палатой депутатов. Против него голосовали только социалисты. Радикал-социалисты во время голосования воздержались. Характеризуя действия Р. Пуанкаре в пользу закона, русский посол А. П. Извольский в депеше в Санкт-Петербург сообщал, что «совершенно необычные выступления (то есть действия. — Н. Е., С. В.) президента республики... в столь важном для Франции вопросе произвели сильнейшее впечатление во всех массах французского народа»²².

5 мая 1913 г. страна узнала о новом демарше Р. Пуанкаре. Уже девять лет он состоял в гражданском браке с Аннриетт Бинуччи и теперь решил на венчание по католическому обряду. Проводил церемонию его бывший одноклассник, а ныне – ректор католического университета Бодлиар, которому президент после церемонии заявил; «Глава католического государства должен подать пример стране»²³.

Летние месяцы и сентябрь 1913 г. Р. Пуанкаре провел в путешествиях. Он продолжил поездку по стране. В разных местах его встречали по-разному. Так, в Лиможе, цитадели социалистов, ему отказали в торжественном приеме, зато в Провансе, особенно в Марселе, его встречи с местными жителями напоминали древнеримские триумфы. Как отмечала газета «Юманите», Клемансо и Жорес рассматривали эти поездки как зондирование настроений населения перед началом новой

избирательной кампании в парламент²⁴. Возможно, они были недалеко от истины, но не стоит забывать и любовь Р. Пуанкаре к дешевым представлениям и панегирикам в свой адрес.

Среди главных внешнеполитических акций президента в этот период нужно упомянуть о его поездке в Англию. Поскольку последняя встреча глав двух дружественных государств произошла в 1908 г. в Лондоне, то по традиции английский король Георг V должен был посетить Париж. Но королева Мария отказалась нанести визит мадам Пуанкаре, так как последняя была ранее разведена²⁵. И Р. Пуанкаре вынужден был направиться в Англию один. В поездке его сопровождали новый министр иностранных дел С. Пишон и М. Палеолог. Поездка была успешной. Кроме протокольных встреч с королевской семьей, он вместе с С. Пишоном и французским послом в Лондоне П. Камбоном присутствовал на всех переговорах с хозяином Форин Оффис Э. Греем по текущим международным вопросам. М. Палеолог позже вспоминал, что во время дискуссий с англичанами президент был очень активен и «не играл церемониальную функцию, так как английского короля не было»²⁶. Пишон после поездки в приватной беседе говорил, что «президент был великолепен, что он поразил всех объемом знаний, отточенностью формулировок и живым умом». Пишон отметил также, что этот визит— «большой успех для него (то есть президента. — Н. Е., С. В.) и для Франции»²⁷. Английское общественное мнение, как отмечает французский историк П. Месн, в один голос превозносило президента²⁸.

В октябре Р. Пуанкаре совершил поездку в Мадрид. Судя по мемуарам и газетам, визит был менее удачным, чем лондонский. По мнению А. Райта, причиной неудачи был отказ французского президента ответить согласием на просьбу испанского короля Альфонса XIII о поглощении Португалии Испанией²⁹.

Среди других внешнеполитических шагов президента этого времени надо отметить его активное участие в разрешении балканских проблем, в частности вопросов, связанных с албанскими границами.

Активность президента не встречала больших возражений на Кэ д'Орсэ. И все демарши французского министра иностранных дел не обходились без консультаций с президентом³⁰.

Заявления Р. Пуанкаре в Версале сразу после его избрания о том, что он будет проводить национальную политику, оказались не пустым звуком. Он выполнял, пока мог, свое обещание, следя за тем, чтобы на Кэ д'Орсэ попадали нужные люди, которые безусловно советовались бы с ним и следовали его советам. В этом смысле президент имел некоторую власть, но такая власть могла существовать, только пока министр был его союзником или не имел сильного и независимого характера. Жоннар и Пишон были из числа «бесхребетников». Определить точную степень влияния президента на министров иностранных дел невозможно. Никто не может сказать, в какой мере он одобрял уже принятые ими решения. Его деятельность носила скрытый характер, осуществлялась через личные беседы, которые в те времена редко протоколировались. Но замечания, проскальзывающие время от времени в опубликованных мемуарах и документах, указывают на то, что президент вмешивался в дела кабинета, хотя при этом он и не превышал своих конституционных полномочий.

Помимо косвенного контроля над министрами Р. Пуанкаре пытался лично принимать какое-то участие в дипломатических делах. Видимо, поэтому участились зарубежные поездки президента и его встречи с послами ведущих государств. Но приход к власти оппозиционной фракции обязательно должен был изменить уже утвердившуюся практику. 1913 г. прошел для Франции под знаком национализма. Практически каждую неделю проходили демонстрации у завешенной черным крепом статуи Страсбург. Каждую субботу в столице проходили факельные шествия солдат парижского гарнизона. Участились торжества по случаю юбилеев давно забытых французских побед. На всех этих действиях можно было услышать выкрики из толпы: «Да здравствует Лотарингия! Да здравствует Пуанкаре!». Едва ли новый президент был инициатором этой истерии, скорее он был ее продуктом, ее символом.

Активность и популярность президента, а также нескрываемая поддержка им закона о трехлетней воинской службе резко усилили антагонизм его с большей частью радикалов, лидером которых стал Жозеф Кайо. Р. Пуанкаре и Ж. Кайо были знакомы около двадцати лет. Они подружились еще в ту пору, когда были молодыми депутатами, вместе совершали амурные

путешествия. Р. Пуанкаре был свидетелем на свадьбе Кайо с мадемуазель Ренуар, они дружили семьями. В свое время Р. Пуанкаре удачно защищал в суде мать Кайо. Но с годами из-за различия в политических взглядах, нечистоплотности Ж. Кайо в политических и финансовых делах, его позиции в Агадирском кризисе, а также из-за плохих взаимоотношений их жен между ними наметилось резкое политическое противостояние, которое вылилось в громкую ссору.

Радикалам во главе с Ж. Кайо, заручившимся поддержкой некоторых фракций парламента, 4 декабря 1913 г. удалось свалить правительство Л. Барту. Отставка Барту была сильным ударом по президенту. Перед Р. Пуанкаре было два пути выхода из этой кризисной ситуации. Первый путь, которого ждали от него его сторонники и правые, — сохранение старого курса через роспуск парламента и досрочные выборы; а второй путь, на который надеялись левые, — назначить на пост премьер-министра Ж. Кайо и тем самым полностью устраниться от государственных дел. Р. Пуанкаре не был сторонником резких действий в политике, особенно таких, окончательный итог которых нельзя было предугадать, и на роспуск палаты не пошел. К тому же следующие выборы должны были пройти через полгода, а устраниться от власти и чувствовать себя побежденным Жозефом Кайо, который с присущей ему самоуверенностью в эти дни заявлял: «Я жду, когда президент меня вызовет, тогда уже я буду ему диктовать свою волю»³¹, для самого президента также было неприемлемо, Р. Пуанкаре вновь пошел на компромисс. Зная, что радикалы не монолитны, он решил отдать портфель премьера Г. Думергу, стороннику трехлетнего срока службы, но на пост министра финансов было решено назначить Ж. Кайо, что для Р. Пуанкаре было очень болезненным.

Компромисс между радикалами и Р. Пуанкаре означал лишь передышку в борьбе за власть, так как силы сторонников президента и его противников в это время были примерно равны. В какой степени Р. Пуанкаре решил пожертвовать личной возможностью влиять на правительство и действительно ли сохранится старый курс, было неясно.

Итак, 1913 г. для Р. Пуанкаре прошел в целом удачно. Несмотря на ожесточенную политическую борьбу, он смог стать французским президентом. Его авторитет в правительстве, среди союзников, популярность среди простых французов были очень велики. Но декабрьский правительственный кризис и приход к власти радикалов означал, что в новом 1914 г. положение Р. Пуанкаре должно будет измениться.

6. НА ПЕРЕЛОМЕ: 1914 ГОД

11 декабря 1913 г. Гастон Думерг выступил в палате депутатов с правительственной декларацией. Новый премьер-министр не обещал в ней каких-нибудь фундаментальных изменений политического курса. В своем банальном по сути выступлении он все же дважды задел президента: когда обещал «защищать и развивать республиканские институты, которые, как он говорил, открыто или завуалировано подвергались атакам в течение последнего времени»¹, и когда заявил, что его «правительство не будет опираться на поддержку, которая не исходила бы от левых»².

Отношения, которые сложились у президента с премьер-министром и его кабинетом, были двойственными. По вопросам внешней политики никаких столкновений не возникало. Г. Думерг, возглавивший также и Кэ д'Орсэ, был малокомпетентным во внешнеполитических делах и безмолвно отдал их на попечение протеже Р. Пуанкаре — политического директора министерства иностранных дел М. Палеолога³. И сам Р. Пуанкаре в своих отношениях с Думергом, министром иностранных дел, не ограничивался только советами. Он активно вмешивался во все внешнеполитические дела. В январе-феврале 1914 г., во время второй Балканской войны, именно к нему в Елисейский дворец устремились иностранные дипломаты. А посещение президентом Франции германского посольства в Париже, где он провел переговоры по балканским вопросам, было первым и единственным в истории Третьей республики⁵. Наконец, именно из уст президента русский посол А. П. Извольский получил твердые заверения в поддержке российской позиции по вопросу об отзыве из Турции немецкого генерала Лимана фон Сандерса, который во главе военной миссии (42 немецких офицера) прибыл в Константинополь и был назначен на должность

командующего корпусом, дислоцированным на побережье проливов. В России это было встречено с негодованием и заставило ее обратиться за поддержкой в Париж и Лондон⁶.

Не вызывает сомнений, что назначение новым французским послом в Петербурге именно М. Палеолога было целиком инициировано президентом. В России ждали де Маржери, а не Палеолога, но последний был принят без возражений, потому что считался ближайшим другом Р. Пуанкаре.

В апреле 1914 г. президент лично провел переговоры с английским королем Георгом V и министром иностранных дел Великобритании Э. Греем, которые прибыли в Париж с очередным визитом⁷. Во время переговоров обе стороны пришли к убеждению, что, как сообщал А.П. Извольский С.Д. Сазонову 29 апреля 1914 г., «существующие между обеими странами соглашения не нуждаются ни в каком формальном изменении и дополнении»⁸. Именно президент способствовал также укреплению отношений Франции и с Италией⁹, и он же во время поездки в Испанию получил заверения испанского короля Альфонса XIII в том, что Мадрид будет сохранять дружественный для Франции нейтралитет в случае ее войны с третьим государством¹⁰. Все это свидетельствовало о том, что президент в вопросах внешней политики и при новом премьер-министре и министре иностранных дел обладал таким же влиянием, как и прежде.

Но во внутренних делах взаимодействие президента и кабинета были очень сложными, в частности и из-за негативных личных отношений между Р. Пуанкаре и министрами Ж. Кайо и Э. Мони. Ж. Кайо неоднократно делал заявления, смысл которых состоял в том, что Р. Пуанкаре сохранит свой пост лишь до новых парламентских выборов¹¹, но каких-либо явных шагов в этом направлении министр финансов не делал. Кайо был пассивен из-за резкой активизации сторонников президента и его курса.

Еще во время правительственного кризиса, в середине декабря 1913 г., союзники Р. Пуанкаре А. Бриан, Л. Барту и А. Мильеран создали новую парламентскую фракцию – Федерацию левых. Ее девизом стал лозунг «Республика – это свобода!», а целью – быстрая реализация закона о трехлетней воинской службе¹². Хотя Р. Пуанкаре внешне казался непричастным к созданию этой группы, все же обвинения Клемансо в сотрудничестве Федерации с президентом не были лишены оснований¹³.

Практически сразу после создания фракция начала атаку на правительство и лично на министра финансов Кайо. С 18 декабря 1913 г. в близкой Федерации газете «Фигаро» появилась серия статей ее главного редактора Гастона Кальметта, в которых он требовал удаления Кайо из кабинета Г. Думерга. В парламенте фракция также провела бурные акции протеста против лидера радикалов. Основным обвинением в адрес Кайо была его связь с мошенником – финансистом Рошеттом¹⁴. Организатором этой кампании, которая вскоре приобрела характер скандала, был Л. Барту. А с 15 марта газета стала публиковать интимную переписку Кайо с его бывшей любовницей, мадемуазель Ренуар, уже ставшей его второй женой.

17 марта Кайо вынужден был просить аудиенцию у президента, во время которой он настаивал на прекращении грязных нападок на него и его жену. Р. Пуанкаре обещал разобраться. Но эти заверения запоздали: они были даны в тот момент, когда мадам Кайо-Ренуар в редакции газеты «Фигаро» произвела шесть выстрелов в Кальметта. Кальметт скончался, Кайо ушел в отставку. А манифестации правых на улице Дро и на Больших бульварах вынудили подать в отставку и военного министра Э. Мони¹⁵.

Р. Пуанкаре часто обвиняли в том, что он имел непосредственное отношение к публикациям Кальметта¹⁶. А известный французский журналист Луи-Жан Фино даже утверждал, что гранки статей редактора «Фигаро» были выправлены рукой самого президента¹⁷. Эти утверждения не вполне справедливы. Р. Пуанкаре, конечно, не был руководителем этого скандала, но в то, что он не был о нем хорошо осведомлен, татке трудно поверить. Из своего президентского кресла он мог положить конец этому делу еще до встречи с Кайо, но не сделал этого, так как оно было ему политически выгодно.

Р. Пуанкаре и его сторонники могли считать отставку Кайо и Мони крупным успехом, но на самом деле победа была сомнительной. Парламентские выборы, назначенные на апрель—май, должны были изменить или сохранить существующее соотношение сил. 26 апреля и 10 мая 1914 г.

прошли два тура парламентских выборов, на которых успех сопутствовал левым партиям и группировкам. Они получили 268 мандатов из 602, не добрав до абсолютного большинства лишь 40 мест.

С начала 1914 г., в период подготовки к парламентским выборам, Р. Пуанкаре редко показывался на публике, что было не случайно: этим он показывал, что не хочет привлекать к себе внимания общества во время «дела Кайо» и начавшейся предвыборной кампании. К тому же его рейтинг популярности во французском обществе стал снижаться. Все это отразилось на количестве поездок по стране, а его речи и выступления, произнесенные во время этих поездок, видимо, были пустыми и тусклыми, так как уже не вызывали, как в 1913 г., бурной полемики и эмоций ни в обществе, ни в парламенте; они не комментировались и в центральной прессе, что сразу же было отмечено в дипломатических кругах¹⁸.

В начале апреля 1914 г., когда предвыборная борьба достигла апогея, Р. Пуанкаре демонстративно удалился в отпуск, который провел на Средиземноморье. Это был спланированный превентивный шаг президента, направленный против очередных нападков левых, которые готовы были обвинить его в личном вмешательстве в ход предвыборной кампании. Как нам представляется, в отъезде в провинцию была виновата и статья в «Фигаро», которая была опубликована 10 апреля, когда президент уже был в отпуске. Автор ее, старый друг и соратник президента Габриель Аното, требовал пересмотра конституции в сторону трансформации Франции из парламентской республики в президентскую¹⁹. Статья вызвала огромный резонанс в политических кругах. Сам же Р. Пуанкаре высказался о ней отрицательно лишь в июне, уже после парламентских выборов, исход которых не был благоприятен для воплощения в жизнь ее идей²⁰.

Единственным заметным выступлением президента в этот период была речь, произнесенная им 24 мая 1914 г. во время его трехдневной поездки в Лион. В поездке его сопровождали многие министры. В этой речи он коснулся роли президента в современной Франции. В своем монологе, произнесенном, как писал президент в своих воспоминаниях, в присутствии министров и «в полном согласии с ними» он «свободно представил свою концепцию роли, предоставленной президенту конституцией. Здесь он раздал «всем сестрам по серьгам», заранее предвидя недовольство тех, кто мог упрекать его в расширении своих полномочий, и тех, кто мог бы его обвинять в их преуменьшении. Первая часть выступления была выдержана в духе идей радикалов и социалистов: Пуанкаре говорил, что президент должен быть «президентом всех французов», т. е. он «должен исполнять роль арбитра и советника, которую на него возлагает республиканская конституция». Далее он отметил, что «Франция, испытав печальный опыт личной власти, не желает испытывать его снова и намеревается... контролировать ежедневную деятельность кабинетов министров».²¹

Но затем президент заговорил с позиции правых: «В то же время желательно, чтобы все обязанности в государстве были добросовестно исполнены теми, кому их доверили, и Франция ожидает от президента республики, как и от других граждан, выполнения им полностью и без неудач его обязанностей. В силу того, что он взял на себя ответственность за целую нацию, президент республики должен стремиться поднять себя над частными интересами... Он должен освободиться от личного и эфемерного, чтобы утвердить идею постоянной необходимости: он должен пытаться рассматривать (все вопросы. — Н.Е., С.В.) только с французской точки зрения»²². Такую противоречивую речь можно объяснить, с одной стороны, сложным политическим положением, в которое попал президент весной 1914 г.; с другой стороны, это было выступление не президента – члена какой-либо партии, а президента нового типа, главы всех граждан, не дающего партийным разногласиям захлестнуть национальные интересы.

Итак, состав новой палаты депутатов для Р. Пуанкаре был еще хуже, чем предыдущий. Г. Думерг ушел в отставку и президент должен был назначить нового премьер-министра.

Июньский правительственный кризис был самым продолжительным и скандальным в истории Третьей республики. Он продолжался со 2 по 13 июня 1914 г. Р. Пуанкаре вновь оказался между двух огней — между своими сторонниками умеренными и леворадикальным большинством. Одной из причин такого длительного правительственного кризиса было то, что президент пытался лавировать между личным желанием назначить премьером союзника и отсутствием такой

возможности. 3 июня он пригласил к себе представителя левого парламентского большинства, республиканского социалиста Рене Вивиани, известного в стране лишь тем, что он был прекрасным оратором и автором законопроекта, обязывающего жен носить фамилию мужа. Извольский в письме к Сазонову дал довольно точную политическую характеристику, назвав Р. Вивиани «бывшим доктринером... вразумленным опытом власти»²³. К тому же между Р. Пуанкаре и Р. Вивиани существовали тесные деловые отношения. Когда Р. Пуанкаре окончательно ушел в политику, он передал Р. Вивиани всю свою адвокатскую практику и текущие судебные дела²⁴. Что касается главного политического вопроса того времени, закона о трехлетней воинской службе, то Р. Вивиани, хотя и голосовал против него, в кулуарах его поддерживал²⁵. 6 июня правительство было создано. Однако сразу же из него вышли два радикала – Ж. Годар и Ж. Понсо – из-за провокации, спланированной А. Брианом, который оповестил газеты о том, что французский посол в России М. Палеолог выдвинул ультиматум, заявив, что не поедет в Россию без правительственной декларации о поддержке трехлетней воинской службы²⁶. Р. Вивиани отказался от портфеля премьера. Неудача с созданием кабинета Р. Вивиани была бы банальным делом, если бы к этому не были причастны А. Бриан и М. Палеолог. Если первый был ближайшим и преданным союзником президента, то второй был его доверенным лицом на Кэ д'Орсэ и в Петербурге. Вряд ли без указания патрона они допустили бы такую «оплошность». Примечательно, что Р. Пуанкаре никак не отреагировал на требования радикалов отозвать французского посла Палеолога из Петербурга.

Новое правительство Р. Пуанкаре поручил возглавить Александру Рибо, который сформировал кабинет без представителей леворадикального парламентского большинства. И хотя программа кабинета была достаточно либеральной, вотума доверия палаты депутатов правительство не получило. Как шутили в кулуарах, «Рибо жил, как розы — не дольше одного голосования»²⁷. Пуанкаре, однако, было не до шуток. Вотум недоверия был ударом по умеренным и лично по президенту, и все это прекрасно осознавали. Многие депутаты, воодушевленные неудачей Р. Пуанкаре с назначением А. Рибо, встретили результат голосования криками: «На Версаль!»²⁸. А вечером того же дня, как писала газета «Юманите», «толпы народа под президентскими окнами скандировали: "Да здравствует Пуанкаре!", "Долой Жореса!" или пели "Интернационал", в зависимости от своей политической принадлежности»²⁹.

Р. Пуанкаре понимал, что после вотума недоверия правительству Рибо у него есть лишь два пути; поручить формирование правительства представителю левых сил или уйти в отставку. Президент пошел по первому пути. Он вновь призвал Р. Вивиани, который за шесть часов (рекорд для Третьей республики!) сформировал новый кабинет. В него вошли десять министров, голосовавших за закон о трехлетней воинской службе, и лишь четверо его противников. 13 июня кабинет был утвержден палатой. Одиннадцатидневный кризис был преодолен. Правительственный кризис закончился, Р. Пуанкаре остался президентом. Но его реноме и популярность пошатнулись. В своем дневнике Р. Пуанкаре отметил, что в июне он подвергся критике как справа, так и слева³⁰.

Итак, с лета 1914 г. Р. Пуанкаре предстояло в течение четырех лет мириться с правлением кабинетов левого толка, которые скорее всего, как можно было предположить, постараются держать его в политической тени. Но все же его не сместили с должности, худо-бедно закон о трехлетней службе начал работать. Однако перспективы контролировать правительство у Пуанкаре были не блестящими. К тому же все ясней на горизонте маячил Ж. Кайо, жену которого должны были оправдать. Захочет ли президент находиться на своем посту весь срок и на каких условиях? Этим вопросом задавались тогда многие в стране. Но спустя двенадцать дней все внутривластные проблемы были оттеснены на второй план событиями в Европе.

28 июня президент присутствовал на скачках «Гран-При» в Лонгшаме, где между третьим и четвертым заездами дежурный офицер сообщил ему, что в Сараево сербским националистом Г. Принципом был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд. Для такого умного и опытного политика, каким был Р. Пуанкаре, было ясно, что для Европы начинающийся новый балканский кризис чреват большой войной.

Когда июльский кризис достиг апогея, состоялась, как оказалось, последняя крупная довоенная политическая акция президента - его визит в С.-Петербург.

Эта поездка уже давно готовилась как обычный визит вежливости. По сложившейся традиции вновь избранный президент Французской Республики в свою первую вакацию посещал с визитом главного союзника по Антанте - Россию. Поездка одиннадцатого президента Третьей республики была запланирована еще в декабре 1913 г.³¹ Когда стороны договаривались о дате визита, кроме обеспокоившей всех миссии немецкого генерала Лимана фон Сандерса в Константинополе, на внешнеполитической арене было относительно спокойно. Но совершалась поездка Р.Пуанкаре в Россию во время крупнейшего европейского кризиса, за которым ясно проглядывалась война, и потому визит приобретал чрезвычайный характер.

15 июля 1914 г. из Дюнкерка в направлении на Кронштадт вышла французская военно-морская эскадра во главе с броненосцем «Франс», на борту которого находилась делегация, возглавляемая Р. Пуанкаре. Путь по морю был выбран не случайно, так как французское руководство предпочло не пересекать Германию. Состав делегации был весьма представительным: кроме президента в нее входили премьер-министр и министр иностранных дел Р. Вивиани, другие крупные политики и чиновники Французской Республики. 20 июля 1914 г. в два часа пополудни французская эскадра бросила якоря на кронштадском рейде. Заранее было решено, что визит продлится ровно восемьдесят один час.

Для визита была разработана большая протокольная программа, в которую входили торжества, встречи, приемы и обеды. Этими мероприятиями предусматривалось охватить всю делегацию — от обеда для низших чинов в Железном зале Народного дома до торжеств во французском посольстве и в Большом Петергофском дворце. Участники и очевидцы этих торжеств оставили в своих мемуарах весьма красочные описания³².

За обедами, маневрами, парадами практически незаметно для широкого круга лиц прошла политическая часть визита. В нее вошли две беседы Николая II с Раймоном Пуанкаре. Политические вопросы обсуждались и на торжественном приеме дипломатического корпуса, аккредитованного в С.-Петербурге. Прием в честь французского президента был устроен российским императором в Зимнем дворце.

Первая беседа руководителей двух дружественных государств состоялась сразу после прибытия французской эскадры в Кронштадт, она проходила на любимой паровой яхте русского царя «Александрия». Вторая — утром 21 июля в Петергофе. В этих беседах, кроме проходных вопросов (о скором ответном визите царской семьи во Францию, болгарском царе Фердинанде I, о Швеции, куда после Петербурга должна была отправиться французская делегация) велись переговоры и были достигнуты соглашения и по крупным политическим вопросам.

Одной из серьезных проблем, которую удалось согласовать на конфиденциальной встрече глав двух держав, были англо-российские противоречия. Многие годы камнем преткновения в отношениях между Англией и Россией была непримиримая позиция России в вопросе о разделе сфер влияния в Персии. Но перед надвигающейся войной сохранять ее было уже неразумно. Царь после беседы с президентом заверил его, что «не допустит, чтобы Персия явилась причиной раздора между Англией и Россией»³³. Согласие России пойти на компромисс открывало возможности более тесного сотрудничества с Лондоном, вплоть до подписания англо-русской морской конвенции.

Главным вопросом, который обсуждался во время визита президента Франции, стал австро-сербский конфликт, обострившийся после сараевского убийства. Нужно было договориться о том, какие действия следует предпринять России и Франции в случае разрастания кризиса. Император и президент имели достаточно информации об опасности, которая исходила от стран Тройственного союза, и подтвердили свои союзнические обязательства. Во время беседы император и президент отклонили идею министра иностранных дел Великобритании Эдуарда Грея о том, чтобы «Австрия и Россия обсудили дело вместе, если оно станет затруднительным»³⁴. И Николай II, и Раймон Пуанкаре считали, что только совместные политические акции России, Франции и, желательно, Соединенного Королевства в Вене могли бы остудить воинственный пыл Австро-Венгрии и Германии. При этом собеседники учитывали уже имевшийся опыт таких

демаршей, после которых центрально-европейские державы всегда уступали. Собеседники договорились, что если Австро-Венгрия все же решится пойти на вооруженный конфликт, то обе державы вступят в войну. Но по какому пути пойдет Двуетная монархия, утром 21 июля еще не было ясно.

В тот же день Р. Пуанкаре решил лично прозондировать почву по этому вопросу. 21 июля в 16 часов по случаю приезда французского президента в Зимнем дворце состоялся торжественный прием дипломатического корпуса, аккредитованного при российском дворе. Во время этого приема французскому президенту удалось побеседовать с австрийским послом графом Сапарри. Этот разговор приводится практически во всех исторических работах, которые описывают события, предшествующие началу Первой мировой войны. Австрийский посол ясно дал понять французскому президенту, что Австрия подготовит внезапный дипломатический удар против Сербии³⁵.

Затем министр иностранных дел России С.Д. Сазонов и французский посол в Петербурге Морис Палеолог решили попытаться совместно предостеречь Австрию от этого пагубного шага. В этом ключе Сазонов составил телеграмму в Вену³⁶, текст которой был согласован с Р. Пуанкаре. Однако в Вену телеграмма пришла слишком поздно — 23 июля 1914 г., когда Австрия уже предъявила Белграду ультиматум.

В Петербурге об ультиматуме еще ничего не знали. Во время торжественного прощания, проходившего на эскадренном броненосце «Франс», Раймон Пуанкаре в своей заключительной речи вновь говорил о полном франко-русском «согласии по всем обсуждавшимся вопросам», о том, что встреча стала «ярким подтверждением неразрывного союза, объединяющего Россию и Францию»³⁷. Президент Пуанкаре уезжал из Петербурга с багажом достигнутых соглашений по всем тревожащим обе страны вопросам. Во-первых, союзники были полностью солидарны в намерении поддерживать всеобщий мир и политическое равновесие в Европе, в особенности на Балканах. Во-вторых, они решили предпринять в Вене шаги, чтобы предупредить возможность предъявления таких требований, которые Сербия могла бы с полным основанием считать посягательством на ее суверенитет и независимость. И, наконец, в-третьих, Франция и Россия торжественно подтверждали обязательства, возлагаемые союзом на обе стороны³⁸. Ощущением грядущих грозных событий проникнуты были все эти решения. И они вскоре наступят.

23 июля 1914 г. в 23 часа французская эскадра покинула Кронштадт, взяв курс на Стокгольм. А 24 июля в 4 часа утра, находясь на траверсе Ревеля, Пуанкаре получил из Санкт-Петербурга телеграмму об австрийском ультиматуме Сербии. Европа вступала в Первую мировую войну.

Итак, встреча руководителей двух союзных государств, Николая II и Раймона Пуанкаре, проходившая в Петергофе и Петербурге с 20 по 23 июля 1914 г., стала одним из серьезнейших событий кануна Первой мировой войны. Но все решения, принятые российским императором и французским президентом, за исключением последнего, менее чем через сутки оказались бесполезными.

В отличие от русского императора, который довольно резко высказался о позиции центральных держав в развивающихся на Балканах событиях³⁹, Пуанкаре ни разу во время поездки не позволил себе на людях ни одного неосторожного слова, из-за которого его можно было бы обвинить в разжигании войны. Но войну, в которую мог вылиться этот кризис, он также не исключал.

Для Пуанкаре осуществление мечты о воссоединении его малой родины, Лотарингии, с Францией было делом всей жизни. И военный конфликт с Германией он считал, как отмечал русский политический деятель П.Н. Миллюков, «справедливой войной»⁴⁰. Не стоит сбрасывать со счетов и то, что для президента начало войны было прекрасным шансом избавиться от груза личных и внутривластных проблем. И хотя в июле 1914 г. военно-политическая ситуация для стран Антанты была достаточно неблагоприятной из-за вероятности объявления всеобщей забастовки в случае начала войны, забастовок и баррикад в С.-Петербурге, отсутствия ясности относительно позиции третьего союзника—Великобритании, Р.Пуанкаре и Николай II все же решили поднять брошенную немцами перчатку.

7. ВОЙНА И ПОЛИТИКА

29 июля 1914 г. французская правительственная эскадра, возвращавшаяся из С.-Петербурга, бросила якорь в порту родного Дюнкерка. Пересев в железнодорожный экспресс, делегация без промедления отправилась в Париж. На Северном вокзале столицы ее ждала внушительная, возглавляемая М. Барресом и Лигой патриотов демонстрация парижан, неслись возгласы «Да здравствует Пуанкаре!» и «Да здравствует армия!». Парижская газета «Матен» отмечала: «Никогда еще президента не встречали такой долгой и единогласной овацией»¹. Что касается премьер-министра Р. Вивиани, который был рядом, на него ни толпы парижан, ни газеты особого внимания не обратили.

Прибыв в свою резиденцию на Елисейских полях, президент узнал, что в России объявлена частичная мобилизация Западных округов. Р. Пуанкаре немедленно направил французскому послу в Петербурге М. Палеологу телеграмму с инструкцией выразить протест против начала мобилизации. Однако спустя несколько часов президент вызвал к себе русского посла А. П. Извольского, чтобы сообщить ему, что Совет министров Франции, узнав об ультиматуме, предъявленном Австро-Венгрией Белграду, «самым полным образом выполнит обязательства, налагаемые на Францию военным союзом»². В этой кажущейся непоследовательности действий Р. Пуанкаре не было противоречий: Франция и ее президент уже решили вступить в войну, но намерены были сохранить для себя и страны образ «вынужденных оборонцев».

К тому же до конца не было ясно, как поведут себя социалисты во главе с Ж. Жоресом, которые перед войной занимали последовательную активную антивоенную позицию. В министерстве внутренних дел существовал «список Б», куда было занесено около трех тысяч фамилий профсоюзных деятелей, пацифистов, социалистов и прочих «неблагонадежных». Опасаясь организации ими антивоенных и антиправительственных манифестаций, многие министры выступали с требованием немедленно, до объявления мобилизации, арестовать всех неблагонадежных, попавших в этот список. Военный министр А. Мессими говорил: «Предоставьте мне гильотину, и я гарантирую вам победу»³. Но президент Франции сторонником крутых мер во внутренней политике не был. Он надеялся на возможность договориться с лидерами левых сил, полагаясь на их разумное отношение к этому вопросу. И он не ошибся. Секретные переговоры, которые 29-30 июля вел министр внутренних дел Л.-Ж. Мальви с председателем Всеобщей конфедераций труда Л. Жуо и лидерами социалистов П. Реноделем и А. Тома, закончились тайным заявлением Социалистической партии о поддержке правительства в случае начала войны⁴. После того как 31 июля 1914 г. в кафе «Круассан» был убит Жан Жорес, противник войны, единственный социалист, с которым невозможно было бы договориться, Социалистическая партия открыто объявила о солидарности с правительством. 1 августа состоялись уже официальные открытые переговоры между лидерами ВКТ и Социалистической партии и министром внутренних дел Мальви, который предложил им войти в состав правительства⁵.

Направив сочувственное послание вдове великого француза Ж. Жореса⁶, президент в тот же день распорядился разослать во все департаменты и префектуры страны приказ о начале со 2 августа всеобщей мобилизации. Хотя перестрелки и нарушения французско-германской границы происходили уже с 1 августа, как Франция, так и Германия медлили с объявлением войны, не желая брать на себя вину за ее начало.

Парадоксальную картину можно было наблюдать в эти первые августовские дни! С 1 августа Германия находилась в состоянии войны с Россией. Но войска она стягивала к своим западным границам, так как «планом Шлиффена» предусматривался поочередный молниеносный разгром сначала Франции, а затем России. На разгром Франции отводилось три недели. Предполагалось, что раньше, чем через сорок дней, Россия не сможет начать боевые операции. За это время Германия, разгромив Францию, могла перебросить свои войска к русским границам. Следовательно, нужно было найти способ заставить Францию объявить войну своей восточной соседке, поскольку промедление ставило под сомнение выполнение «плана Шлиффена». Для объявления войны Франции немцы решили использовать ложные слухи. 3 августа германский посол в Париже фон Шен передал французскому правительству ноту с объявлением войны: для

обоснования этого шага использовались слухи о том, что якобы французские самолеты летали над немецкими городами Карлсруэ и Нюрнберг, сбросили в их районах бомбы, что французские войска будто бы перешли немецкую границу в нескольких местах.

Французское правительство представало перед собственными гражданами жертвой агрессивно настроенной Германии. Как по мановению волшебной палочки изменилось положение Р. Пуанкаре. Если с февраля 1913 по июль 1914 г. он был для французов президентом— представителем умеренной политической фракции, то в августовские дни 1914 г. он стал президентом всей нации, Личностью, которая для победы над общим врагом обязана была объединить всех французов, вне зависимости от их политических позиций. Для этой роли Р. Пуанкаре прекрасно подходил: его патриотизм, прагматизм, авторитет, добрые отношения с лидерами всего спектра политических партий и движений—от крайне левых до крайне правых—делали осуществление идеи единения нации реальной. Политическая программа, разработанная Р. Пуанкаре для объединения нации, известна под названием «Священного единения». Ее сущность ближайший сподвижник президента Луи Барту сформулировал так: «"Священное единение" — это Франция без борьбы — политической, религиозной и классовой»⁷.

По случаю объявления Германией войны Франции 4 августа состоялось экстренное совместное заседание сената и палаты депутатов, где было оглашено обращение президента республики к Национальному собранию и к народу страны—«По случаю войны: к парламенту и народу». Это была лучшая из когда-либо составленных и произнесенных Раймоном Пуанкаре речей. Почти на все время войны эта речь стала своего рода священной хартией единения всех французов, от крайне правых до социалистов, перед лицом вторгшихся во Францию германских армий.

В своем Манифесте вину за развязывание мировой войны президент возложил прежде всего на Германию, представив Францию жертвой агрессии. Он напомнил депутатам дипломатическую предысторию войны; отметил попытки мирного улаживания конфликта; миролюбивой роли союзников противопоставил преднамеренную агрессивность Германии. Далее президент определил главную цель Франции в войне: «В течение сорока лет французы, — отметил он, — в искренней любви к миру подавляли в глубине своих сердец желание законных репараций»⁸. На следующий день в беседе с премьер-министром Р. Вивиани и министром иностранных дел Г. Думергом Р. Пуанкаре вновь употребил этот термин: «До объявления войны мы продолжали молча терпеть результаты грабежа, жертвой которого мы стали. Но теперь, когда агрессия германского правительства сама свела на нет Франкфуртский трактат, я думаю, не найдется ни одного француза, который не желал бы продолжать борьбу до полной репарации прошлого». Поскольку в этой же беседе президент говорил о намерении в случае победы вернуть Франции «провинции, отторгнутые у нас силой»⁹, то можно предположить, что за весьма смутными терминами «законные репарации», «полная репарация прошлого» стояло требование вернуть Франции Эльзас и Лотарингию.

Центральное место в обращении Р. Пуанкаре к парламенту занимал призыв к единению всех сил нации и к установлению гражданского мира, который именно в этом обращении президент назвал «Священным единением». И этот гражданский мир, писал президент, это священное единение «не сломится перед лицом врага»; французское общество «сегодня братски соединилось в общем негодовании против нападающего и в общей патриотической вере»¹⁰.

О реакции парламента на манифест президента французский историк Ж. Боннфу писал: «Это замечательное обращение было выслушано в полном молчании, без реплик и приветствий зала, который в конце как бы вздрогнул от единой овации»¹¹. Другой историк, Ж.-Ж. Шевалье, отметил, что именно вдохновленные этим манифестом президента старый коммунары Э. Байян и бывший версальский офицер А. де Мун впервые заговорили друг с другом¹².

Манифест Р. Пуанкаре был опубликован во всех французских газетах. Это выступление президента имело огромный резонанс. В своих докладах в столицу префекты сообщали о «нужности этого документа и о перемирии между партиями»¹³. Ж.-Ж. Беккер писал, что «все общество протянуло руку президенту, но только на короткий срок, так как никто не сомневался в скоротечности войны»¹⁴.

На такое экстремальное время, каким была война, «Священное единение» было единственно верной формой правительства, которое смогло объединить во Франции разнообразные политические силы. Даже в парламенте исчезло деление депутатов на правительственное большинство и оппозицию. Еще 1 августа, т.е. в день объявления мобилизации, премьер-министр Р. Вивиани пригласил к себе редакторов всех политических газет, от ультраправого М. Барреса до ультралевого Г. Эрве, и просил их забыть все счеты, помнить, что они прежде всего французы, что им нужно взять на себя духовную мобилизацию Франции.

В связи с началом войны роль президента непременно должна была измениться. Вступление Франции в августе 1914 г. те войну в корне изменило деятельность всех государственных органов. До начала войны Р. Пуанкаре действовал как главное должностное лицо в относительно нормальных условиях. Первые восемнадцать месяцев правления его действия соответствовали нормам Конституции Франции. Но смерч войны отразился на всех сторонах жизни страны. Естественно, что президент Французской Республики, оказавшись в новых условиях, должен был адаптироваться к ним и измениться. Теперь, в условиях войны, главными способами деятельности государственных структур стали решительность и полная ответственность центра. В большинстве стран, участвовавших в войне, это означало, что центр тяжести смещался от законодательной власти к исполнительной. Аналогичные процессы наблюдались и во Франции, но здесь произошло гораздо меньше перемен, чем можно было ожидать в парламентской республике. В течение всех лет войны парламент пользовался почти всеми своими привилегиями и работал практически в обычном режиме. Он ревностно защищал свое право одобрять и критиковать деятельность исполнительной власти и свободно этим пользовался. Но война изменила отношения между исполнительной и законодательной властью. В период с 1914 по 1920 гг. парламент только однажды осмелился выступить против правительства. Этим частичным примирением, связанным со «Священным единением», воспользовался и президент, получивший возможность лично назначить нового премьер-министра. С начала войны его официальные полномочия существенно расширились.

4 августа парламент отсрочил свои заседания на неопределенное время. Депутаты отправились в свои округа для организации сопротивления вторгшемуся врагу. Это давало президенту возможность лично принимать все необходимые решения. Единственным органом, от которого требовалось одобрение деятельности президента, оставалось правительство. Главой его по-прежнему был республиканский социалист Р. Вивиани, не обладавший твердостью характера и энергией, необходимыми для руководства страной в условиях войны, что вполне устраивало Р. Пуанкаре. А вот леворадикальный состав кабинета для президента был и малоудобен, и малопривлекателен. Личное намерение президента внести изменения в состав правительства соответствовало объективным потребностям военного времени. Следовало воплотить в жизнь лозунг «Священного единения», создать правительство с участием представителей всех политических партий, которые должны были стать равноответственными за обстановку на фронте, за социальную и политическую обстановку в стране.

Перед Р. Пуанкаре стояла трудная задача – «размыть» правительственное большинство в результате увеличения в кабинете министров числа своих сторонников и друзей. Р. Вивиани и президент договорились о том, что в правительство войдут двое сторонников президента—А. Мильеран и Т. Делькассе¹⁵. Кроме того, министерские портфели получили А. Бриан и А. Рибо. Причем, как утверждал сам А. Рибо в своих мемуарах, Р. Пуанкаре вызвал его в Елисейский дворец и в личной беседе предложил стать министром¹⁶.

26 августа 1914 г. правительство было переформировано. Сторонники президента получили в нем важнейшие посты: А. Бриан стал вице-премьером, Т. Делькассе возглавил министерство иностранных дел, А. Рибо получил портфель министра финансов, а А. Мильеран — пост военного министра. Радикалы, занимавшие эти посты, либо покинули правительство, либо получили менее значительные портфели. В состав нового правительства вошли и социалисты: Ж. Гед стал министром без портфеля, а М. Самба—министром общественных работ, несколько позже в состав кабинета был включен еще один социалист А. Тома. Характерно и то, что социалистов в правительство привел сам президент. Именно люди из личной команды Р. Пуанкаре вели с ними

переговоры, которые закончились встречей президента с лидером социалистов Ж. Гедом в Елисейском дворце и вхождением социалистов в правительство. С другой стороны, радикалам удалось все же добиться, чтобы в состав кабинета не вошли представители крайне правых Д, Кошен и А. де Мун. Кроме того, Р. Пуанкаре расширил свое влияние на правительство, увеличив количественный состав кабинета: если в начале войны в правительство Вивиани входило 12 министров и 5 подсекретарей, то ко времени его отставки в октябре 1915 г. в его составе было 14 министров, министр без портфеля и 8 подсекретарей¹⁷. В целом состав правительства был приемлемым для президента.

С первых дней войны Р. Пуанкаре был в тесном контакте с правительством - Министры по одному или небольшими группами посещали его для деловых бесед. Члены кабинета министров или Совета национальной обороны, иногда и одновременно, почти ежедневно встречались с президентом¹⁸. Свидетельство этого мы находим в воспоминаниях Э. Эррио, который отмечал, что работой совета министров Р. Пуанкаре руководил «с холодной серьезностью»¹⁹. Хотя Р. Вивиани и утверждал, как отмечает американский историк Ж. Райт, что на этих встречах Р. Пуанкаре давал советы, не требуя их непременно исполнения²⁰, большинство министров все же не проявляли склонности пренебрегать этими советами, поскольку авторитет президента был достаточно высок.

Между тем самой серьезной проблемой первых месяцев войны было положение на фронте. После первоначального кратковременного успеха в Эльзасе в первой половине августа, поднявшего морально-политический дух всего населения страны (французы в Эльзасе!), французская армия стала отступать. Правда, и для немцев все складывалось не так, как они планировали. Раньше предполагаемого ими времени в войну вступила Россия. Не осталась в стороне от войны Англия. Неожиданным для немцев было отчаянное сопротивление, оказанное бельгийцами, особенно при защите ими крепостей Антверпен и Мобеж. Это замедлило наступление немецкой армии. Стало ясно, что война принимает затяжной характер. Но все же к началу 20-х чисел августа почти вся территория Бельгии была оккупирована немецкими войсками. Немцы вышли на франко-бельгийскую границу. 21-25 августа произошло сражение, вошедшее в историю войны под названием Пограничного сражения. Сопротивление мужественно оборонявшейся французской армии было сломлено превосходящими силами противника. Французы начали отступление. Немцы стремительно наступали и 1 сентября оказались в 40 км от Парижа. Угроза захвата столицы Франции стала реальной. В ночь со 2 на 3 сентября президент республики, правительство и парламент были спешно эвакуированы в находящийся в глубоком тылу город Бордо. Этот поспешный отъезд правительственных учреждений из Парижа нанес ущерб престижу правительства. Генерал Легран-Жирард, назначенный комендантом 18-го округа Бордо, по этому поводу писал в своих воспоминаниях так: «Положение правительства в Бордо было лишено авторитета. Оно бежало перед угрозой нашествия. И если этот отъезд (из Парижа) был законным, то тут нечем гордиться»²¹.

«Бегство» из Парижа резко изменило отношение общества и к президенту. Чтобы восстановить свой престиж, Р. Пуанкаре отправился в поездку на фронт. Именно из Бордо! Как пишет П. Мике, увидев грязных, вонючих, давно небритых и немывших французских солдат, сладкоголосый, видевший армию только на парадах, президент остолбенел и вместо речи, которую от него ждали, пораженный буднями войны, несколько минут молчал. Когда потрясенного президента увозили с передовой, солдаты закидали его камнями²². Ж. Клемансо, который демонстративно остался в Париже, от скрытой оппозиции перешел к открытой кампании против хозяина Елисейского дворца. Он ругал и правительство за переезд в Бордо. Немало досажая президенту, он требовал отставки кабинета и создания сильного правительства²³.

Ценой больших потерь и массового героизма французам удалось снять угрозу захвата противником Парижа. С 5 по 9 сентября на равнинах между Парижем и Верденом произошло сражение, которое, как пишет русский военный атташе генерал А.А. Игнатъев, «современники окрестили... чудом на Марне»²⁴. Англо-французские войска нанесли поражение немецкой армии, вынудив ее отступить. Помимо чисто военного успеха, победа на Марне имела и громадное моральное значение: она доказала способность и умение французов сражаться. Затем частичный успех принесло Франции сражение на реке Эн 13-15 сентября. Безрезультативными оказались

попытки немцев достичь побережья в сражении, известном под названием «Бега к морю», во второй половине сентября. Кроме того, тогда же французы выиграли сражения в районе рек Уазы и Соммы, а в начале октября – у Арраса. Затем в октябре-ноябре последовали кровопролитные сражения во Фландрии,

Немалое значение для успехов французской армии имели военные действия на русско-германском фронте. В дневниковых записях Р. Пуанкаре перекликаются два мотива: отмечаются успехи и помощь русской армии французам и неудовлетворенность недостаточностью этой помощи. 9 сентября 1914 г. он записал: «На востоке Европы русские армии тоже продолжают успешно сражаться. Они продвигаются на запад от Львова и вдоль Вислы. Они двигаются вперед также в Восточной Пруссии. Во всяком случае, они задерживают известное число немецких корпусов, которые они отнимают от нашего фронта»²⁵. 9 октября он уже более сдержанно отмечает, что русские армии «разбили немецкие армии при Августово и воспрепятствовали им перейти Неман»²⁶. Но в период успешно развивающейся операции русской армии в Галиции (сентябрь 1914 г.) Пуанкаре пишет в своем дневнике: «Мы желали бы, по крайней мере, чтобы Россия облегчила давление, оказываемое на нас неприятелем. Делькассе просил Палеолога еще раз настаивать перед Сазоновым на том, чтобы русское наступление безотлагательно было направлено против Германии», на что Сазонов ответил лишь, что только после уничтожения австрийских войск в Галиции... проявится прямое наступление против Германии»²⁷.

Впрочем, такой же двойственностью в воспоминаниях Р. Пуанкаре отмечены и сведения об участии английских войск в боевых операциях на Западном фронте. В начале сентября 1914 г. он писал и о трениях между французским и английским командованием и о том, что французы с помощью английских сил нанесли серьезные потери противнику²⁸. Главнокомандующий французской армией маршал Жоффр жаловался в период операции во Фландрии, что англичане откладывают участие в операции до окончания переброски их сил на места новой дислокации, и просил президента через правительство оказать воздействие на лорда Китченера. В тот же день во время «продолжительной и дружеской беседы», как пишет Р. Пуанкаре, генерал Френч заверил президента, что нет необходимости «обращаться к вмешательству Китченера», что «английские войска начнут операции... по мере прибывания»²⁹. Такого рода ситуации будут возникать практически в течение всей войны: координация военных действий была самым трудным делом для союзников.

Стало очевидным, что война принимает затяжной характер. Пуанкаре отказывался это признавать. Когда на вопрос офицера связи кабинета подполковника Пенелона «Когда же окончится война?» А.А. Игнатъев ответил, что это произойдет не менее чем через два года, расстроенный офицер заметил: «А господин президент собирается уже к рождеству вернуться в Париж»³⁰. Однако и президенту пришлось признать реальность—невозможность быстрого завершения войны. К тому же ситуация на фронте не была безнадежной, что способствовало реабилитации руководства страны и самого президента.

К Пуанкаре вернулась его прежняя уверенность в себе. Он все больше и больше стал вмешиваться в дела правительства. 13 октября в связи с болезнью Т. Делькассе он даже взял на себя обязанности министра иностранных дел. Именно в это время у него впервые возникла мысль уйти с президентского поста в премьер-министры. Своим властным и деятельным характером он вызывал скрытое недовольство даже у своих тогдашних союзников. Так, А. Рибо жаловался, что на заседаниях совета министров Р. Пуанкаре «все время говорит и много на себя берет»³¹, а военный министр А. Мильеран отмечал, что президент проводит консультации через его голову³². Кипучая натура не давала «узнику Елисейского дворца покоя. Он часто публиковал статьи патриотического содержания во французской прессе, часто бывал на фронте (теперь уже без эксцессов), вручал знамена новым полкам и награды героям»³³. Он выступал на митингах, на заводах, в шахтах, в прифронтовой полосе. Большое внимание уделял контактам с творческой интеллигенцией. В частности, он переписывался с писателями Э. Ростаном и А. Франсом. Последнему в знак признания его заслуг перед страной он предоставил почетное право носить боевой мундир, а П. Лоти он нашел место в штабе генерала Галлиени. Забегая вперед отметим, что,

какой бы ни была в дальнейшем обстановка в стране и на фронте, Р. Пуанкаре будет постоянно заниматься пропагандистскими делами.

В середине декабря 1914 г., когда было уже совершенно ясно, что угроза Парижу снята, все официальные учреждения страны вернулись в столицу. 22 декабря состоялось заседание палаты депутатов – вынужденные парламентские каникулы закончились. Была зачитана правительственная декларация «О вечном союзе парламента, нации и армии». На следующий день палата единогласно проголосовала за полугодовой бюджет на 1915 г. в сумме 9 298 705 000 франков и приняла решение отсрочить выборы в палату депутатов, сенат и в муниципальные органы власти до конца войны³⁴. Заседания палаты решено было сделать постоянными.

Возвращение законодателей к исполнению своих обязанностей усложнило внутривластную обстановку. Депутаты понимали, что контроль над правительством довоенными методами невозможен. Обсуждение военных вопросов на открытых заседаниях палаты и сената не могло быть эффективным из-за необходимости соблюдать военную тайну. Поэтому решено было использовать новый институт наблюдателей от комиссий обеих палат. Представители комиссий имели право встречаться с министрами; поскольку их заседания проходили за закрытыми дверями, члены комиссий вправе были требовать от военных и гражданских властей предоставления им любой секретной информации. Сенатскую комиссию по вооружениям возглавил Ж. Клемансо, что добавило президенту немало седых волос: в дневниковых записях Р. Пуанкаре этого периода есть много пассажей, касающихся «Тигра», где сквозит раздражение и враждебность по отношению к одному из старейших политиков страны³⁵.

Комиссия, возглавляемая Клемансо, бомбардировала Р. Пуанкаре обращениями и запросами с требованием оказать влияние на министра вооружений А. Мильерана. Президент отбил все атаки комиссии одной фразой: «Президент Французской Республики руководит, но не управляет. Это — азбука парламентского строя»³⁶.

Внешняя политика оставалась одной из самых приоритетных сфер деятельности французского президента. Круг внешнеполитических задач расширился, приобрел специфический для условий войны характер. Прежде всего, менялся спектр проблем в отношениях с союзниками, где на первый план выступала необходимость координации военных усилий, финансовое обеспечение войны и вопрос об определении контуров будущего мира. Важнейшей была и задача привлечения в лагерь союзников нейтральных стран. Р. Пуанкаре был, как всегда, активен. Для него важен был факт доверительных отношений с министром иностранных дел Т. Делькассе. Глава Кэ д'Орсэ часто обращался к президенту за советами и держал его в курсе событий, направляя ему копии текущих документов. Со своей стороны Р. Пуанкаре часто брал на себя ответственность при решении достаточно щекотливых внешнеполитических проблем. Так, в феврале 1915 г., когда русский министр финансов А. Барк прибыл с поручением правительства просить о финансовой помощи у Англии и Франции, Пуанкаре провел с ним переговоры, которые были вежливым отказом от помощи: сославшись на отсутствие в союзном договоре вероятности обращений России с подобной просьбой к правительству Франции, он предложил лишь предоставить сведения о состоянии вооружения русской армии. Барку ничего пока не оставалось, как пообещать довести до сведения царского правительства пожелания президента³⁷. Однако спустя несколько дней на совещании министров финансов трех стран А. Рибо, Д. Ллойд Джордж и А. Барк подписали соглашение об объединении «финансовых и военных средств для продолжения войны до окончательной победы». Согласно соглашению от 5 февраля 1915 г. Франция и Англия предоставляли кредиты России, Бельгии, а также Греции, Сербии и Черногории. «Солидарность, — комментировал Пуанкаре это решение, — обращается пока только против нас»³⁸.

Президент активно участвовал и в обсуждении вопросов, связанных с вовлечением нейтральных стран в войну, в определенных ситуациях оказывал влияние на принятие решения, как это было с Италией. Член Тройственного союза Италия объявила о своем нейтралитете, после чего вступила в переговоры с центральными державами и странами Антанты. С первыми — о цене за сохранение нейтралитета, со вторыми — о цене за вступление в войну на их стороне. И в том и в другом случае речь шла о претензиях Италии на расширение своей территории. Вскоре после начала войны Жорж Клемансо посетил итальянский торговый атташе во Франции граф Сабини.

Ж. Клемансо предпочел представить графа президенту республики, а не министру иностранных дел. В разговоре, состоявшемся 7 августа, Сабини говорил, что пока Италии рано вступать в войну, ей необходимо закрепить нейтралитет. Для этого, говорил он, необходимо обеспечить Италии известные выгоды. В качестве таковых он назвал экономическое соглашение, сотрудничество в Малой Азии, кондоминиум на Средиземном море. На это Р.Пуанкаре заметил, что Италия «не имеет права на какие-либо компенсации за сохранение нейтралитета»³⁹. Активные переговоры с Италией начались только после победы англо-французских войск в сражении на Марне. Президент участия в переговорах не принимал, но зорко за ними наблюдал. В ходе этих трудных переговоров российская дипломатия пыталась защитить интересы славянских народов, препятствуя передаче Италии всего побережья Адриатического моря. Когда все же все территориальные статьи были согласованы и договор готов к подписанию, российское правительство, не проявлявшее ранее особой заинтересованности в помощи со стороны Италии, стало настаивать на немедленном вступлении нового союзника в войну, в то время как сама Италия намерена была воздержаться от этого в течение месяца. Позиция Петрограда могла разрушить уже наметившийся альянс. Положение спасло вмешательство президента. Именно Р. Пуанкаре 19 апреля 1915 г. направил срочную телеграмму Николаю II, в которой писал, что единственный способ ускорить вступление Италии в войну – немедленно подписать соглашение с ней⁴⁰. Телеграмма президента не осталась без внимания: 21 апреля русский царь сообщил Пуанкаре, что не будет возражать против подписания конвенции с Италией и отдал соответствующие распоряжения правительству⁴¹; 26 апреля 1915 г. соглашение было подписано.

Не остался президент безучастным к попыткам правительства и французской дипломатии вовлечь в войну на стороне держав Антанты Балканские страны. Особенно напряженными для работы в этом направлении были апрель и май 1915 г. В эти месяцы президент подвергся натиску со стороны принца Георга, брата греческого короля Константина. Вопрос о вступлении Греции в войну был сложным для самой Греции, поскольку в правящей верхушке были как противники, так и сторонники участия ее в войне. В связи с началом в конце февраля 1915 г. Дарданелльской операции союзников премьер-министр Греции Венизелос, «хитроумный критянин», как характеризовал его Р. Пуанкаре, заявил посланникам Антанты, что Греция намеревается вступить в войну против Германии и послать десантные войска и морские силы в зону проливов. Это насторожило Россию, опасавшуюся, что ее союзники передадут Константинополь Греции. Однако король Константин 6 марта 1915 г. отправил премьера в отставку. В 20-х числах марта в сопровождении А. Бриана президента республики посетил принц Георг, он намеревался отправиться в Афины и уговорить короля вмешаться в войну. Правительство Франции он просил о такой «малости», как гарантия территории Греции на случай нападения на нее Болгарии, Пуанкаре уполномочил А. Бриана заявить греческому королю, что если Греция объявит себя противником всех врагов Франции, то Франция гарантирует ее «после войны от последствий насильственных действий со стороны Болгарии»⁴². В середине апреля, уже находясь в Афинах, принц атаковал французского посланника Девилля, выдвинув дополнительное требование: помимо гарантии неприкосновенности греческой территории непременным условием помощи со стороны Греции должна стать интернационализация Константинополя. Эти требования принца Георга позволили Р. Пуанкаре сделать вывод о том, что греческое правительство пытается возобновить им же прерванные переговоры лишь «для вида», чтобы «обезвредить Венизелоса». Когда же, вернувшись из Афин, принц Георг сообщил, что, как считает король Константин, вопрос об условиях соглашения гораздо легче разрешится, если Франция порвет с Болгарией и окажет помощь Греции в борьбе с ней, президент сделал вполне резонный вывод: «Словом, Константин не столько предлагает нам сотрудничество, сколько требует его от нас. Вот какое сотрудничество он имел в виду»⁴³. Когда принц пожаловался на политику Кэ д'Орсэ и министра иностранных дел Т.Делькассе, отказавшегося дать заверения относительно сохранения целостности территории Греции, президент поддержал своего министра⁴⁴.

Непросто складывалась ситуация с попытками вовлечения в войну Болгарии. В качестве союзника эта балканская страна представляла большой интерес для Франции. Вялотекущие переговоры с болгарским правительством ни к чему не приводили. Гарантии союзных держав

территориальных уступок Болгарии, в том числе и за счет Сербии, оставались без ответа. Становилось очевидным, что Болгария идет в фарватере политики центральных держав и готовится вступить в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. После объявления всеобщей мобилизации в Болгарии начались лихорадочные поиски решения. Такие варианты, как дополнительные уступки со стороны Сербии, объявление ультиматума болгарскому правительству (если Болгария в течение 48 часов не произведет демобилизацию, ее поведение будет расценено как недружественное) или предостеречь болгарское правительство в дружественном духе и т. д. отвергались и вновь возникали. Криком о помощи стала телеграмма Р. Пуанкаре Николаю II от 1 октября 1915 г. Президент писал, что болгары будут стремиться перерезать железную дорогу между Салониками и Нишем. Связь не только с Сербией, но и с Россией будет нарушена. Это лишит Францию возможности посылки своим союзникам снаряжения, которое Франция для них производит. Англия и Франция вскоре направят войска в Сербию. «Но несомненно, — писал Р. Пуанкаре, — самое сильное впечатление произведет на болгарский народ присутствие русских войск». Если у России нет свободной дивизии или средств на доставку войск, то она могла бы предоставить солдат для охраны Салоникской железной дороги. «Быть может, признательность болгарского народа вашему величеству удержит этот народ от братоубийственной войны», — заканчивал президент свое послание⁴⁵. Б ночь с 13 на 14 октября 1915 г. Болгария начала военные действия против Сербии. Вопрос был исчерпан.

В марте 1915 г. в разряд чрезвычайных, требующих незамедлительной реакции правительства и президента, попала проблема Константинополя и проливов. В течение многих десятилетий Россия пыталась и не могла решить проблему свободного прохода судов через проливы. Стимулом к началу нового витка борьбы за решение этого вопроса для России стали сначала заявления министра иностранных дел Англии Э. Грея и короля Георга в сентябре 1914 г. Грей заявил, что, если Германия будет разбита, то судьба Константинополя и проливов будет решена в соответствии с интересами России. Еще более определенным было заявление короля Георга, сделанное тогда же: «Константинополь должен быть вашим», то есть российским. Причина этих заявлений состояла в том, что Англия стремилась заставить Россию не отвлекаться от направления главного удара, т.е. от германского фронта, и не предпринимать наступления против Турции через Персию, ограничившись здесь лишь обороной⁴⁶. Если верить французскому послу М. Палеологу, русские государственные деятели отнеслись довольно вяло к этим заявлениям англичан. Николай II, например, в беседе с Палеологом в ноябре 1914 г., будто бы говорил, что намерен обеспечить для России свободный проход через проливы, что турки должны быть изгнаны из Европы, что Константинополь должен стать нейтральным городом с интернациональным режимом⁴⁷.

Атмосфера относительного равновесия буквально взорвалась, когда в связи с началом 25 февраля 1915 г. Дарданелльской операции и опасениями России, что в случае ее успеха Константинополь перейдет под власть Англии и Франции, русский министр иностранных дел С.Д. Сазонов 3 марта 1915 г. направил союзникам памятную записку с просьбой заявить официально об обязательстве удовлетворить требования России относительно Турции. В состав Российской империи предлагалось включить Константинополь с прилегающей территорией, включая западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, Южную Фракию до линии Энос—Мидия, полуостров Галлиполи, восточное побережье Босфора и Мраморного моря до Исмитского залива и некоторые острова в Эгейском море. Англия довольно терпимо отнеслась к этому требованию России: уже 12 марта официальной нотой правительство Великобритании обязалось по окончании войны удовлетворить требования России⁴⁸.

Во Франции заявление главы министерства иностранных дел России вызвало категорическое неприятие. Вероятность появления русских на Босфоре и в Дарданеллах, как отмечал в своих мемуарах С.Д. Сазонов, «продолжала устрашать воображение французов»⁴⁹. Негодование президента по поводу заявления российского дипломата отчетливо читается в его воспоминаниях первой половины марта 1915 г. и в его неординарном шаге: 9 марта напрямую, через голову своего министра иностранных дел, он обратился с весьма эмоциональным письмом к одному из дипломатических представителей Франции за рубежом — послу в Петрограде М. Палеологу. Начиналось письмо Р. Пуанкаре с обращения: «Мой милый друг, пишу тебе не как президент и

даже не как твой бывший министр, а как старый товарищ по лицу». И все же это было письмо именно главы государства, с целой россыпью негодующих слов по поводу политики России: «Мы поражены, - писал Р. Пуанкаре, - той поспешностью и стремительностью, с которой сформированы новые требования России... Некоторые русские... очень не прочь были бы присвоить себе Константинополь и не продолжать войну с Германией и Австрией»; передача Константинополя и прилегающих территорий России, продолжал он, означает раздел Оттоманской империи- «Если раздел неизбежен - не за наш счет». Но более всего его возмущало возможное изменение в соотношении сил в результате реализации требований России: обладание Константинополем и его окрестностями, отмечал президент, «введет Россию через Средиземное море в концерт западноевропейских держав и даст ей возможность благодаря выходу в незакрытое море стать великой морской державой. Таким образом, в европейском равновесии наступит полная перемена. Такой прирост сил мог бы быть приемлем для нас лишь в том случае, если бы мы извлекли из войны равноценные выгоды»⁵⁰. Узнав о жесткой позиции президента по этому вопросу, посол России в Париже А. П. Извольский в телеграмме С. Д. Сазонову заметил: «Нельзя игнорировать тот факт, что личное мнение Р. Пуанкаре остается неизменным и, всегда пропитанное духом традиций французской внешней политики, без сомнения, будет камнем преткновения для нас, даже если их правительство придерживается другого мнения»⁵¹. Однако, несмотря на сопротивление Р. Пуанкаре, Т. Делькассе и многих других политиков и парламентариев, Франция все же должна была пойти на уступку России: вербальной нотой от 10 апреля 1915 г. французское правительство согласилось на удовлетворение притязаний России в зоне проливов и в отношении Константинополя при условии, как говорилось в ноте, что «война будет доведена до победного конца» и Англия и Франция осуществят свои планы на Востоке и в других местах. Впрочем, аналогичные положения содержались и в английской ноте от 12 марта 1915 г.

Между тем затянувшаяся война требовала огромного напряжения материальных и людских сил. Шовинистический угар начального периода войны начал проходить. Недовольство стало проявляться в различных сферах общественной жизни и разными обстоятельствами. Палата депутатов стала проявлять недовольство своей отстраненностью от управления делами государства и, как в прежние мирные времена, предпринимала попытки интерpellации и другие способы контроля над исполнительной властью. Главной мишенью для критики со стороны парламентариев в 1915 г. был военный министр А. Мильеран. Человек крутого нрава, он на все попытки сенатской и депутатской комиссий вмешаться в дела министерства давал резкую отповедь, разумно полагая, что это может привести к разглашению государственной тайны. Однако законодатели ни разу не поставили на голосование вопрос о доверии министру и правительству в целом. Они обращались к президенту и премьер-министру с запросами по поводу личности и деятельности военного министра и требовали его отставки. К необходимости отставки Мильерана стал склоняться и Р. Вивиани. Вместе с тем премьер справедливо опасался того, что одновременно с военным министром президент заменит и его самого⁵². Из воспоминаний Р. Пуанкаре видно, что нападки на военного министра ему очень досаждали, да и их личные отношения в силу различия характеров того и другого не были идеальными⁵³. Но в публичных спорах президент защищал министра, очевидно полагая, что отставка независимого социалиста поставит под сомнение принцип «Священного единения». 27 июля и 10 августа 1915 г. на заседаниях правительства дважды обсуждались требования социалистической партии об отставке А. Мильерана, но оба раза благодаря поддержке Р. Пуанкаре Р. Вивиани отклонял эти требования⁵⁴.

Кабинет Р. Вивиани пал 8 октября 1915 г. из-за отставки министра иностранных дел Т. Делькассе, который считал своим серьезным просчетом вступление Болгарии в войну на стороне центральных держав. Не устраивала Делькассе и роль некоей марионетки, поскольку фактическим хозяином на Кэ д'Орсэ был напористый президент. Обиженный Т. Делькассе жаловался своему подчиненному А. Лейре, что «по многим вопросам ему приходится склоняться перед советом министров, который находится под влиянием президента республики»⁵⁵.

В момент правительственного кризиса Р. Пуанкаре вновь задумался над тем, не уйти ли ему с поста президента, чтобы возглавить правительство. Но какой бы заманчивой ни казалась эта идея,

он был реалистом и хорошо понимал, что парламент ему этого не позволит⁵⁶. И формирование нового правительства президент поручил Аристиду Бриану.

И президент, и кандидат в премьер-министры резонно считали, что Ж. Клемансо лучше иметь внутри, а не вне правительства и предложили сенатору министерский портфель. Клемансо на предложение ответил отказом, заявив будущему премьеру: «Пуанкаре желает руководить всем министерством иностранных дел, всем министерством обороны, а я не из тех, кто соглашается терпеть такое вмешательство»⁵⁷. А когда кабинет был сформирован, Клемансо ехидно отметил, что «разница в составах нового правительства и старого состоит в том, что премьер стал вице-премьером, а вице-премьер стал премьером. Вот главный факт во всей этой революции»⁵⁸. Помимо изменений, замеченных Ж. Клемансо, были и другие. Несомненным был факт, что вместо нерешительного, страшившегося лежавшей на его плечах ответственности Р. Вивиани на пост главы правительства пришел А. Бриан, политик более решительный, более энергичный и самостоятельный и несомненно более талантливый. Кроме того, пост государственного министра в новом правительстве получил представитель консерваторов Дэни Кошен. В целом новое правительство стало более широкой коалицией политических сил и стало лучше соответствовать формуле «Священного единения».

Для Бриана это уже был пятый кабинет в его политической карьере, но министром иностранных дел он стал впервые. Довольно скоро французские политики и сам президент убедились в том, насколько неформальной была замена премьер-министра.

Р. Пуанкаре и А. Бриан относились к одной парламентской группировке. А. Бриан в свое время был руководителем избирательной кампании лотарингца, они сотрудничали до войны и во время войны, поскольку вице-премьер Бриан фактически руководил правительством, возглавляемым Р. Вивиани. С первых заседаний нового кабинета стало очевидно, что он не входит в когорту политиков, которые всегда потакали президенту. Бриан был сильной личностью и, по мнению многих, став главой правительства, он должен был способствовать перелому в войне. Даже газета социалистов «Юманите» одобрила его назначение⁵⁹. Но в силу свойственного Р. Пуанкаре авторитаризма трудно было предположить, что сотрудничество этих политиков – Пуанкаре и Бриана – будет спокойным.

Были и другие поводы для расхождения. Многие исследователи биографии А. Бриана отмечали его нелюбовь к черновой работе: документы по вопросам, выносимым на обсуждение, для него готовил аппарат сотрудников его кабинета. Отмечали и специфику принятия Брианом решений. А. Рибо вспоминал, что на заседаниях кабинета премьер принимал решения, наблюдая за реакцией присутствующих министров⁶⁰. Но так ли плох руководитель, который принимает решение на основе суждений, высказанных в ходе обсуждения проблемы? Для тех же, кто не принимал Бриана как личность, как политика, эти его качества стали своего рода раздражителями.

Вскоре эти качества Бриана стали раздражать и президента. «Легкомысленность» нового премьер-министра претила скрупулезно изучавшему все вопросы Р. Пуанкаре⁶¹, который, будучи лучше информированным, что было естественно для главы государства, вновь стал доминировать на заседаниях правительства. Лидер социалистов А. Тома вспоминал, что «на заседаниях совета министров ни Р. Вивиани, ни А. Бриан не могли руководить эффективно; Р. Пуанкаре постоянно вмешивался, оказывая влияние на кабинет, потому что знал вопросы лучше, чем они»⁶². Более самолюбивый, чем Р. Вивиани, А. Бриан вскоре не выдержал этого давления со стороны президента, и между ними началось противоборство, которое продлится до 1929 г., почти до конца активной политической карьеры Р. Пуанкаре. Заседания совета министров стали длинными из-за сменявшихся время от времени монологов президента и премьер-министра. Иногда чувствительный к критике Р. Пуанкаре переходил допустимую черту. Дипломатичный А. Рибо по этому поводу говорил, что президент «определенно забыл значение слова "председательствовать"»⁶³. Даже на людях президент и премьер-министр были непримиримыми. Так, во время спора между А. Брианом и морским министром Лаказом, когда оба высказывали противоположные точки зрения по ближневосточной политике Франции, президент демонстративно поддержал адмирала, а не премьера⁶⁴.

Апогеем противостояния между А. Брианом и Р. Пуанкаре стал август 1916 г., когда во время одного из заседаний между ними произошла стычка при обсуждении вопроса об отношениях с Грецией. В «Записках о войне» В. Мартен так описывает это скандальное происшествие; после очередного пассажа премьер-министра Р. Пуанкаре закричал А. Бриану: «Вы лжете, мсье!» и швырнул его портфель на стол. Грозовую атмосферу разрядил Г. Думерг. Встав между ними, он, как пишет Мартен, закричал смешным голосом: «Господа, вспомните о Франции!» После этого спорщики подошли друг к другу и обнялись⁶⁵. Но мимолетных объятий было недостаточно, чтобы устранить разногласия. Они продолжали существовать и осложнять отношения между двумя лидерами страны. Предметом споров чаще всего была внешняя политика. Августовский спор касался отношения к вопросу о вступлении в войну Греции. А. Бриан делал ставку на короля Константина, считая его лояльным по отношению к Антанте. Пуанкаре же считал короля Греции агентом немецкого влияния и по-прежнему поддерживал Э. Венизелоса. Спор разрешился, когда А. Бриан был уже в отставке. В июне 1917 г. державы Антанты предъявили правительству Греции ультимативное требование выступить против центральных держав. Германофильски настроенный король Константин предпочел отречься от престола, а вернувшийся к власти Э. Венизелос ускорил вступление Греции в войну на стороне Антанты. Так реальность подтвердила правоту Р. Пуанкаре, а не А. Бриана, поддерживавшего теплые отношения с греческим принцем Георгом и возлагавшего неоправданные надежды на короля Константина.

Разногласия между А. Брианом и Р. Пуанкаре возникали и по другим вопросам внешней политики. Поводом для недовольства Пуанкаре стал невнятный ответ А. Бриана на просьбу итальянского посла в Париже Титтони, высказанную им в декабре 1915 г., «уточнить франко-итальянскую границу» в районе Приморских Альп, передав Италии долину Ройя. Сославшись на неосведомленность в этом вопросе, Бриан отметил, что в «настоящий момент никакая идея о территориальной уступке, во все времена совершенно справедливо воспринимаемая враждебно общественным мнением, не может быть рассмотрена». Но вместе с тем Бриан дипломатично обещал послу, что он наведет справки и «самым благожелательным образом рассмотрит взгляды, высказанные послом в личном разговоре», Пуанкаре адресовал премьеру возмущенное письмо, требуя доложить правительству об этом «поразительном демарше» Титтони и настаивая на необходимости «не откладывая пресечь всякие разговоры о территориальных уступках Италии»⁶⁶.

В 1916 г. президент республики и премьер-министр должны были заняться вопросом, от решения которого раньше Р. Пуанкаре уклонялся, ограничиваясь общими рассуждениями. Это — возникшая необходимость составления программы военных целей и согласования ее с союзниками. Проблема была не новой. Еще в Манифесте по случаю войны 4 августа 1914 г. президент определил цели Франции в разразившейся войне общей формулой — «полная репарация прошлого». Но уже в августовские дни 1914 г. в беседах государственных деятелей, в прессе называлось конкретное требование: возвращение Эльзаса и Лотарингии. Ж. Клемансо, посетивший президента 6 августа, «от волнения прослезился», как писал Р. Пуанкаре, когда «произнес слово Эльзас, и в памяти его встали картины 1870 года»⁶⁷. Пуанкаре решительно отверг идею о необходимости проведения по окончании войны плебисцита в Эльзас-Лотарингии, высказанную лидером социалистов Ж. Гедом в беседе с президентом 14 августа⁶⁸. Требование безусловного возвращения Эльзаса и Лотарингии было единственным требованием, поддерживаемым большинством общественного мнения страны — «от крайне правых до крайне левых», отметил исследователь этой проблемы, видный французский историк П. Ренувен⁶⁹. Зимой-весной 1915 г. в прессе, в сочинениях некоторых историков было выдвинуто требование о необходимости создания для Франции «защитной зоны против немецкой инфильтрации» на западном берегу Рейна с уничтожением здесь «всякого суверенитета» Германии⁷⁰. В промышленных кругах была высказана идея о необходимости приобретения для Франции Саарского угольного бассейна⁷¹.

Но самую обширную программу военных целей Франции составил уже в сентябре-ноябре 1914 г. французский посол в Петрограде М. Палеолог, который, как заметил американский историк У. Рензи, стал «размышлять об условиях мира, когда война была еще в самом начале»⁷². Эта программа предусматривала: разрушение германского империализма и германского стремления к

военному господству, возвращение Франции Эльзас-Лотарингии с добавлением к этим провинциям части прусской Рейнской области и Палатината, репарации, раздел германских колоний, ряд других требований⁷³. Эту программу Палеолог обсуждал в беседах с русскими политиками — министром иностранных дел С. Д. Сазоновым, премьер-министром И.Л. Горемыкиным, Николаем II. В своих донесениях в министерство иностранных дел М. Палеолог и инициативу разговоров о контурах будущего мира, и сформулированную программу требований к Германии приписывал русским государственным деятелям. Он «бомбардировал» Т. Делькассе настойчивыми просьбами одобрить эту программу. Как отмечает У. Рензи, Делькассе, зная фантастическое воображение своего посла, либо на эти просьбы не реагировал, либо реагировал достаточно сдержанно⁷⁴. Президент республики был хорошо осведомлен о беседах Палеолога с русскими политиками. Но, в отличие от Делькассе, Р.Пуанкаре вполне доверял послу, своему давнишнему приятелю, и на все сообщения из Петрограда он реагировал сентенцией: «В Петрограде продолжают делить шкуру неубитого медведя»⁷⁵.

В октябре 1914 г. по поручению министра иностранных дел России С. Д. Сазонова посол в Париже А. П. Извольский в беседе с Т. Делькассе пытался выяснить требования Франции по окончании войны. Французский министр иностранных дел, признав не бессмысленным «заранее выяснить между союзниками взаимные взгляды и пожелания», очертил круг французских пожеланий: «разрушение Германской империи и возможное ослабление военного и политического могущества Пруссии», передача Франции Эльзас-Лотарингии, «исправление некоторых колониальных границ в Африке» и т. д.⁷⁶

Так был начат процесс согласования программы военных целей Франции с союзницей Россией. Возникла потребность аналогичного обмена мнениями и с Англией. В 1916 г. Р. Пуанкаре убедил премьер-министра и министра иностранных дел А. Бриана в необходимости направить письмо французскому послу в Лондоне П. Камбону с указанием получить от английского правительства официальные гарантии возвращения Франции многострадальных провинций Эльзаса и Лотарингии⁷⁷. А 15 июля 1916 г. в газете «Тан» президент обнародовал официальную программу Франции в войне: «реституции, репарации и гарантии — таковы наши цели»⁷⁸. И эти публично заявленные цели существенно расходились с программой, обсуждаемой тайно в политических, военных, деловых кругах.

Между тем популярность Р. Пуанкаре среди гражданского населения, особенно в провинциальных городах, была стабильной. Изображения президента можно было встретить во всех французских домах, живописные тарелки с его портретом находились в шкафах у мелких буржуа. На открытках, отправляемых на фронт, были изображены трилистники с четырьмя лепестками, на одном из которых было нанесено лицо Р. Пуанкаре. Во многих трактирах, бистро, на вокзалах висели его портреты с текстом одной из произнесенных им военных речей, которая заканчивалась призывом: «Завтра новыми атаками и смертями опять поднимется Франция и под звуки "Марсельезы" будет олицетворять сопротивление до конца»⁷⁹.

Но частые посещения фронта, где он был около сорока раз, мало что добавляли к его популярности и авторитету: если на тихом участке фронта к нему относились лояльно, солдаты даже делали себе трубки, в которых угадывались черты лица президента⁸⁰, то в районах кровопролитных сражений отношение к нему было отрицательным. Описывая эти визиты президента на фронт, русский военный агент во Франции А.А. Игнатъев отмечал, что появиться на фронте в военной форме в невысоком чине капитана резерва, до которого он дослужился, Р.Пуанкаре было неудобно. Поэтому перед выездом на фронт он одевался в форму шофера из богатого дома. «Его фигурке типичного французского буржуа с козлиной бородкой,—пишет автор,—это переодевание воинственного вида не придавало, но зато пришлось по вкусу французским солдатам», которые видели в этом повод посмеяться. А его прекрасные, но холодные речи «до солдатского сердца не доходили»⁸¹.

Экономическое и внутривластное положение страны к концу 1916 г. ухудшилось: инфляция, рост цен, повсеместное обнищание населения вызывали недовольство, проявлявшееся в забастовочном движении, которое становилось все более активным, и в нарастании антивоенных настроений. Психологическое состояние общества резко ухудшилось. Расцветала шпиономания.

Усилилась пацифистская пропаганда. В парламенте все громче заявляла о себе оппозиция. А. Мажино, Ж. Виолетт и Ж. Клемансо организовали в палате депутатов межпартийную группу «национального действия». В это трудное время единственное, что мог сделать президент, — это попытаться реорганизовать правительство. Кабинет А. Бриана уже семнадцать месяцев находился у власти. В марте 1917 г. министр вооружений генерал Лиоте, отказавшись огласить секретную информацию на заседании палаты депутатов, чем вызвал негодование депутатов, оставил свой пост. Эта отставка повлекла за собой падение всего правительства. Роль Р. Пуанкаре в падении кабинета А. Бриана туманна, но известно, что за несколько дней до инцидента в Бурбонском дворце он уже проводил консультации с некоторыми видными политиками о составе будущего совета министров⁸².

Новым премьер-министром Р. Пуанкаре назначил 75-летнего Александра Рибо, «старого месье», как называли его в политических кругах. Преклонный возраст, беспринципность нового руководителя кабинета позволяли президенту надеяться на то, что столкновений, подобных его столкновениям с А. Брианом, можно будет избежать. Чтобы сделать правительство устойчивым, Р. Пуанкаре должен был согласиться на включение в него лидеров оппозиционного «национального действия» - Ж. Виолетта и А. Мажино. С другой стороны, это делало кабинет более подконтрольным законодательной власти и радикалам. Объединение оппозиционной фракции «национального действия» с правительственной коалицией в рамках кабинета министров было определенным шагом от «Священного единения» к тому новому, что получило вскоре название «национального единения».

В правительственной декларации нового кабинета – «О целях Франции в войне», с которой А. Рибо намеревался выступить в палате депутатов, говорилось, что страна сражается, «не имея никакого завоевательного духа»⁸³. Р. Пуанкаре предложил дополнить текст декларации, составленный А. Рибо, словами о том, что война окончится «победой, которой мы обеспечим возвращение наших провинций и гарантии»⁸⁴. Под «гарантиями» подразумевалась аннексия левого берега Рейна. Рибо не принял предложенную президентом поправку. Занимая министерские посты в 1915-1917 гг., он насмотрелся на царившие в правительстве нравы, на руководство Пуанкаре работой кабинета и теперь, став премьер-министром, он решил положить этому конец.

20 марта 1917 г. правительственная декларация была обнародована. А уже на следующий день А. Рибо выработал ряд новых процедурных правил заседаний правительства. Одно из них гласило, что «президент республики, чье слово будет иметь такой же вес, как и слово премьер-министра, может выступать только тогда, когда положение потребует его вмешательства; прямое ведение дел находится в руках премьер-министра»⁸⁵. Когда А. Рибо сообщил президенту о новых правилах, Р. Пуанкаре оставалось только оправдываться: «Я вынужден был так поступать,—говорил он,— потому что не было премьера»⁸⁶. Президенту пришлось принять новые правила игры. На следующий день, 22 марта, впервые заседание правительства прошло в отсутствие президента. Сам Р. Пуанкаре объяснил это довольно неуклюже: его якобы не дождалась⁸⁷. Однако, указав Р. Пуанкаре на его место, Рибо более не предпринимал ничего, что могло бы задеть президента. И в течение его недолгого премьерства заседания совета министров и Совета национальной обороны проходили дважды в неделю, и руководил ими президент республики.

Палата депутатов одобрила правительственную декларацию нового кабинета министров и его состав большинством всего лишь в 140 голосов.

Р. Пуанкаре назвал 1917 г. «смутным годом». Во Франции патриотический угар начала войны перешел в уныние и недовольство как в тылу, среди гражданского населения, так и на фронте. Ухудшилось экономическое положение. Начались перебои с продовольствием. Правительство стало бороться с ними введением всякого рода ограничений: был введен запрет на продажу свежего хлеба, в ресторанах запрещено было подавать больше одного блюда⁸⁸. Нарастала забастовочная волна: прошли стачки молоденьких работниц – «мидинетток» – в швейной промышленности, рабочих-металлургов на военных заводах и в других отраслях экономики. Заметнее стали проявления падения нравов, процветала спекуляция. Еще более накалили обстановку в стране сообщения о Февральской революции и свержении царя в России, сообщения

с фронта. В апреле 1917 г. французское командование предприняло наступление в районе Шмен де Дам (между Реймсом и Суассоном). Многие военные и часть гражданских политиков высказывались против этого наступления, планируемого новым французским командующим генералом Нивелем для совершенно других условий. Битва, вошедшая в историю под названием «бойни Нивеля», продолжалась с 16 апреля до 5 мая и была проиграна с громадными потерями, людскими и материальными. Начались массовые стихийные выступления во французской армии. Волнения охватили 54 дивизии, 76 пехотных полков, 21 батальон и некоторые колониальные части⁸⁹.

К тому же летом 1917 г. началась постепенная эрозия правительственной коалиции. 10 августа из правительства вышел консерватор Дэни Кошен. Объясняя мотивы своей отставки, он заявил президенту: «"Священное единение" отжило свое время. Теперь это не более, чем пустой звук»⁹⁰.

Перед всеми этими трудностями не устоял кабинет министров, возглавляемый А. Рибо. Премьера заставили подать в отставку. Формирование нового правительства Р. Пуанкаре поручил Полю Пенлеве, известному и почитаемому парламентария, обладавшему знаниями, но, как отмечал Ж. Шастене, не имевшему энергии⁹¹. 13 сентября 1917 г. П. Пенлеве создал правительство, в котором, по определению того же Ж. Шастене, «ни один из его членов не обладал характером руководителя»⁹². Такой состав кабинета случайным не был. Президент рассматривал правительство Пенлеве как переходное и активно вмешивался в процесс его формирования, отвергая негодные кандидатуры. Так, Пенлеве хотел портфель министра иностранных дел предложить А. Бриану, но Пуанкаре воспротивился этому назначению под надуманным предлогом о том, что якобы Бриан проводит с немцами переговоры. Президент предупредил П. Пенлеве, что он должен следить за старым премьером, если тому захочется установить связь с врагом⁹³. В правительство отказались войти социалисты.

Минимальное большинство при голосовании по правительственной декларации П. Пенлеве свидетельствовало о том, что век нового кабинета долгим не будет. Правительство продержалось у власти ровно два месяца и пало, получив первый за всю войну вотум недоверия в палате депутатов. Произошло это после того, как некоторые министры и парламентарии потребовали от Р. Пуанкаре отправить в отставку «старого месье» — министра иностранных дел в кабинете Пенлеве А. Рибо, что было следствием инцидента между А. Брианом, находившимся в отставке, и Рибо, связанным с попытками германского мирного зондажа во Франции⁹⁴. Отказ Рибо уйти в отставку спровоцировал падение всего кабинета П. Пенлеве. В третий раз в течение года президенту предстояло преодолевать правительственный кризис, который оказался более тяжелым, чем предшествующие. Ситуацию усугубила весть об Октябрьской революции в России. 8 ноября 1917 г. Р. Пуанкаре сделал в своем дневнике краткую, но полную тревоги запись: «Плохие новости из России. Максималисты торжествуют»⁹⁵. Россия для ее союзников по Антанте была окончательно потеряна. Теперь Р. Пуанкаре ясно осознал, что его новый выбор возможного кандидата на пост премьер-министра должен пасть на сильную, авторитетную и решительную личность. Любое другое назначение могло быть чревато катастрофой как для президента лично, так и для Франции. Выбор таких политиков был невелик – Жозеф Кайо или Жорж Клемансо.

Ж.- Кайо, в годы войны выполнявший некоторые поручения правительства, критически и даже пессимистически отзывался о правительстве и президенте. В 1915 г. он, как утверждает его биограф П. Вреден, составил проект закона, предусматривающего утрату президентом многих из его конституционных привилегий⁹⁶. А в 1917 г., по словам самого Р. Пуанкаре, он потребовал судить президента как поджигателя войны⁹⁷. Со времен Агадирского кризиса его относили к прогермански настроенным политическим деятелям; в условиях войны общественное мнение было неблагоприятно для таких политиков, как Ж. Кайо. Российский историк К.А. Малафеев утверждает, что Кайо, «демагогически используя возраставшее в стране недовольство империалистической войной, любыми средствами добивался сговора с кайзеровскими милитаристами. Он не исключал возможности бегства в Германию»⁹⁸. Документы, которыми располагают современные историки, не дают основания для подобного рода сентенций⁹⁹. Но все же он оставался одним из крупнейших политиков Франции.

Вторым возможным кандидатом на пост премьер-министра мог быть Ж. Клемансо. Его также разделяла с Р. Пуанкаре личная неприязнь, начало которой положили президентские выборы 1913 г. За время войны в своих газетах «L'Homme libre» («Свободный человек») и «L'Homme enchaîné» («Закованный человек») он боролся с президентом, прибегая даже к весьма «крепким» выражениям. Совершенно верно замечание российского историка Д. П. Прицкера о том, что критиканство Ж. Клемансо исходило «прежде всего из его обычного стремления осуждать действия любого правительства, которое возглавлял не он»¹⁰⁰. Но невозможно было найти политика, как Клемансо полного решимости довести до победы войну с Германией, уничтожить при этом всех внутренних и внешних врагов и вернуть Франции Эльзас и Лотарингию.

О работоспособности 76-летнего Клемансо ходили легенды. С 1 января по 16 ноября 1917 г. в различных изданиях он опубликовал 306 статей¹⁰¹. Клемансо пользовался огромной популярностью у гражданского населения и среди солдат.

У Р. Пуанкаре был и третий вариант, о котором он предпочел не упоминать в своих мемуарах, — совместить в своих руках президентскую и правительственную власть. Эту идею президент держал «про запас» на тот случай, если руководство правительством нового премьер-министра окажется неудачным¹⁰². Но осторожный Р. Пуанкаре отверг эту идею, которая могла привести его к политическому краху.

Итак, в ноябре 1917 г. у президента был выбор – мир без победы или война до победного конца. Последнее мог обеспечить Клемансо. Президент уже пытался ранее, в сентябре 1917 г. после отставки правительства А. Рибо, призвать его на пост премьера. Но против назначения Клемансо выступили социалисты и часть радикалов. В ноябре 1917 г. Р. Пуанкаре провел интенсивные политические консультации, во время которых он встретился с большим числом лиц, чем делал это обычно во время правительственных кризисов. Через французскую прессу он предпринял попытку прозондировать общественное мнение по поводу назначения Ж. Клемансо. Так, 2 ноября 1917 г. в газете «Фигаро» известный пропрезидентский журналист А. Капю опубликовал статью «Два руководителя», в которой он писал, что «Клемансо ясно понимает направление современной политики»¹⁰³. В следующей статье, опубликованной 12 ноября, он сообщил, что «все общественное мнение и даже парламент безудержно хвалят президента за то, что он удержался над партиями и поднялся на национальную высоту»¹⁰⁴. Но сколько и каких трудностей ожидало Р. Пуанкаре на этой «высоте» в будущем, вряд ли кто-либо из сторонников президента мог осознать в полной мере.

Р. Пуанкаре оказалось непросто назначить Клемансо премьер-министром. Социалисты помнили о расправах Клемансо с забастовочным движением, расстрелах рабочих демонстраций того периода, когда он был министром внутренних дел, а затем и премьером (1906-1909 гг.). Именно с тех пор кличка Тигр, данная ему за расправу с рабочим движением, в политическом лексиконе Третьей республики того времени, а затем в исторической литературе стала синонимом имени Клемансо.

Теперь Тигр возвращался к власти. Социалисты устроили ему в парламенте настоящую обструкцию, крича «Долой Клемансо! Да здравствует республика!» ВКТ грозила всеобщей забастовкой в случае назначения Клемансо главой правительства. Социалистам вторили и некоторые другие депутаты. Так, А. Франклен-Буйон заявил, что «Клемансо – это гражданская война», а Т. Стег утверждал, что из-за Клемансо социалисты перейдут в оппозицию, которая станет пацифистской¹⁰⁵. Однако Р. Пуанкаре был непреклонен в своей решимости назначить Клемансо главой кабинета министров. О трудностях выбора без выбора он писал в своем дневнике так: «Я вижу ужасные недостатки Ж. Клемансо: его безграничное самомнение, импульсивность, легкомыслие. Но имею ли я право отвергать его, если я не могу найти другого человека, отвечающего требованиям обстановки?»¹⁰⁶. Кроме названных аргументов в пользу назначения Ж. Клемансо премьер-министром нужно добавить, что у Р. Пуанкаре была и личная заинтересованность в этом назначении. Перед будущим премьером президент поставил условие— арест Жозефа Кайо. Тигр принял это условие¹⁰⁷. 20 ноября 1917 г., когда правительство уже было создано, Р. Пуанкаре направил премьер-министру Ж. Клемансо письмо, в котором официально потребовал ареста лидера партии радикалов¹⁰⁸.

Сторонники Р. Пуанкаре часто использовали факт назначения Ж. Клемансо на пост премьер-министра в качестве главного аргумента, подтверждавшего, по их мнению, его бескорыстие и патриотизм. В значительной степени это справедливо, так как можно вспомнить некоторых французских президентов, ставивших свою личную неприязнь к тому или иному политику выше всего остального. Р. Пуанкаре не заслуживает критики и за то, что не призвал Ж. Клемансо к власти раньше. Недостатков у будущего отца победы было много, и до 1917 г. он был далек от того ореола, которым окружило его послевоенное поколение французов. Возможно, если бы он возглавил правительство в 1915-1916 гг., оно потерпело бы крах задолго до победы. Надо отдать должное президенту, который привлек Ж. Клемансо к власти в психологически трудное для страны время, когда нужен был именно такой политик, как новый премьер-министр.

Хорошо зная Ж. Клемансо, сам президент не питал на его счет никаких иллюзий. Он понимал, что придуманный им для себя в начале войны образ «Елисейского узника» мог стать теперь реальностью. Во время одной из первых встреч с Клемансо он пытался обозначить принципы их взаимоотношений: «Я буду сообщать Вам обо всем, что знаю, буду свободно излагать Вам свое мнение, после чего Вы будете принимать решение под свою ответственность», — говорил президент премьер-министру. На что Ж. Клемансо ему ответил: «Бриан, будучи председателем Совета министров, рассказывал всем и каждому, что Вы слишком много говорите на заседаниях правительства. По-моему, Вам следует говорить как можно меньше». Пуанкаре оставалось только, проглотив пилюлю, смиренно ответить: «Я придерживаюсь того же мнения»¹⁰⁹.

Указав Р. Пуанкаре на его «место», Ж. Клемансо принял и ряд мер с целью уменьшить влияние президента на правительство. Совет министров теперь стал собираться лишь один раз в неделю. Президенту не позволяли вмешиваться в ход заседания. По этому поводу Пуанкаре в своих дневниках отмечал, что заседания стали носить все более и более формальный характер¹¹⁰. Клемансо не появлялся в Елисейском дворце по две-три недели. А во время редких посещений президента только ставил его в известность об уже принятых решениях, демонстративно не обращая внимания на любые возражения Р. Пуанкаре¹¹¹. Попытки президента встречаться с отдельными министрами ограничивались лишь сбором информации о положении дел, поскольку министры подчинялись только воле своего хозяина – Жоржа Клемансо. Так, в мае 1918 г., когда премьер узнал, что во время его очередной поездки на фронт президент приглашал к себе нескольких политиков, он тут же обвинил Р. Пуанкаре в том, что тот оказывает тайную помощь парламентской оппозиции. Пуанкаре был этим возмущен¹¹². Воспользовавшись своим правом давать советы посредством письменных посланий, он забросал ими правительство и премьера. Как пишет Д. П. Прицкер, Клемансо скоро перестал читать послания президента, многие нераспечатанными бросал в корзину, сердился на шефа своего кабинета Ж. Манделя, который извлекал эти послания из корзины и пронумеровывал их¹¹³.

Раздражение Ж. Клемансо по поводу многочисленных советов президента достигло пика осенью 1918 г. 29 сентября войска Антанты, усиленные американцами, перешли в наступление, к 14 ноября французское главнокомандование планировало начать вторжение на территорию Германии. Немцы вынуждены были просить о перемирии. 7 ноября 1918 г. в восемь часов вечера автомобиль под белым флагом с германским уполномоченным М. Эрцбергером пересек линию траншей в районе местечка Ордуа; 8 ноября в вагоне маршала Ф. Фоша в Компьенском лесу французский полководец предъявил немцам условия перемирия. Пока немцы изучали условия, на французской стороне шли ожесточенные дебаты. Р. Пуанкаре и Ф. Фош считали перемирие преждевременным и требовали продолжить наступление, чтобы извлечь из этого как можно больше политических и стратегических выгод. Ж. Клемансо был против продолжения наступления, так как за окончание боевых действий выступали союзники Франции англичане и американцы, не желавшие усиления Франции в послевоенном мире. Возможно, Ж. Клемансо тогда этого не понимал. Р. Пуанкаре составил очередное послание премьер-министру, в котором он высказал мнение о том, что Франции сейчас необходимы не только Эльзас-Лотарингия, но и оккупация всего левого берега Рейна, а также полное сокрушение германской армии. Заканчивал послание президент весьма колоритно: «Не надо подрезать поджилки нашим солдатам»¹¹⁴. Это послание привело Клемансо в такую ярость, что он удосужился даже на него ответить. Он писал:

«Господин президент. Я не допускаю, что после трех лет правления Вы позволяете себе советовать мне не подрезать поджилки нашим солдатам. Если Вы не возьмете свои слова обратно, я буду иметь честь заявить о своей отставке. С почтением Ж. Клемансо»¹¹⁵. Р. Пуанкаре прекрасно понимал, что отставка премьер-министра в столь ответственное время для него самого чревата непредсказуемыми последствиями. Поэтому он вынужден был ответить Клемансо унижительным покаянным письмом: «Мое письмо, — писал он, — не дает никаких оснований ни для оскорблений. .. ни для Вашей отставки, которой Вы мне угрожаете и которая будет губительна для страны»¹¹⁶. Клемансо принял извинения и на некоторое время был избавлен от президентских посланий.

Продолжающаяся война и жесткий характер премьера заставляли Р. Пуанкаре воздерживаться от открытого противодействия кабинету. Президент стремился избегать стычек с Ж. Клемансо. Поэтому он отказался от той линии поведения, которая характерна была для него раньше: он старался не навязывать свои советы правительству и не использовать своих «агентов влияния» внутри кабинета. Но он по-прежнему отстаивал те свои привилегии, которые были ему предоставлены конституцией. Он стремился избежать потери своих прав всегда, когда это было возможно. Такую стойкость президент проявлял особенно при рассмотрении внешнеполитических вопросов. Его просто злило, когда министр иностранных дел Стефан Пишон обращался за консультациями не к президенту, как делали все его предшественники, а к Ж. Клемансо¹¹⁷. Но Р. Пуанкаре использовал поездки премьера на фронт, чтобы оказать влияние на С. Пишона, лишавшегося в это время поддержки и давления премьера. Как отмечал сам президент в своих дневниковых записях, С. Пишон вынужден был посещать резиденцию президента, а он буквально заваливал министра своими советами по всем важным вопросам. При этом он с раздражением наблюдал, что Пишон не всегда соглашался с его мнением. Президент, конечно, подозревал, что «верный пес», как прозвал своего министра иностранных дел Тигр, ждет возвращения своего хозяина¹¹⁸. В конце войны Р. Пуанкаре уже не мог оказывать такого влияния на политику и политиков, как это было в течение трех с лишним лет. Начало войны привело к расширению полномочий президента. «Священное единение» освободило его от пут партийных конфликтов, в которые он был втянут в начальный, довоенный период своего президентства. После начала войны его стали воспринимать как президента всей страны, а не в качестве представителя умеренной фракции палаты депутатов. Его престиж, опыт также придавали ему вес на заседаниях правительства в течение трех первых лет войны. Пока у премьер-министров не было реальной власти, Р. Пуанкаре был даже более влиятелен, чем в момент «медового месяца» президента. Но тяготы войны привели к тому, что общество в целом настраивалось иначе по отношению к политикам, которые не смогли быстро добиться победы над врагом. И в последний год войны президенту пришлось мириться с властным премьер-министром. Ему пришлось смириться с новой ролью, которую он отвергал в 1913 г., как страшный сон: он стал лишь украшением торжественных церемоний.

8. ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

После начала войны у президента появилось множество новых специфических проблем, одной из которых были отношения гражданских властей с военным командованием. В конце XIX—начале XX в. эти отношения, особенно во время «дрейфусиады», были довольно болезненными. Радикальное большинство в парламенте обвиняло армию в клерикализме и в появлении в ее среде всевозможных заговоров и диктаторов. Гражданским властям после ряда чисток удалось сделать из военных послушных исполнителей депутатской воли. Но война неизбежно должна была изменить характер отношений между гражданскими властями—исполнительной и законодательной — и верховным командованием армии. Сложность состояла в том, что, как отмечал в своих дневниках президент, ни конституция, ни закон не регулировали отношений между различными государственными властями в военное время¹. Вернувшись к этой проблеме чуть позже, он писал: «Законы 1882 и 1905 г. возлагают на военного министра... управление армией. Министр должен доставлять высшему командованию необходимые последнему средства,

материал, снабжение, продовольствие. Точно так же правительству в целом надлежит под своей ответственностью перед парламентом определять общие условия—политические, финансовые, экономические и дипломатические, в которых должна вестись война». И далее он заметил, что «безусловно необходимо, чтобы ставка... не уклонялась от всякого контроля», что нельзя позволить и «правительству вмешиваться в руководство военными операциями»².

Было очевидно, что в военное время высшее командование должно иметь больше власти и меньше поддаваться влиянию гражданских политиков. Было очевидно и другое: гражданские власти должны были обладать достаточным объемом информации. А здесь и возникали причины для трений между Ставкой Верховного командования и Парижем. Даже президент жаловался на недостаточность, неполноту информации. 11 августа 1914 г. он с горечью записал в дневнике; «Я в своей елисейской тюрьме почти не имею информации о том, что делается в главной квартире (то есть в Ставке – Н.Е., С.В.)»³. Военные с большой неохотой предоставляли гражданским властям новости с мест боев, что вызывало резкое недовольство президента и правительства⁴. Но благодаря своему характеру президент все же получал новостей больше и получал их раньше, чем другие гражданские политики, а иногда даже через голову кабинета. Не случайно 9 августа 1914 г. именно ему главнокомандующий французской армией генерал Ж. Жоффр адресовал свое послание с просьбой об ускорении прибытия английских войск на французский фронт⁵.

После победы англо-французских войск на Марне (6-12 сентября 1914 г.) и стабилизации фронта стабилизировались и отношения между Ставкой и гражданскими властями. Когда напряжение начального периода войны спало, Р. Пуанкаре почти еженедельно стал навещать Шантийи, где находилась Ставка, а Ж. Жоффр регулярно бывал в Елисейском дворце. Во время этих встреч дотошный президент старался получить как можно больше сведений о положении на фронте и о ближайших планах военного командования. В те дни, когда встречи не были запланированы, как писал русский военный агент А.А. Игнатьев, Р. Пуанкаре упорно связывался с главнокомандующим по телефону. Кроме того, президент систематически получал информацию из Шантийи и через прикомандированных к Елисейскому дворцу офицеров связи полковников Пенелопа и Эрбийона. Полное совпадение взглядов гражданских и военных политиков обнаруживалось в вопросе о необходимости беречь собственную армию, в том числе и за счет армий союзников. В конце ноября 1915 г. Р. Пуанкаре получил составленную в Ставке и одобренную Ж. Жоффром записку, в которой говорилось, что до начала решающих операций нужно «беречь французскую армию, и истощать силы неприятеля с помощью армий союзников, обладающих неисчерпаемыми ресурсами»⁷.

И все же отношения между Ставкой и президентом и правительством и в дальнейшем были далеки от гармонии интересов. Как амбициозный президент пытался навязать Ставке такие решения, которые были более благоприятны для гражданских властей (когда и где наступать, какими силами, отношения с союзниками, снабжение армии, назначение военных на ответственные посты), так и Ставка стремилась уйти от контроля со стороны правительства, президента, парламента. В дневниках Р. Пуанкаре и Ж. Эрбийона описан разговор, состоявшийся в Елисейском дворце между Жоффром, президентом и министрами 21 марта 1915 г. Среди прочего главнокомандующий французской армией высказался против пополнения английской армии и передачи англичанам Дюнкерка в качестве военной базы. Президент возражал, утверждая, что, если не удастся «сговориться с англичанами», они пошлют свои войска на другой театр военных действий, например в Пьемонт, если Италия решится вступить в войну. «Возможно, — говорил Р. Пуанкаре, — что по политическим соображениям нам нельзя будет допустить, чтобы Англия одна оказала помощь Италии». Жоффр на это категорично заявил, что никогда не согласится на «изъятие хотя бы небольшой части наших (то есть французских. — Н.Е., С.В.) войск с нашего фронта». Пуанкаре воспринял этот ультиматум как заявление военного руководства о полной независимости от гражданской власти и обвинил его в намерении стать правительством в правительстве. Ж. Жоффр в ответ мелодраматично заявил, что ему «не остается ничего другого, как дать убит себя перед своими войсками»⁸.

Политические интересы Р. Пуанкаре и в дальнейшем нередко преобладали над военной целесообразностью, что часто приводило к новым вспышкам взаимного раздражения. Так, осенью

1915 г. недовольство гражданских политиков было вызвано своеволием Жоффра, который помимо протекавшего с переменным успехом наступления в Шампани, сопровождавшегося большими потерями, планировал еще и наступательную операцию в Эльзасе и поэтому отказывался выделить требуемое количество войск для переброски на Балканы. Вопросы планирования новых наступательных операций, распределения контингентов между различными фронтами, солидарно с министрами замечал Р. Пуанкаре, должны решаться не только главнокомандующим, но и правительство должно иметь свое мнение на этот счет⁹. По словам Ж. Эрбийона, Р. Пуанкаре также требовал от Ж. Жоффра прекратить наступление в Шампани¹⁰.

Политическими мотивами руководствовался Р. Пуанкаре и в марте 1916 г., когда на заседании Совета национальной обороны обсуждался вопрос об организации наступательной операции союзников. Цель этой наступательной операции англичан в районе реки Соммы состояла в том, чтобы заставить немцев ослабить натиск в битве у крепости Верден, начавшейся в феврале 1916 г. Генерал Жоффри настаивал на необходимости и возможности начала этой операции во второй половине мая. Однако Р. Пуанкаре высказался категорически против такой поспешности. Он настаивал на том, чтобы генеральное наступление союзников началось лишь тогда, когда французская армия сможет принять в нем существенное участие. Иначе, говорил он, «англичане будут говорить, что они спасли Францию; победа тогда будет английской победой; мир будет английским миром»¹¹. И Совет поддержал это мнение президента. Только 18 мая 1916 г. на совещании в салоне персонального вагона Р. Пуанкаре близ Шалона было принято решение о начале наступления английских войск к 1 июля 1916 г.¹²

Стремлением обеспечить интересы Франции, укрепить ее влияние на Балканах объяснялась та настойчивость, с которой Р. Пуанкаре добивался отправки французского экспедиционного корпуса для участия в Дарданелльской, а затем и в Салоникской операциях. Ж. Жоффри был против этой идеи. В письме военному министру от 3 октября 1915 г. он утверждал, что нужно добиться решения на главном театре военных действий, т. е. во Франции; что все должно быть направлено «на широкий стратегический прорыв, первым результатом которого будет освобождение национальной территории»; что главная задача поддержки военных операций балканских государств лежит на Великобритании; что Франция не должна расплывать свои силы¹³. Президент неоднократно педантично поднимал этот вопрос и на заседаниях правительства, и в беседах с министрами¹⁴.

Между тем, независимо от позиции главнокомандующего Жоффра Франция участвовала в военных операциях союзников на Балканах. В марте 1915 г. англо-французский флот безрезультатно бомбардировал Дарданеллы, в апреле сухопутные войска высадились на полуострове Галлиполи. Когда же стало известно, что в Болгарии началась мобилизация и она готовится к вступлению в войну на стороне центральных держав, было принято решение о вторжении в Северную Грецию: с 4 октября 1915 г. началась высадка войск Антанты в греческий город-порт Салоники. Жоффри, посетивший президента в середине октября, заявил, что он рассматривает операцию на Балканах как необходимую, а вскоре даже составил точные инструкции для командовавшего экспедиционным корпусом генерала Саррайя¹⁵. Однако и после этого Ж. Жоффри оставался противником этой операции и противился развертыванию там новых французских войск. На все требования Р. Пуанкаре о выделении дивизий для операций в Салониках генерал отвечал отрицательно. Так, на заседании Совета обороны 11 сентября 1916 г. он заявил, что не намеревался посылать новые дивизии на Балканы. «Мы, — говорил он, — не можем лишиться во Франции ни двух, ни далее одной дивизии... Наша победа будет одержана здесь. Все французские силы нужны нам здесь»¹⁶. Натолкнувшись на стену непонимания, президент обвинил Ж. Жоффра в мелочной враждебности к восточной армии¹⁷. Неуступчивость генерала стоила ему поста главнокомандующего. Р. Пуанкаре воспользовался недовольством парламента, систематически критиковавшего генерала за неудачное ведение и затягивание войны, он поддержал сторонников замены главнокомандующего. 27 декабря 1916 г. Р. Пуанкаре вручил Ж. Жоффри маршальские регалии и принял его отставку.

При назначении нового главнокомандующего победило мнение президента, желавшего видеть на этом посту героя верденского сражения генерала Робера-Жоржа Нивеля. Первое, что сделал Р.-

Ж. Нивель, вступив в должность, это удовлетворил просьбу президента о переносе Ставки в Компьен: Шантйи многими политиками воспринимался как символ сопротивления военных гражданским властям¹⁸. Поддержка президентом именно генерала Р.-Ж. Нивеля случайной не была- Полевой командир, Нивель сделал карьеру не в штабах и Ставке, а на линии фронта; из-за этого у него не было в Ставке своей команды, не было у него и времени для приобретения солидной поддержки в политических кругах. Новый главнокомандующий разделял мнение Р. Пуанкаре о том, что на фронте следует начать проводить активные действия.

Едва вступив в должность, Р.-Ж. Нивель занялся разработкой плана крупного наступления, которое предполагалось осуществить на восьмидесятикилометровом участке фронта между Реймсом и Суассоном, где планировалось прорвать многокилометровые немецкие оборонительные порядки. Но революция в России, неожиданное отступление знавших о французских планах немцев на линию Гинденбурга и ожидаемое вступление в войну США склоняли главнокомандующего к мысли о необходимости отложить наступление. Генерал был в этом намерении не одинок, к такому решению склонялись и многие французские политики. Но только не Р. Пуанкаре, который надеялся перехватить стратегическую инициативу на Западном фронте, а возможно и покончить с войной. Как вспоминал полковник Эрбийон, Р. Пуанкаре встретил известие о намерении главнокомандующего перенести начало наступления в штыки. Президент повторял: «Только бы немцы не перешли в наступление первыми. Это было бы катастрофой. Когда мы будем готовы предпринять наступление? Чем больше мы выжидаем, тем больше шансов проиграть»¹⁹. Чтобы заставить главнокомандующего не откладывать наступление, Р. Пуанкаре предложил созвать специальное заседание Военного совета. Узнав, что многие генералы из Ставки по карьерным соображениям не согласны с Р.-Ж. Нивелем, он решил этим воспользоваться. Сам президент необходимость созыва этого заседания объяснял так: «Я являюсь инициатором этого заседания, поскольку считаю необходимым положить конец закулисным интригам, кампаниям одних людей и подозрению других. Генерал Нивель объяснит причины и план акции: если у генералов есть замечания, они сделают их перед ним (то есть генералом Нивелем. — Н.Е., С.В.) и перед нами, неся за это ответственность. Как только решение будет принято, не возникнет вопросов о его изменении. Это заседание имеет одну цель: дать генералу Нивелю возможность объясниться и уверить его в доверии правительства»²⁰.

На самом заседании, как вспоминал присутствовавший на нем А. Рибо, Р. Пуанкаре вел себя весьма некорректно. В начале заседания он предложил генералам высказаться о плане главнокомандующего. Он сам задавал много вопросов Нивелю. Несколько участников заседания, выслушав мнение президента, также стали открыто критиковать главного французского военачальника. Неискушенный в политических баталиях и интригах генерал заявил о своей отставке. Р. Пуанкаре, А. Рибо и П. Пенлеве пришлось потратить немало усилий, чтобы Р.-Ж. Нивель взял свое заявление обратно²¹. Усилия президента оказались не напрасными. Совет убедил главнокомандующего наступать.

Наступление, на котором настаивал Р. Пуанкаре, будь оно успешным, могло бы принести президенту немало политических дивидендов. Но апрельское наступление 1917 г. вошло в историю Франции под названием «бойни Нивеля»: потеряв на Шмен де Дам несколько десятков тысяч человек, французы не смогли прорвать немецкую линию Гинденбурга. Генерал Нивель отдал приказ остановить наступление. Узнав об этом, президент, видимо, утративший чувство реальности, несколько раз предлагал главнокомандующему прислушаться к советам тех генералов, которые требовали продолжить кровавые атаки²².

Разгневанные очередной неудачей на фронте депутаты принялись за поиски виновного. Вспомнив о заседании Военного совета, состоявшегося 6 апреля, они обвинили Р. Пуанкаре во вмешательстве в военные дела²³. Депутаты организовали по этому поводу специальную комиссию, которая, однако, ничего противозаконного в действиях президента не обнаружила²⁴. После провала апрельского наступления Р.-Ж. Нивель был обречен. А. Рибо и П. Пенлеве предложили заменить его Филиппом Петэном. Какой была реакция президента, определенно неизвестно, так как разные политики писали об этом по-разному. Согласно А. Рибо, Р. Пуанкаре с радостью согласился и на отставку Нивеля, и на назначение Петэна²⁵. А как пишут полковник Эрбийон и

сам президент²⁶, он этому противился. Какой бы ни была правда, 10 мая 1917 г. Военный совет высказался за отставку Нивеля. Узнав об этом, генерал отказался подчиниться. Правительственные круги в этой щекотливой ситуации вынуждены были обратиться к авторитету президента. Как заметил по этому поводу полковник Эрбийон, встретившись 15 мая с опальным генералом, Р. Пуанкаре уговорил его «тихо уйти»²⁷.

Назначение Ф. Петэна на пост главнокомандующего проходило под аккорд массовых волнений во французской армии и расширяющейся в России демократической революции, И не случайно, что в этот сложный период в отношениях между Компьеном и Елисейским дворцом появились новые нотки. Ф. Петэн быстро обнаружил у Р. Пуанкаре «больное место»—страх перед революцией: чтобы президент был более сговорчивым, он просил полковника Эрбийона чаще напоминать Р. Пуанкаре «о намерении солдат пойти на Париж и скинуть правительство в воду»²⁸. Было очевидно, что между президентом и главнокомандующим установилось взаимопонимание. Когда Р. Пуанкаре узнал, что французские социалисты намерены принять участие в международной социалистической конференции в Стокгольме, он обратился за советом о целесообразности выдачи им заграничных паспортов именно к Ф. Петэну²⁹. По приказу Ф. Петэна, восстановившего смертную казнь для нарушивших дисциплину солдат, военные суды ужесточили репрессии в армии: было вынесено 23 395 приговоров, из них 412 смертных³⁰. Социалисты и некоторые радикалы выступили с осуждением этих действий. Военный министр П. Пенлеве просил Р. Пуанкаре помиловать осужденных, на что президент ответил: «Это время не допускает слабости». Он официально отказался в пользу Ф. Петэна от принадлежавшего по конституции президенту «права помилования приговоренных к смертной казни»³¹. Столь жесткие действия президента и главнокомандующего привели к усмирению солдат.

Назначение Ж. Клемансо на должность премьер-министра сузило рамки влияния Р. Пуанкаре и в военной сфере, так же как и в штатских делах. Он не мог более вмешиваться в оперативные дела Ставки, не мог и защищать кого-либо из военных, попавших в немилость. Но все же иногда и престиж Р. Пуанкаре оказывался нужным строптивому премьеру, особенно когда надо было решить определенные проблемы с союзниками. Например, когда в конце 1917 г. во Францию наконец-то стали прибывать в большом количестве американские войска, руководство Франции, гражданское и военное, решило влить американские подразделения во французские дивизии. Однако американский главнокомандующий генерал Дж. Дж. Першинг упорно отказывался ставить своих людей под чужие знамена. Но и создание независимой американской армии явно отсрочивалось. Тигр решил действовать через президента: по его просьбе президент адресовал личное письмо на имя американского президента В. Вильсона, даже не поставив об этом в известность Першинга. Хозяин Белого дома, ознакомившись с письмом Французского президента, вежливо французам отказал³².

Более успешной была помощь, оказанная премьеру президентом республики при решении вопросов о создании единого руководства боевыми операциями на территории Франции. В марте 1918 г., заключив с Россией сепаратный Брестский мир, немцы перебросили с Восточного фронта крупную армейскую группировку и перешли в наступление на Западном фронте в районе Пикардии. Перед угрозой поражения войск союзников 25-26 марта 1918 г. в Дуйене состоялась встреча представителей английского и французского гражданского и военного руководства. После горячих дебатов делегаты приняли далеко идущее решение: они передали союзные армии под единое командование французского генерала Фердинанда Фоша. Большинство французских участников этой встречи отметили действия Р. Пуанкаре, который был на ней председателем. Даже Тигр обмолвился, что «на конференции Пуанкаре проявил себя искусным политиком», и удовлетворенно добавил, что он был «крайне доволен, что пригласил его принять в ней участие»³³. Р. Пуанкаре, посетивший лично Ставку бельгийского короля Альберта I, который противился объединению военных сил союзников, смог убедить короля-рыцаря влить бельгийскую армию в общие ряды³⁴.

До осени 1918 г. в военных делах Р. Пуанкаре вынужден был делать лишь то, что было в русле политики Ж. Клемансо. А после злополучного письма Р. Пуанкаре Тигру о «солдатских поджилках», ему было отказано даже и в этом.

Если подводить итоги деятельности президента на военной ниве, то можно сказать, что годы войны дали хозяину Елисейского дворца немало возможностей проявить свои лучшие организаторские способности и в военных делах. Его слова имели особый вес на переговорах между союзниками и в диспутах между Ставкой и кабинетом. Позиция президента приводила к неоднозначным результатам. Его авторитет, его умение привести к примирению Ставку и гражданские власти, готовность брать на себя ответственность при решении многих сложных проблем имели большое значение. Но когда в тех или иных вопросах верх брали его амбициозность, тщеславие, это мешало принятию разумных решений и в конечном счете приводило к чувствительным неудачам, как это было при планировании и осуществлении французской наступательной операции в районе Шмен де Дам весной 1917 г.

9. МИР

11 ноября 1918 г, немцы приняли условия перемирия, и в тот же день на заседании совета министров Франции, проходившем по традиции под председательством президента, Р. Пуанкаре официально объявил, что война окончена¹. После прозвучавшего в одиннадцать часов артиллерийского залпа, возвестившего об окончании войны, начались массовые празднества. На несколько дней страна окунулась в праздничное ликование. Президент получал поздравительные телеграммы со всего мира. Он вновь был авторитетен! Многие газеты вышли с портретами Р. Пуанкаре и маршала Ф. Фоша². Но все же его популярность намного уступала популярности Ж. Клемансо. А после торжеств, устроенных премьеру в палате депутатов, Р. Пуанкаре с нескрываемым недовольством писал в своем дневнике: «Вчера палата устроила Клемансо... неопишущую оvation. Сегодня пресса возносит его до небес. Для всех он – освободитель оккупированных земель, организатор победы. Один он олицетворяет Францию. Фош исчез. Армия исчезла. Что до меня, то я, конечно, не существую. Четыре военных года, на протяжении которых я возглавлял государство, забыты полностью»³.

Горечь президента понятна. На алтарь великой победы Р. Пуанкаре принес не меньше, а больше, чем Ж. Клемансо. Клемансо стал главой правительства, когда перспектива победы была уже очевидна, Р. Пуанкаре был главой государства и в горькие месяцы поражений. И он много сделал для будущей победы. Но уличная слава его обошла. Среди простых французов президент прочно ассоциировался с поджигателями войны и с затяжной и кровопролитной войной. Толпы встречали его более сдержанно, чем премьер-министра. Только во вновь обретенных городах Меце и Страсбуре они получили одинаковую порцию восхищения.

Премьер-министр Клемансо даже в атмосфере всеобщего ликования, по-видимому, не смог отказать себе в удовольствии продиктовать президенту правила поведения: 17 ноября 1918 г. старый атеист Клемансо запретил Р. Пуанкаре присутствовать на божественной литургии в Тео Деум Нотр Дам де Пари. Президент не решился гневить премьер-министра. Но на молебне Р. Пуанкаре делегировал свою жену. Примечательно, что на богослужении в Нотр Дам де Пари в этот день присутствовал весь дипломатический корпус.

Празднества по случаю окончания войны не смогли все же отодвинуть главный вопрос дня — необходимость юридического закрепления условий победы союзников над странами германского блока. Программа военных целей, т. е. условий будущего мира, вырабатывалась во Франции в течение всей войны. Наиболее полную программу уже в первые недели войны, как говорилось выше, представил французский посол в Петрограде М. Палеолог. Но тогда же в различных общественных кругах стали высказываться идеи относительно контуров будущего мира. Исследователь этой проблемы, видный французский историк П. Ренувен писал, что вскоре после победы на Марне, то есть с сентября 1914 г. в общественном мнении страны сформировалось убеждение в том, что Германия будет побеждена, и Франция заключит не мир по соглашению, а победный мир. Ни военные неудачи 1915 г., ни Верден 1916 г., писал П. Ренувен, не поколебали этого убеждения. В различных общественных и политических кругах обсуждался вопрос о том, что Франция должна получить в результате победы. Возвращение Эльзас-Лотарингии — единственная цель Франции в войне, которую поддерживало все общественное мнение, от крайне правых до крайне левых, как отмечал П. Ренувен⁴. Пресса с начала 1915 г. усиленно

пропагандировала идею необходимости создания «защитной зоны против немецкой инфильтрации» на левом берегу Рейна, где предлагалось уничтожить немецкий суверенитет, а населению предоставить право выбора между присоединением к Франции или статусом нейтрального государства. Эту идею поддержали и французские историки Э. Лависс, А. Олар, Э. Дрио и другие⁵. Созданная крупнейшим металлургическим объединением Комите де Форж комиссия, занимавшаяся проблемами мира, поставила вопрос об аннексии Саарского угольного бассейна. В октябре-декабре 1915 г. генеральный секретарь Комите де Форж Р. Пино в записках, направленных в комиссию экономической экспансии сената и Бюро экономических исследований, обосновал необходимость приобретения Саара хроническим для Франции дефицитом каменного угля⁶.

В августе 1916 г. инициативу проявил президент Р. Пуанкаре, который просил Жоффра определить военные условия перемирия. В представленном вскоре Генеральным штабом проекте в качестве условий мира были названы; аннексия Саарского угольного бассейна; создание на левом берегу Рейна трех-четырёх государств, которые «были бы отделены политически от Германии, но объединены с Францией таможенным союзом»; приобретение Францией на правом берегу Рейна предмостных укреплений, расположенных напротив ряда крупных левобережных городов; переустройство политической карты Германии с целью «уменьшения размеров Пруссии и осуществления равновесия между немецкими государствами»⁷.

В течение войны шел процесс согласования условий мира с союзниками, с военными, политическими кругами в стране. В 1917 г. Р. Пуанкаре организовал исследовательский комитет во главе со своим старинным другом, коллегой по Французской академии, историком Эрнестом Лависсом и сенатором Жаном Морелем. В задачу комитета входила выработка предложений Франции о территориальном и экономическом будущем послевоенной Европы⁸. К началу ноября 1918 г. комитет представил меморандум, в котором были суммированы все идеи, витавшие в обществе. Программа комитета предполагала присоединение к Франции Эльзаса и Лотарингии, а также и Саара; западная граница Германии должна была проходить по левому берегу Рейна. Кроме того, предполагались громадные репарации с побежденной Германией, Франция должна была расширить свои колониальные владения за счет Германии и Османской империи. Эти предложения, выработанные сонмом парижских профессоров, было необходимо отстоять на открываемой в начале января 1919 г. в Париже мирной конференции.

Для Р. Пуанкаре Парижская мирная конференция могла стать еще и последним шансом перехватить инициативу у Ж. Клемансо, ослабить его авторитет перед новыми парламентскими и президентскими выборами, которые должны были пройти в конце 1919—начале 1920 г. Поскольку главой делегации США был президент Вудро Вильсон, Р. Пуанкаре предложил назначить главой французской делегации себя. Однако Ж. Клемансо, не без поддержки англичан, которые не хотели видеть за столом переговоров лотарингца, предоставил президенту лишь роль «церемониймейстера»: как глава государства, на территории которого проводилась конференция, он должен был открыть конференцию вступительной речью⁹.

Мирная конференция открылась 18 января 1919 г. в зале министерства иностранных дел Франции на Кэ д'Орсэ вступительной речью президента Французской Республики Раймона Пуанкаре. Эта речь президента была одной из самых лучших из всех когда-либо им произнесенных. Она сопоставима только с его речью в защиту А. Дрейфуса и Манифестом по случаю объявления войны. Зная о непреодолимых разногласиях английского премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа с позицией французской делегации, Р. Пуанкаре всю силу своего ораторского мастерства направил на третьего великого участника конференции – американского президента Вудро Вильсона. Он построил свою речь в излюбленном для американцев ключе – в духе юридического идеализма.

Р. Пуанкаре начал свою речь с краткого исторического экскурса. «Господа! Ровно 48 лет назад, - говорил президент, - в Зеркальном зале Версальского дворца была провозглашена Германская империя. Сегодня мы собрались здесь для того, чтобы разрушить и заменить то, что было сделано в тот день. По вине своих основателей она (то есть Германская империя. - Н.Е., С.В.) была порочна с самого своего образования и хранила в себе зародыш своей смерти- Рожденная в

несправедливости, она закончила свое существование в бесчестии». Поставив вопрос о расчленении Германии, Р. Пуанкаре далее утверждал, что «обширность германских притязаний заставила» многочисленные «народы, большие и малые, объединиться против общего врага»; что вмешательство США было не только политическим и военным событием, но и «эффективным решением, вынесенным перед Историей высоким сознанием свободного народа и его первым должностным лицом» и что это решение «спасло мир». То есть Р. Пуанкаре заявил, что война была не только противостоянием соперничавших нации, а настоящим «крестовым походом за правду!». Чтобы Германия не смогла в будущем вновь стать угрозой для мира, президент Франции предлагал участникам конференции «в интересах мира и справедливости извлечь из этой окончательной победы глобальные результаты». Он призывал сохранить солидарность, обеспечившую успех армий союзников, и во время мирной конференции, и после подписания мирного договора. Говоря о поисках справедливого мира, Р. Пуанкаре утверждал, что нарушенная Германией справедливость «требует... прежде всего возмещения и репараций», «Формируя это законное возмещение, - продолжал оратор, - она (справедливость. - Н.Е., С.Б.)... преследует двойную цель - воздать каждому должное и не провоцировать повторения преступления безнаказанностью». Р. Пуанкаре призывал признать Германию виновной в преступлениях войны и потребовать «санкций, чтобы не допустить возвращения духа агрессивности», свойственного ей. На базе ответственности великих держав за будущий мир и опасность существования немецкой агрессивности президент обосновал тезис безопасности. «Справедливость, - говорил он, - будет логична, если мы потребуем, чтобы гарантии были даны прежде всего народам, которые неоднократно рисковали быть затопленными периодическими потоками одних и тех же вторжений». После этой демонстрации позиций Франции Р. Пуанкаре поддержал тезис о праве наций на самоопределение. «Если вы хотите перековать карту мира,- заканчивая речь, обращался он к участникам конференции, - то во имя народов вы должны верно понимать их желания, уважать право больших и малых народов распоряжаться собой и согласоваться со священным правом этнических и религиозных меньшинств»¹⁰. Так президент Р. Пуанкаре изложил свое понимание основ послевоенного мира: признание виновности Германии в возникновении войны, восстановление справедливости через возмещение победителям, обеспечение гарантии безопасности путем устранения навсегда угрозы германской агрессии, признание права больших и малых народов на самоопределение- «Своей тщательно отполированной речью», - писал К. Новак, президент в некотором роде хотел торжественно предупредить делегатов мирной конференции об опасности полумер¹¹.

Выступивший после президента председатель конференции Ж. Клемансо проникновенно призвал всех собравшихся к союзу: «Мы пришли сюда друзьями, - говорил премьер-министр Франции, - а уйдем братьями. Нужно, чтобы не было таких жертв, на которые мы не были бы готовы во имя объединения»¹².

Уже первые дни работы Парижской мирной конференции уменьшили оптимизм в лагере французских умеренных, к которым принадлежал и президент. Самые мрачные ожидания Р. Пуанкаре начали сбываться. Почти все требования Франции были встречены Англией и Соединенными штатами в штыки. Тревогу за судьбу французской программы на конференции внушал и глава французской делегации Ж. Клемансо. Премьер-министр оказался неспособным к хитросплетениям дипломатических переговоров. Совершенно недипломатичный Клемансо, привыкший сражаться с парламентом, президентом и рабочим движением внутри страны, теми же жесткими методами пытался защищать ее интересы и на дипломатической конференции, совершая при этом один промах за другим. За мандат на Сирию он согласился передать Мосул англичанам, как писал Д.П. Прицкер, не имея понятия о том, что Мосул богат нефтью¹³, а, поняв ошибку, буквально набросился на Д. Ллойд Джорджа, обвиняя его во лжи, и едва не довел дело до банальной драки. Клемансо разругался с прессой, запретив предоставлять ей информацию о ходе конференции¹⁴. Это дало прессе повод наброситься с критикой на французскую делегацию. Газеты пестрели заголовками: «Мы сами не знаем, куда идем», «Три месяца потеряны, конференция не решила ни одного вопроса!»¹⁵. В этой шумихе отмалчивался лишь официоз министерства

иностранных дел и президента «Тан», цитировавший только чужие высказывания, как, например: «Франция вновь может оказаться беззащитной перед бошами»¹⁶.

Сам Р. Пуанкаре занял довольно оригинальную позицию. Лишенный возможности активно влиять на ход конференции, он ежедневно отправлял главному редактору газеты «Деба» радикалу А. Шоме двадцатистраничные письма, понимая, что они непременно дойдут до кулуаров парламента и до улицы Сен-Доминик, где в здании военного министерства на время конференции располагалась резиденция Ж. Клемансо. В этих письмах он критически комментировал позицию премьер-министра. Прекрасно осознавая, что его «опусы» не будут опубликованы, он упорно продолжал их писать, как полагал П. Мике, по-видимому, для того, чтобы в будущем защитить свое имя от критиков версальских договоренностей¹⁷. Другого способа заявить о своей позиции у Р. Пуанкаре не было: пойти на открытый конфликт с главой французской делегации на конференции он не мог себе позволить. Более чем когда-либо он был «узником гласности». Однако чем яснее становилась неспособность или невозможность для французской делегации отстаивать национальные интересы, тем больше Елисейский дворец становился центром оппозиции Ж.-Клемансо и решениям, принимаемым за столом переговоров. К президентскому дворцу обратили взоры многие политики и военные. Часто стали посещать президента А. Рибо и Ф. Фош. Состояния конфронтации достигли отношения между маршалом Фошем и Клемансо, когда стало ясно, что добиться передачи Франции Рейнской области не удастся. Вопреки указаниям главы французской делегации Фош предпринимал попытки решать не только военные, но и политические вопросы: он упорно доказывал, что западную границу Германии следует передвинуть за Рейн. Выступая на пленарном заседании конференции 7 мая, маршал высказал это требование. Публикация этого заявления маршала по приказу Клемансо была запрещена французской цензурой. Но и поддержать настоятельное желание Совета четырех (глав делегаций Англии, Франции, США и Италии) сместить маршала с должности главнокомандующего Клемансо также не смог. Р. Пуанкаре, хотя открыто и не поддержал Ф. Фоша, отправить его в отставку не позволил¹⁸. Президент понимал, как бессмысленно оказывать давление на упрямого Клемансо, и все же при каждой встрече он методично добивался от него более активной позиции на переговорах. Взбешенный премьер-министр однажды даже пожаловался Д. Ллойд Джорджу: «Не могли бы Вы одолжить мне на короткое время Георга V?»¹⁹.

Столь энергичному человеку, каким был Р. Пуанкаре, заниматься политикой только в кулуарах, не участвуя в выработке решений, было сложно. И он использовал любую возможность, чтобы заявить о себе. Первый случай представился, когда Италии было отказано в присоединении к ней города Фиуме, и премьер-министр В. Орландо, возглавлявший делегацию Италии, 24 апреля демонстративно покинул мирную конференцию. Р. Пуанкаре решил поддержать требование итальянцев, видимо, рассчитывая на их помощь в борьбе Франции с англичанами и американцами. Свою солидарность с Италией он продемонстрировал, опубликовав в газете «Франс-Италир» адресованное конференции письмо, которое было воспроизведено во многих французских изданиях. В этом письме Р. Пуанкаре предлагал передать Фиуме под юрисдикцию Италии. Это вторжение президента Франции в дела конференции вызвало в Совете четырех недовольство, но каких-либо результатов не принесло. Разве что, как отметил П. Мике, Р. Пуанкаре на будущее приобрел среди итальянцев новых союзников²⁰.

Прошло несколько дней, и Пуанкаре вновь дал о себе знать: 28 апреля 1919 г. в новом пространном письме на имя Клемансо он требовал, чтобы глава французской делегации добивался согласия союзников на продолжение оккупации левого берега Рейна до тех пор, пока Германия не выплатит полностью Франции репарации, поскольку, как он утверждал, «ни Англия, ни США практически не окажут Франции поддержки в выполнении договора»²¹. Премьер-министр даже не удосужился ответить президенту.

Последний случай напомнить о себе представился, когда 1 июня 1919 г. в Елисейский дворец прибыл командующий французскими оккупационными войсками в Рейнской области генерал Ш. Манжен. Он вручил президенту манифест немецких сепаратистов, в котором говорилось, что они желают отделиться от Германии и создать Рейнскую республику. Р. Пуанкаре немедленно сообщил об этом Клемансо, который, узнав об источнике сообщенных ему сведений, решил оставить без

ответа эти предложения и не обременять В. Вильсона новыми спорами²². Так закончилась последняя попытка президента вмешаться в версальский процесс.

28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца был подписан мирный договор с Германией. Президент, чтобы не подписывать этот документ, подумывал об отставке²³. Однако желание остаться в политике заставило его с тяжелым чувством поставить свою подпись под договором. Уже ближайшее будущее показало, как прав был Р. Пуанкаре, добиваясь более реальных гарантий безопасности Франции. Сенат США Версальский мирный договор не ратифицировал, следовательно, отпадала и американская гарантия стабильности восточных границ Франции. Вслед за США аннулировала свои гарантии и Великобритания.

Итак, военная страница была перевернута. Наступили мирные времена со своими тревогами и заботами. Предстояли парламентские и президентские выборы. Оставалось завершить и некоторые неприятные дела, среди них была судебная тяжба Р. Пуанкаре с сенатором Ш. Юмбером.

Шарль Юмбер был издателем одной из самых крупных еженедельных газет Франции — «Журналь». Толстяк сенатор, весьма амбициозный, еще в предвоенное время приобрел известность своими разоблачениями состояния армии и пограничных крепостей, а в сенате его воспринимали как парламентского шута, как некогда Катон, восклицавшего: «Пушки и боеприпасы!». Во время войны он был одним из самых суровых критиков правительства. В 1918 г., во время апогея шпиономании, стало известно, что знаменитый авантюрист Боло-паша вложил в газету Юмбера большую сумму, полученную им от немцев для пропаганды сепаратного мира. Боло-паша был расстрелян, а Ш. Юмбер арестован. Вероятнее всего, Ш. Юмбер не знал о происхождении денег. Пикантность ситуации для президента состояла в том, что его жена была лучшей подругой мадам Боло²⁴. В 1919 г. Ш. Юмбер предстал перед сенатом, где в качестве свидетельства своей непричастности к деятельности Боло-паши он предъявил обширную переписку с Р. Пуанкаре, продолжавшуюся в течение войны. Большая часть писем Р. Пуанкаре была его попыткой защитить правительство от нападков Юмбера. Сенатор, предъявляя эти письма сенату, видимо, хотел доказать, что даже президент не сомневался в его патриотизме. В результате имя хозяина Елисейского дворца попало на страницы судебного дела Юмбера. Адвокат же Ш. Юмбера пошел еще дальше. Он заявил, что Р. Пуанкаре сознательно подстроил арест сенатора. Спекуляция на имени главы государства в Третьей республике, как писала газета «Матэн», не имела аналогов²⁵. Р. Пуанкаре вынужден был направить в суд письменные показания, в которых доказывал беспочвенность обвинений. Показания президента удовлетворили суд, его больше не беспокоили. Эта нечистоплотная возня вокруг имени президента была возможна при молчаливом попустительстве Ж. Клемансо.

19 ноября 1919 г. во Франции прошли первые послевоенные выборы в палату депутатов. Как руководитель созданной им республиканско-демократической партии Р. Пуанкаре активно участвовал в предвыборной кампании. Вокруг республиканских демократов сложился «национальный блок», к которому примкнули республиканские левые демократы во главе с Л. Барту, республиканские социалисты во главе с А. Брианом, клемансистская группировка левых республиканцев и партия крупных промышленников и землевладельцев — «республиканская федерация». «Национальный блок» победил на выборах, завоевав 437 из 613 мандатов, т.е. две трети парламентариев нового созыва принадлежали блоку. Партия Р. Пуанкаре получила 104 места, а партия Ж. Клемансо — лишь 38. В день открытия заседаний новой палаты депутатов, 8 декабря, 24 депутата от Эльзаса и Лотарингии зачитали декларацию, в которой говорилось: «Эльзас и Лотарингия счастливы приветствовать великого лотарингца, занимающего высший пост в стране на протяжении долгих лет войны»²⁶.

Выборы в сенат также стали триумфом умеренных. О своем политическом будущем президент мог не беспокоиться, так как в его родном департаменте Мёз все кандидаты на три места в сенате отказались претендовать на один из мандатов сенатора в пользу Р. Пуанкаре²⁷.

Приближались и президентские выборы. Р. Пуанкаре не собирался оставаться на посту президента на второй срок. Французский историк Ж. Шастене писал: «Он категорически заявил, что не собирается продлевать свой мандат, с тех пор как с начала конференции он выполнял

только церемониальную службу»²⁸. Перед Р. Пуанкаре стояла задача выбора себе преемника. Усложнялась эта задача стремлением Пуанкаре не допустить избрания на высший государственный пост Ж. Клемансо. С этой целью он решил при поддержке своей партии поддержать на выборах кандидатуру Поля Дешанеля, человека незаметного и, как скоро выяснится, больного. Во время подготовки к выборам против Ж. Клемансо сложился блок, в который вошли П. Дешанель, Р. Пуанкаре, А. Бриан и кардинал Аллет с правыми²⁹. Р. Пуанкаре ставил перед собой и еще одну задачу—обратить ситуацию вспять: если в течение почти всего своего президентского срока он добивался исполнения своих обязанностей в полном объеме, как они оговорены конституцией, то теперь он настаивал на возвращении к той ситуации, какая была характерна для Третьей республики всех предшествующих президентству Р. Пуанкаре десятилетий — полномочия президента должны быть ограничены представительскими функциями, и не более того.

5 января 1920 г. Ж. Клемансо направил для исполнения декрет президента Р. Пуанкаре о созыве 17 января Национального собрания для избрания нового президента Французской Республики. По традиции перед президентскими выборами прошло предварительное голосование. Ж. Клемансо демонстративно на него не пришел, будучи уверенным в своей победе. Но результат был для него плачевным— П. Дешанель набрал на 19 голосов больше. Такого шокирующего итога Клемансо стерпеть не мог и отказался от продолжения борьбы за президентское кресло. На следующий после официального голосования день Ж. Клемансо подал заявление об отставке с поста премьер-министра Третьей республики. Р. Пуанкаре сказал несколько стандартных слов благодарности уходящему в отставку Ж. Клемансо, но в душе он, конечно, ликовал.

Если Ж. Клемансо уходил с политической арены навсегда, то для Р. Пуанкаре начинался лишь новый этап его политической карьеры. Назначив новым премьер-министром А. Мильерана и сказав несколько напутственных слов двенадцатому в истории Третьей республики президенту Полю Дешанелю, Р. Пуанкаре покинул Елисейский дворец с чувством исполненного долга, но и с заметным облегчением—он расставался с «золотой клеткой» и церемониальным фраком.

Когда Р. Пуанкаре стал главой государства, он надеялся сделать эту должность и в рамках конституции настолько значимой, чтобы президент стал более влиятельной и более авторитетной личностью. Ему отчасти это удалось. Благодаря великому лотарингцу для многих французов президентский дворец стал олицетворением силы и власти. Р. Пуанкаре удалось наполнить содержанием некоторые привилегии, которые президенту принадлежали по конституционному праву, в первую очередь – право влиять на внешнюю политику и получать полную информацию о деятельности правительства. Но узурпировать исполнительную власть ему не позволили. А когда в 1917 г. страна оказалась в состоянии глубокого кризиса, он отказался от характерной для него активности и вмешательства в дела правительства во имя достижения согласия, и, в конечном счете, во имя достижения победы. Находясь на вершине власти в самое тяжелое для Франции время, Р. Пуанкаре нес всю ответственность за успехи и просчеты страны. Его имя тесно связано с развязыванием Первой мировой войны, с теми громадными людскими потерями, которые понесла Франция на поле брани, но оно связано и с единением всех французов против общего врага, с успешным сопротивлением захватчику и с долгожданной победой.

10. ЗАВЕРШЕНИЕ КАРЬЕРЫ

Отдых Р. Пуанкаре после ухода из Елисейского дворца был недолгим, хотя он и заявлял во всеуслышание, что меняет «фрак на домашнюю куртку»¹. И действительно, долго находиться в четырех стенах своего парижского дома на улице Марбон без дела такая деятельная натура, как Р. Пуанкаре, не могла. Не случайно 17 февраля 1920 г. в одной приватной беседе ушедший в отставку президент промолвил: «Моя карьера началась»². Уже 5 февраля 1920 г. он выступил во Французской академии по случаю избрания академиком маршала Ф. Фоша.

Р. Пуанкаре совершал поездки по стране, занимался восстановлением своей лотарингской усадьбы, разрушенной немцами, начал писать мемуары, дав им заглавие «На службе Франции». С осени 1920 г. он вновь с головой погрузился в политическую жизнь Франции. Р. Пуанкаре активно посещал заседания сената и его комиссий. В одной из них, комиссии по иностранным делам, он

стал председателем. Правящий «национальный блок», который он создал в 1919 г., безоговорочно признавал его одним из своих лидеров. В 1920-1921 гг. он дистанцировался от правительственных постов из-за несогласия с умеренной внешнеполитической доктриной, к выработке которой был причастен А. Бриан. Вместе с тем Р. Пуанкаре реагировал на злободневные политические вопросы критическими публикациями в прессе. С 1920 по 1922 г. он выпустил четыре книги под общим названием «Политическая история», в которых излагал свой взгляд на происходящие события³. Кроме того, он публиковал статьи в газетах «Temps» и «Revue des deux Mondes», давал интервью всем известным печатным изданиям мира, кроме советских. Самыми шумевшими публикациями Р. Пуанкаре этого времени были статьи, опубликованные в «Temps», которые затем получили общее название — «Свободные письма»⁴, и статья в «Revue des deux Mondes», в которой он предлагал Франции начать сотрудничество с большевистской Россией, чтобы она не попала в сферу влияния Англии⁵. Но все же главной внешнеполитической проблемой этого времени были отношения с побежденной Германией.

Франция не смогла в полном объеме реализовать свою программу на Парижской мирной конференции (расчленив Германию, отторгнуть Рейнскую область и т.д.). И виноват в этом был не Ж. Клемансо, а общая ситуация на конференции, нежелание союзников Франции Англии и США удовлетворить такие требования Франции, которые неизбежно вели бы к ее усилению, к превращению ее в самую мощную державу Европы.

Тот факт, что делегацию Франции на конференции возглавлял не президент, а премьер-министр, оказалось в конечном счете весьма благоприятным для Р. Пуанкаре обстоятельством: не его, а Клемансо винили в том, что Франция не добилась своей цели — максимального ослабления Германии. После подписания Версальского мирного договора Франция добивалась того, чтобы Германия в точности выполняла статьи мирного договора, особенно военные и экономические. А Германия сразу стала нарушать Версальский договор: она саботировала выполнение статей о разоружении; ссылаясь на неплатежеспособность, задерживала выплату репараций,

В 1920-1921 гг. все союзники, в том числе Франция и Англия, были солидарны в применении санкций в отношении Германии, нарушавшей договор. Однако к концу 1921 г. ситуация стала меняться и в самой Франции, и за ее пределами. Пришло понимание того, что восстановить разрушенное и расстроено войной хозяйство Европы без вовлечения в ее хозяйственную жизнь Германии и России невозможно. Следовательно, нужно было менять характер отношений с этими странами. Так возникла идея созыва международной экономической и финансовой конференции с участием Германии и России.

Произошли изменения и в настроениях части общественного мнения Франции. Наряду с господствовавшими настроениями необходимости продолжения политики диктата и санкций в отношении побежденной Германии, все отчетливее звучали голоса тех, кто выступал за проведение более гибкой политики и в отношении Германии, и в отношении России. Выразителем новых настроений стал А. Бриан, в январе 1921 г. возглавивший правительство Франции. По свидетельству его биографа В. Маргеритта, А. Бриан, считавший Версальский договор «нежизненным»⁶, как многие политические деятели Франции, вначале полагал, что нужно заставить Германию выполнять его неукоснительно. Но вскоре от политики санкций, осуществляемой его правительством в 1921-1922 гг. в качестве меры за нарушения Германией репарационных обязательств, Бриан пришел к пониманию другой реальности — невозможности проводить политику принуждения, не подвергая Францию риску оказаться в состоянии международной изоляции, поскольку Англия и США, заинтересованные в усилении Германии в противовес Франции с ее претензиями на гегемонию в Европе, расширяли свое влияние на Германию. В январе 1922 г. на конференции в Канне обсуждался вопрос о подготовке экономической и финансовой конференции. Идея этой конференции для Бриана оказалась тем более привлекательной, что еще несколько ранее английский премьер-министр Д. Ллойд Джордж предложил Бриану заключить пакт, который на десять лет гарантировал бы Франции военную помощь со стороны Англии на случай неспровоцированного нападения Германии⁷. Однако согласие А. Бриана на созыв международной конференции с участием России и Германии стоило ему поста премьер-министра. Оппозиция внешнеполитическому курсу А. Бриана стала проявлять

активность уже с осени 1921 г. «Скрытую и осторожную борьбу» против премьер-министра и соратника по «национальному блоку» стал вести экс-президент Р. Пуанкаре, как вспоминал очевидец этих политических баталий Ж. Кайзер⁸. После Каннской конференции Р. Пуанкаре стал действовать открыто. В «Revue des deux Mondes» он опубликовал разгромную статью, в которой критиковал позицию Бриана на конференции⁹. Затем Р. Пуанкаре созвал руководимую им сенатскую комиссию по иностранной политике, которая приняла резолюцию, означавшую выражение недоверия правительству¹⁰. Выступление А. Бриана в палате депутатов с отчетом о Каннской конференции окончилось вотумом недоверия кабинету министров. А. Бриан ушел в отставку.

Было ясно, что пост премьер-министра должен занять авторитетный политический деятель, способный заставить Советскую Россию выплатить царские долги, а Германию — репарации. Кандидатуру лучше, чем Р. Пуанкаре, трудно было найти. Он вновь был нужен своей стране! Став премьер-министром, Р. Пуанкаре почти без изменений оставил правительство своего предшественника. 19 января 1922 г. он выступил в палате депутатов с правительственной декларацией, в которой грозил Англии «сохранить за собой свободу действий, если не будут удовлетворены французские претензии к Германии, признанные Версальской конференцией»¹¹. Он намерен был применять тактику давления и против Советской России. 20 февраля 1922 г. под патронажем Р. Пуанкаре в Париже состоялся международный съезд российских кредиторов, который убеждал правительства стран Антанты требовать от России выплаты всех дореволюционных долгов. Заручившись поддержкой международных банков и монополий, 23 февраля 1922 г. на встрече с английским премьер-министром Д. Ллойд Джорджем в Булони Р. Пуанкаре категорически требовал поддержки Англии в вопросе о возврате всей национализированной в России собственности и изъятия репарационного вопроса из программы работы Генуэзской конференции¹². Премьер-министр Англии вынужден был согласиться с этим требованием. Однако политика давления на Россию и Германию привела к поражению французской дипломатии. 16 апреля 1922 г. в пригороде Генуи Рапалло представители Германии и России подписали договор, согласно которому обе страны взаимно отказывались от возмещения военных расходов и военных убытков, возобновляли дипломатические и консульские отношения и соглашались применять принцип наибольшего благоприятствования в торговых и хозяйственных отношениях.

Премьер-министр Франции расценил Рапальский договор как вызов, по его предложению 21 апреля правительство высказалось за оказание давления на немцев путем оккупации Рурской области. Спустя несколько дней Р. Пуанкаре дал интервью корреспонденту газеты «Ган», в котором он по сути предъявил Германии ультимативное требование выплатить репарационный взнос до 1 июня¹³. В палате депутатов Р. Пуанкаре заявил даже о том, что Франция пойдет на единоличное применение санкций, если союзники ее не поддержат¹⁴. Когда немцы в ответ на ультиматум 12 июля 1922 г. сообщили, что не могут продолжать выплату репараций и поставили вопрос о предоставлении им моратория До конца 1924 г., Франция категорически высказалась против моратория. Но и совершенно не учитывать позиции Англии Р. Пуанкаре тоже не мог. Поэтому он заявил, что если Франция получит эффективные гарантии в виде «продуктивных залогов», то она согласится на мораторий. Программу «продуктивных залогов» Р. Пуанкаре изложил в августе 1922 г. на конференции бывших союзников, созванной для рассмотрения просьбы Германии. Суть программы «продуктивных залогов» состояла в том, чтобы государственные шахты Рурского бассейна и общинные леса Рейнской области были переданы во владение союзникам. Доходы от них должны были идти на покрытие репарационных взносов, т. е. денежные взносы могли быть заменены натуральными поступлениями — углем и лесом, которые можно было использовать для восстановления разрушенных войной департаментов Франции¹⁵.

Настойчивое стремление Р. Пуанкаре направить французские войска в Рур сопровождалось провокационной политикой промышленных кругов Германии, сторонников «политики катастроф», которые полагали, что отказом от выплаты репараций, сознательным обострением обстановки можно скорее добиться ревизии послевоенного мира. Противоречия между Францией и Англией только подогревали намерение Стиннеса, Тиссена, Феглера и других промышленников Германии

перейти к прямому саботажу репарационных обязательств. Правительство Р. Пуанкаре, со своей стороны, продолжая настаивать на «продуктивных залогах», готовилось к оккупации Рура. Предприняв некоторые дипломатические шаги, правительства Франции и солидарной с ней Бельгии предупредили германское правительство о том, что они намерены принять меры в связи с невыполнением Германией поставок угля и леса. 11 января 1923 г. французские и бельгийские войска вошли в Рур.

Стремление Р. Пуанкаре любой ценой, в том числе и оккупацией Рура, заставить Германию платить репарации имело и глубокий внутривластный подтекст. Франция жила под лозунгом «Боши за все заплатят!» С учетом репараций строилась специальная расходная часть государственного бюджета. С немецкими выплатами Р. Пуанкаре и правительство связывали оздоровление финансовой системы, выплату компенсаций за военный ущерб, а также вознаграждения участникам войны и семьям погибших, пенсионное обеспечение, пособия многодетным семьям. Страхование по безработице, инвалидности и болезни также предусматривалось финансировать из германских репарационных взносов.

Однако оккупация Рура не принесла ни славы, ни успеха французскому оружию. Она обернулась огромными финансовыми потерями, так как «пассивное сопротивление», к которому призвало германское правительство население Рура, вынудило Францию ввозить в Рур рабочую силу для организации добычи угля. Кроме того, эта акция привела к утрате Францией ведущего положения в репарационной комиссии и пересмотру всей репарационной проблемы, она осложнила внешнеполитические позиции Франции. А забастовочное движение, в том числе и совместные забастовки немецких и французских рабочих, осложнили внутривластный климат в стране. Ухудшилось и финансовое положение.

Р. Пуанкаре предпринял попытки стабилизировать французскую экономику рядом внутривластных и финансовых мероприятий. Как отмечал Ж. Боннфу, финансовый кризис заставил премьер-министра прибегнуть к «налоговой инквизиции»¹⁶. В результате введения налога на заработную плату, торговый оборот, сельхозприбыль и повышения налогов на импортные товары Р. Пуанкаре смог существенно увеличить поступления в государственную казну. Для скорейшего восстановления экономики Р. Пуанкаре пошел на приостановление действия закона о восьмичасовом рабочем дне в торговом флоте и на железнодорожном транспорте. Однако эти непопулярные меры вызвали в стране цепь крупных забастовок. Будучи противником государственного регулирования в экономике, Р. Пуанкаре продолжил политику своих предшественников на посту премьер-министра А. Мильерана, Ж. Лейга и А. Бриана по свертыванию государственных механизмов контроля и регламентации производства, разработанных и введенных в годы войны. Он осуществил реприватизацию торгового флота и железных дорог, снял контроль над деятельностью нефтяных компаний. Но элементы государственного монополистического регулирования были сохранены. Они проявлялись не путем открытого вмешательства государства в хозяйственную сферу, а через кредитование мощных предпринимательских союзов и фирм.

К началу 1924 г. стало ясно, что шаги, предпринятые правительством Р. Пуанкаре для упрочения как позиций Франции на международной арене, так и внутривластного положения, ожидаемых результатов не дали. Последней попыткой Р. Пуанкаре выровнять финансовую ситуацию в стране и залатать бюджетные дыры был выпуск облигаций национального кредита. Но вместо ожидаемых 5 млрд. франков удалось распространить облигации лишь на 1,5 млрд. франков.

Внешняя политика правительства Р. Пуанкаре. Рурская авантюра, неудачи попыток стабилизации экономики привели к росту оппозиции, к распаду «национального блока». На парламентских выборах, состоявшихся 11 мая 1924 г., «национальный блок» потерпел поражение. Победу одержал блок левых партий, Левый картель. Правительство Р. Пуанкаре ушло в отставку.

В 1924-1926 гг. Р. Пуанкаре был лидером парламентской оппозиции. Он активно работал в депутатских комиссиях. Написал очередные тома своих мемуаров. Ждал своего часа.

Как известно, часто менявшиеся кабинеты Левого картеля не смогли справиться с теми финансовыми проблемами, которые до того были обременительными и для правительства Р. Пуанкаре, хотя в значительной степени эти проблемы были спровоцированы именно

правительством Пуанкаре. Финансовый вопрос — состояние государственных финансов, инфляция, налоги, как заметил в своей работе ленинградский историк М. Н. Кузьмин, в середине 1920-х годов стал «осью французской политической жизни»¹⁷. Разрабатываемые правительствами Левого картеля финансовые законопроекты один за другим отвергались парламентом. В койне 1925—первой половине 1926 г. страна оказалась на грани финансового краха. Катастрофическое падение курса франка, биржевая паника, бегство капиталов за границу нанесли последние удары по Картелю левых. Сформированное лидером республиканской партии радикалов и радикал-социалистов Э. Эррио правительство вотума доверия в палате депутатов не получило.

23 июля 1926 г. Р. Пуанкаре сформировал «правительство звезд»; помимо самого Р. Пуанкаре, ранее бывшего главой правительства, в него вошли еще пять бывших премьер-министров — А. Бриан, Л. Барту, Ж. Лейг, П. Пенлеве, Э. Эррио. Состав правительства, включавшего представителей всего спектра политических партий, кроме крайне левых и крайне правых, соответствовал формуле «Национального единения». Р. Пуанкаре кроме поста премьер-министра оставил за собой и портфель министра финансов.

Главной задачей, стоявшей перед 66-летним и уже больным главой правительства «Национального единения», было разрешение финансового кризиса. Свидетельством доверия к правительству Р. Пуанкаре со стороны крупного капитала стало прекращение падения курса франка и его рост: незадолго до создания правительства курс франка упал до рекордно низкого уровня — 250 франков за один фунт стерлингов; на следующий после формирования кабинета Пуанкаре день, то есть 24 июля 1926 г., он повысился до 199, а к концу 1926 г. — до 120 франков за фунт стерлингов¹⁸. Стабилизации франка способствовали и финансовые законы, принятые парламентом в конце июля — начале августа 1926 г. Этими законами предусматривалось повышение прямых и косвенных налогов, сокращение государственных расходов и повышение налогов и цен на ряд товаров и услуг, повышение налога на наследство. Благодаря финансовым мероприятиям правительство «Национального единения» впервые за все послевоенные годы смогло свести бюджет страны на 1926 г. с превышением доходов над расходами¹⁹. Р. Пуанкаре пытался добиться ревалоризации франка, т.е. восстановить его довоенный курс. Однако это ему не удалось. Лишь в июле 1928 г. франк был стабилизирован на уровне одной пятой его довоенного золотого паритета.

Как и в предшествующие периоды пребывания у власти, Р. Пуанкаре уделял большое внимание проблемам внешней политики, среди которых особенно выделялись две — отношения с СССР и отношения с Германией. Что касается отношений с СССР, то здесь наблюдались противоречия с тем, что прокламировалось Р. Пуанкаре раньше. В 1922 г. он высказывался категорически против участия России в международной экономической конференции, пока Россия не признает долги царского и временного правительств и не вернет национализированную собственность иностранцев, в том числе французов. Теперь же, когда при правительствах Левого картеля были восстановлены дипломатические отношения между Францией и СССР и успешно шли переговоры о долгах, полученных Россией во Франции в виде займов, и о долгосрочных кредитах, которые правительство СССР намерено было получить во Франции, в том числе и для частичного погашения прежних долгов, правительство Р. Пуанкаре прервало эти переговоры²⁰.

Правительство Р. Пуанкаре завело Францию в тупик оккупацией Рура. В урегулировании конфликта Р. Пуанкаре не участвовал. Вернувшись к власти в июле 1926 г., он должен был признать новую реальность в отношениях с Германией. А она была такова. В августе 1924 г. на Лондонской конференции Франция согласилась с репарационным планом Дауэса. Согласно этому плану Германии предоставлялся международный заем в 800 млн. золотых марок; общая сумма репараций не фиксировалась, но была выработана схема германских репарационных платежей, учитывающая ожидаемый рост ее экономики; Франция в течение года должна была вывести свои войска из Рурской области. Политический эффект сугубо экономической Лондонской конференции 1924 г. состоял в том, что Германия вышла из состояния послевоенной международной изоляции, ее участие в Лондонской конференции стало фактическим признанием в ней равноправного партнера.

Кроме того, 10 января 1925 г. на основании ст. 280 Версальского мирного договора Германия восстановила свой коммерческий суверенитет и свободу таможенной политики, что также укрепляло ее экономические позиции²¹.

И, наконец, в октябре 1925 г. на Локарнской конференции Франция, как казалось, окончательно решила важную, беспокоившую ее с момента окончания победоносной войны проблему национальной безопасности. На основании Рейнского гарантийного пакта, принятого в Локарно, Германия признавала *status quo* на Рейне, определенное Версальским договором, включая отказ от Эльзаса и Лотарингии; Англия и Италия стали гарантами франко-германской границы; Германия обязалась вступить в Лигу наций, где ей было обещано место постоянного члена в Совете этой международной организации. Один из творцов Локарнских соглашений, сторонник политики сближения с Германией премьер-министр и министр иностранных дел Франции А. Бриан, при обсуждении Локарнских соглашений в палате депутатов говорил, что Рейнский гарантийный пакт «создает прочную базу политики всеобщего мира» и дает Франции «все желаемые гарантии безопасности»²². Часть французских политических деятелей и общественного мнения страны поверили в иллюзию устранения угрозы войны-реванша со стороны Германии. Иначе видел перспективу министр иностранных дел Веймарской республики Германии Г. Штресман, подписавший Локарнские соглашения. 14 декабря 1925 г., выступая в Берлине перед представителями реваншистской организации, собравшей немцев из утраченных в результате поражения Германии в войне областей, Г. Штресман говорил, что обязательство Германии по Рейнскому пакту «отказаться от всякого наступления на Западе» означает только отсрочку реваншистских планов, что Локарно нельзя рассматривать как вечное установление границ на Западе²³.

Вот с такими реалиями и иллюзиями предстояло освоиться Р. Пуанкаре после возвращения к власти. Ему еще предстояло быть свидетелем больших событий во внешней политике Франции.

8 сентября 1926 г. VII сессия Ассамблеи Лиги наций вотировала прием Германии в Лигу наций. 10 сентября, в двенадцатую годовщину битвы на Марне, немецкая делегация впервые приняла участие в заседаниях Ассамблеи Лиги наций. Во Франции неоднозначно отнеслись к этому факту. Все политические партии, входившие в «национальное единение», поддержали внешнеполитический курс А. Бриана и оценили вступление Германии в Лигу наций как важный этап к установлению окончательного «умиротворения» в Европе. Пресса крайне правых националистических кругов воспринимала в целом недоверчиво политику примирения с Германией. Л. Доде писал, что «триумфальное вступление Германии в Женеву подготовит неизбежное и ближайшее пробуждение германского милитаризма»²⁴. Реакция Р. Пуанкаре, занятого решением финансовых проблем, была довольно сдержанной. Но событие, которое произошло тогда же, в сентябре 1926 г. в Женеве, взбудоражило премьера и вновь столкнуло его с А. Брианом.

Локарнская конференция и вступление Германии в Лигу наций осложнили весь комплекс проблем во франко-германских отношениях вопрос о репарациях, об оккупированных территориях (об их эвакуации или сокращении численности оккупационных войск), вопрос о разоружении Германии и о контроле над германскими вооружениями и т.д. В своем стремлении ревизовать Версальский договор, регламентировавший все эти вопросы, Германия использовала противоречия между Францией, требовавшей соблюдения договора, и Англией, которая проявляла все большую незаинтересованность в нем и поддерживала Германию. Опиралась Германия и на поддержку США, вкладывавших значительные средства в германскую экономику. Франция в решении всех проблем была одна на своей стороне. Слабая поддержка Бельгии мало что значила. Попытка рассмотреть эти проблемы и найти приемлемые для обеих стран решения была предпринята в сентябре 1926 г. во время беседы двух министров иностранных дел, А. Бриана и Г. Штресмана, так взволновавшей премьер-министра Франции Р. Пуанкаре.

Инициатива встречи принадлежала немецкому министру Г. Штресману, который понимал, что, как бы ни была велика поддержка Англии, все же главным препятствием к ревизии Версальского договора является Франция и нужно с ней договариваться. Предложение встретиться он высказал во время Локарнской конференции. Программа переговоров

определилась в ходе бесед Штреземана с французскими дипломатами в январе-августе 1926 г. В марте, когда Франция билась в тисках финансового кризиса, А. Бриан обратился к немецкому министру с просьбой о мобилизации промышленных облигаций по плану Дауэса и о досрочном выкупе Саара²⁵. К тому же предстояла ратификация соглашения о военных долгах Англии и США. В июле Ж. Кайо, министр финансов в правительстве А. Бриана, в разговоре с американским банкиром Эберстадом говорил так: «Если бы Германия взяла на себя долги, о которых мы заключили соглашение с нашими "дорогими" союзниками, я был бы очень доволен»²⁶. Для Штреземана вырисовывалась перспектива поставить финансовую помощь Франции в зависимость от уступок в политической области. Программа переговоров, таким образом, предусматривала обсуждение вопросов о мобилизации репарационного долга, о сокращении численности оккупационных войск в Рейнской области (или прекращении оккупации – таков был немецкий вариант решения), об устранении Германией нарушений в области разоружения (или устранении военного контроля) и некоторых других вопросов.

Встреча один на один двух министров иностранных дел, А. Бриана и Г. Штреземана, состоялась 17 сентября 1926 г. в небольшом городке вблизи франко-швейцарской границы Туари²⁷. Оба высказались за поиск общего урегулирования проблем франко-германских отношений. Штреземан поставил вопрос об окончательном определении суммы германского долга по плану Дауэса и полной его мобилизации, а в качестве условия последнего он поставил вопрос о возможно скором прекращении оккупации Рейнской области, назвав срок, — 30 сентября 1927 г. Возможную финансовую помощь Франции от мобилизации облигаций по плану Дауэса и выкупа Саарских рудников Штреземан определил суммой в 1 млрд. золотых марок²⁸.

А. Бриан, однако, настаивал на том, что переговоры по финансовым проблемам и относительно общего урегулирования могут начаться только после решения проблемы безопасности, т. е. разоружения Германии, и на том, что прекращение военного контроля в Германии зависит от выполнения немецкими властями положений о разоружении. Он отметил также, что особенно беспокоит Францию вопрос о многочисленных патриотических союзах и рейхсвере²⁹. Когда Штреземан заговорил о сокращении численности оккупационных войск в Рейнской области и возможной общей эвакуации войск к 30 сентября 1927 г., А. Бриан сообщил лишь о решении союзников об очередном сокращении численности оккупационных войск. Вопрос об их полном выводе остался без ответа³⁰. Это состояние, когда Бриан не сказал ни «да», ни решительного «нет», французский историк Э. Бо де Ломени назвал «полуобязательствами», которые Штреземан в дальнейшем в публичных и непубличных речах будет широко эксплуатировать, добываясь их осуществления³¹.

Из других вопросов франко-германских отношений, обсуждавшихся в Туари, отметим еще один. Г. Штреземана волновало возвращение к власти противника франко-германского сближения Р. Пуанкаре. Как долго он продержится у власти? Насколько прочно его правительство? «Принимая участие в стабилизации франка,—говорил он, я не хотел бы стабилизировать Пуанкаре». Не питавший особой симпатии к своему премьеру А. Бриан успокаивал немецкого министра: «Никто ведь и не подумает, что вы делаете уступки из любви к Пуанкаре. Впрочем, это забавная шутка в мировой истории, что вступление Германии в Лигу наций и франко-немецкое соглашение осуществляются как раз в тот момент, когда этот человек является премьер-министром»³².

Первое же сообщение о встрече министров в Туари наедине вызвало тревогу в правых политических кругах Парижа. Нетерпение проявлял и премьер-министр Р. Пуанкаре. «Он вызывает Бриана к телефону по несколько раз в день», писала в своих воспоминаниях Ж. Табуи. Премьер говорил Бриану: «Завтрак в Туари произвел плохое впечатление в правительственных и парламентских кругах Франции— Больше всего опасаются, чтобы вы не пошли на новые уступки Германии»³³. А. Бриан из Женевы поспешил вернуться в Париж. 18 сентября он беседовал с прессой. 20 сентября он отчитывался на заседании правительства, которое проходило под председательством президента Г. Думерга. В то время как пресса неистовствовала, сравнивая политику Бриана с «прыжком в неизвестность»³⁴, высказываясь pro et contra политики франко-германского сближения, официальное сообщение агентства Гавас о заседании правительства было

максимально сдержанным и не раскрывало сути обсуждавшихся вопросов- В нем говорилось, что Бриан довел до сведения правительства о ходе беседы с Штреземаном, что правительство единодушно признало, что переговоры представляют интерес и их полезно продолжить, что на следующем заседании министры приступят к рассмотрению технических проблем, которые могут возникнуть на переговорах³⁵.

Однако никакого дальнейшего обсуждения вопросов, затронутых в Туари, не последовало. И не только из-за резко отрицательного отношения Р. Пуанкаре к политике примирения с Германией. Нападки прессы на А. Бриана свидетельствовали и о том, что, как писал биограф Бриана Ж. Сюарез, министр должен был убедиться, что «немецкие деньги не заставят французов забыть символ и эффективность рейнской оккупации и военного контроля»³⁶. Убеждался А. Бриан и в том, что даже в финансовых вопросах соглашение оказалось нереальным. Стабилизация французской валюты сделала ненужной финансовую помощь со стороны Германии,

Казалось, что отношение к германскому вопросу вновь развело Р. Пуанкаре и А. Бриана. Однако Туари как эпизод во франко-германских отношениях имел продолжение, когда логика развития международных отношений заставила Францию высказаться в пользу радикального разрешения ряда проблем франко-германских отношений, и А. Бриан, и Р. Пуанкаре оказались по одну сторону баррикад, А логика развития событий, которая заставила Р Пуанкаре пересмотреть свои прежние взгляды, была такой: в январе 1927 г. по решению союзников из Германии была отозвана Международная комиссия военного контроля, которая хоть в какой-то мере мешала немцам вооружаться; Германия все настойчивее ставила вопрос о досрочном освобождении Рейнской области от оккупационных войск; она ставила вопрос об окончательном определении суммы репарационного долга и ставила вопрос о ревизии плана, Дауэса; уже поднимался немцами и вопрос: о равенстве в вооружениях Германии и ее бывших противников; и, наконец, Англия и США требовали уплаты военных долгов.

Идея связать две проблемы — репараций и эвакуации Рейнской области возникла до и во время беседы А. Бриана и Г. Штреземана в Туари. Периодически она проговаривалась в следующие два года после Туари, пока не приобрела в августе 1928 г. вид триады – репарации – эвакуация – военные долги.

26 августа 1928 г. министр иностранных дел Германии Г. Штреземан прибыл в Париж для подписания пакта Бриана – Келлога. Кроме того, в личной беседе с Р. Пуанкаре и А. Брианом он намерен был обсудить вопрос о Рейнской области. Вечером 26-го он был принят А. Брианом на Кэ д'Орсэ, утром 27-го беседовал с Р. Пуанкаре. Бриан, как отмечал Штреземан в своих дневниках, вел беседу вяло, советовал ему поставить вопрос официально перед всеми странами, участвующими в оккупации; на вопрос, что потребуется от Германии за досрочную эвакуацию, ответил весьма туманно: «Нужно что-то сделать и кое-что найдется»³⁷. Более определенно ответил Штреземану Р. Пуанкаре. «Конечно, – говорил премьер-министр Франции, – оккупация не имеет ничего общего ни с Локарно, ни с пактом Келлога, Она скорее является гарантией репараций и, следовательно, этот вопрос может быть урегулирован только одновременно с вопросом о репарациях и долгах. Маловероятно, чтобы проблема оккупации могла бы быть решена отдельно»³⁸.

Казалось невероятным, что этот противник Германии, противник сближения с ней, был заинтересован в досрочном освобождении Рейнской области. Но это был уже Пуанкаре не Рурской авантюры, а политический деятель, совершивший определенную эволюцию в понимании реального соотношения сил. Как изменилась его позиция в отношении к Германии, хорошо видно из его выступления в парламенте в июне 1928 г. «Война давно окончилась, – говорил Р. Пуанкаре. – Мы вышли из нее победителями. После кровавых конфликтов победители должны протянуть руку побежденным, если побежденные готовы честно соблюдать договоры, а победители не хотят увековечить печальную память о вражде»³⁹. Французский историк Э. Вей-Рейнал о причинах поворота Р.Пуанкаре к пацифизму писал так: «В 1928 г. политика премьер-министра, министра финансов и министра иностранных дел объединилась под давлением необходимости»⁴⁰.

Такой «необходимостью» были военные долги. В разговоре с Г. Штреземаном 27 августа Р. Пуанкаре говорил о том, чтобы «при определении окончательной суммы репараций» был

предусмотрен срок ее выплаты, соответствующий сроку выплаты военных долгов Францией США. «Можно было бы, — говорил он, — найти общее решение вопроса о репарациях и межсоюзных долгах»⁴¹. То есть платежи по военным долгам предлагалось поставить в зависимость от репарационных взносов. Германский политический долг, носивший характер контрибуции, превращался в государственный. Чтобы Германия согласилась консолидировать свой долг, Франция могла согласиться на досрочный вывод всех войск из Рейнской области. В сентябре 1928 г. начались переговоры по всему комплексу вопросов. Они завершились в августе 1929 г., уже после отставки Р. Пуанкаре.

Между тем эпоха Р. Пуанкаре подходила к концу. На парламентских выборах 1928 г. партийная группировка Р. Пуанкаре — «республиканско-демократический альянс» уверенно победила. Премьер-министр мог быть спокоен за успешное продолжение своего политического курса. Но болезнь и годы брали свое. В июне 1929 г., после очередного приступа болезни, Р. Пуанкаре подал в отставку.

В отличие от своего старого соперника Ж. Клемансо, Р. Пуанкаре уходил из большой политики на волне популярности и всеобщего почитания. Франк стабилизировался, в обществе ослабла социальная борьба. В парламенте все — от социалистов до правых — были преисполнены к нему уважения, его называли «великим служителем Франции»⁴².

Навсегда покинув отель Матиньон, Р. Пуанкаре поселился в своем парижском доме, где 15 октября 1934 г. скончался от рака. 20 октября Париж простился с великим лотарингцем. На следующий день его тело было предано земле на кладбище в Нубекуре, так как в своем завещании Р. Пуанкаре выразил желание быть похороненным на своей малой родине — в Лотарингии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Биография Раймона Пуанкаре типична для политических деятелей Третьей Французской Республики. Провинциал, выходец из буржуазной семьи среднего достатка, популярный адвокат, он сделал блестящую политическую карьеру благодаря своим талантам, трудолюбию, благодаря тому, что смог полностью слиться с политической системой, а также определенному стечению обстоятельств. Получив прекрасное образование сначала дома и в коллеже Святого Людовика, а затем в Сорбонне и Институте права, Р. Пуанкаре медленно и упорно продвигался по карьерной лестнице. Его первой государственной должностью был пост муниципального советника в его родном городе Бар ле Дюке. Затем он стал помощником министра, членом палаты депутатов, министром, сенатором, премьер-министром. Он явно или тайно, активно или косвенно принимал участие во всех политических битвах конца XIX—начала XX в. Буланжистский кризис, панамский скандал, дело Дрейфуса, борьба с клерикалами — события, свидетелем и участником которых был Р. Пуанкаре. Во всех политических кризисах Р. Пуанкаре оказывался, в конечном счете, в рядах победителей.

Р. Пуанкаре вошел в большую политику в 1887 г., покинул ее в 1929 г., практически не изменив своим политическим пристрастиям. Всегда занимая место в центре палаты депутатов, он до конца карьеры оставался умеренным республиканцем. Ему всегда был чужд и левый, и правый радикализм. Он считал и не раз доказывал, что политический строй Третьей республики жизнеспособен и может привести Францию к могуществу и величию. Р. Пуанкаре был убежден, что этого можно достичь путем единения всех здоровых сил государства и парламента в многопартийной правящей коалиции. И он неоднократно успешно реализовывал эту идею, занимая те или иные государственные посты — министра культуры и министра финансов, премьер-министра и президента республики.

Его воспитание, образование, известность, популярность и политические взгляды позволили ему в канун Первой мировой войны стать приемлемой фигурой сначала в качестве кандидата на пост президента республики, затем выиграть эти выборы и стать одиннадцатым президентом Третьей Французской Республики.

Р. Пуанкаре не был типичным президентом времен Третьей республики. Он был еще довольно молодым, но уже авторитетным политиком. Когда он решил поменять реальную власть премьер-министра на призрачную власть президента республики, многие не без основания полагали, что

рычаги управления страной из отеля Матиньон, резиденции премьер-министра, перейдут в Елисейский дворец, резиденцию президента республики. Их ожидания оправдались, но лишь отчасти. В отличие от своих предшественников на президентском посту, мирившихся с теми ограничениями, которые парламентарии вносили в полномочия президента, делая его права эфемерными, Р. Пуанкаре добился расширения своих полномочий, пытаясь вернуть те права и обязанности, которые гарантировались президенту Конституцией 1875 г. Объем власти и активность Р. Пуанкаре за семь лет его пребывания на посту президента были разными и зависели от расстановки политических сил в парламенте и от отношения к нему крупных политических партий и группировок, а также премьер-министра. И даже в апогее его власти, в 1913-1914 гг., т.е. в предвоенный и первые военные годы, его действия были продиктованы не только, а зачастую не столько его убеждениями и желаниями, сколько отражали объективные внутривнутриполитические материальные условия, в которых он действовал.

Единственной сферой, в которой Р. Пуанкаре был последовательно активным, была внешняя политика. Но это зависело не только от его воли: в вопросах внешней политики французская конституция предоставляла президенту большие права. Возможность оказывать влияние на внешнюю политику страны обуславливалась его личным авторитетом, признаваемым многими государственными деятелями других стран и его опытом.

Находясь на посту премьер-министра и президента в 1912-1913 гг. он много сделал для подготовки страны к войне с Германией идеологически, материально, в военном отношении и с точки зрения международной политики. Уроженец Лотарингии, отторгнутой Германией в результате поражения Франции в войне 1870-1871 гг., он мечтал о реванше, о воссоединении с Францией Эльзаса и Лотарингии. Для многих французов он был олицетворением идеи реванша, которая была свойственна различным слоям французского общества. Его патриотические статьи и речи призывали к реваншу. Именно при нем и с его участием был принят ряд законов, способствовавших укреплению армии и флота. И в связи с этим можно считать правомерной оценку Р. Пуанкаре как одного из виновников возникновения Первой мировой войны.

Р. Пуанкаре смог подготовить нацию к войне. А когда она началась, ему удалось объединить нацию для отпора внешнему врагу. «Священное единение» стало единственно верным способом объединить всех французов – от католиков и монархистов до атеистов и сторонников социалистических идей. Безусловная заслуга в этом принадлежала президенту республики. На патриотическом угаре начала войны ему удалось сконцентрировать в своих руках практически всю гражданскую власть. Но с каждым месяцем кровавых бесплодных атак на фронте эта власть, как шагреновая кожа, становилась все меньше и меньше, пока не исчезла в ноябре 1917 г., когда он назначил премьер-министром Ж. Клемансо. И до окончания своего президентского срока Р. Пуанкаре играл лишь роль главного государственного «церемониймейстера».

Последний период его политической деятельности, после окончания срока его президентских полномочий в январе 1920 г., отмечен и всплесками активности, и непродолжительными паузами; актами, заводившими Францию в тупик и в состояние международной изоляции (оккупация Рура); но и возвращением надежды на стабилизацию, и осознанием необходимости учитывать новое соотношение сил на международной арене и необходимости осуществления нового курса в политике по отношению к так нелюбимой им Германии.

Р. Пуанкаре был весьма противоречивой фигурой в политической жизни Франции конца XIX — первой трети XX в. С одной стороны, он был дрейфусаром и пламенным патриотом, много сделавшим для величия Франции, ко с другой – он был весьма консервативным человеком и реваншистом, виновником многих бед, которые пережила страна.

Франция по заслугам оценила деятельность своего верного сына. Он был удостоен всех высших наград Третьей Французской Республики. После его смерти одна из главных парижских магистралей была названа его именем, почти в каждом французском городке есть улица или площадь, названные в его честь. Самый крупный военный госпиталь в Версале и авианосец французского Военно-морского флота носят имя Раймона Пуанкаре.

Раймон Пуанкаре – президент Франции, 1912.

Маршал Фош, 1914.

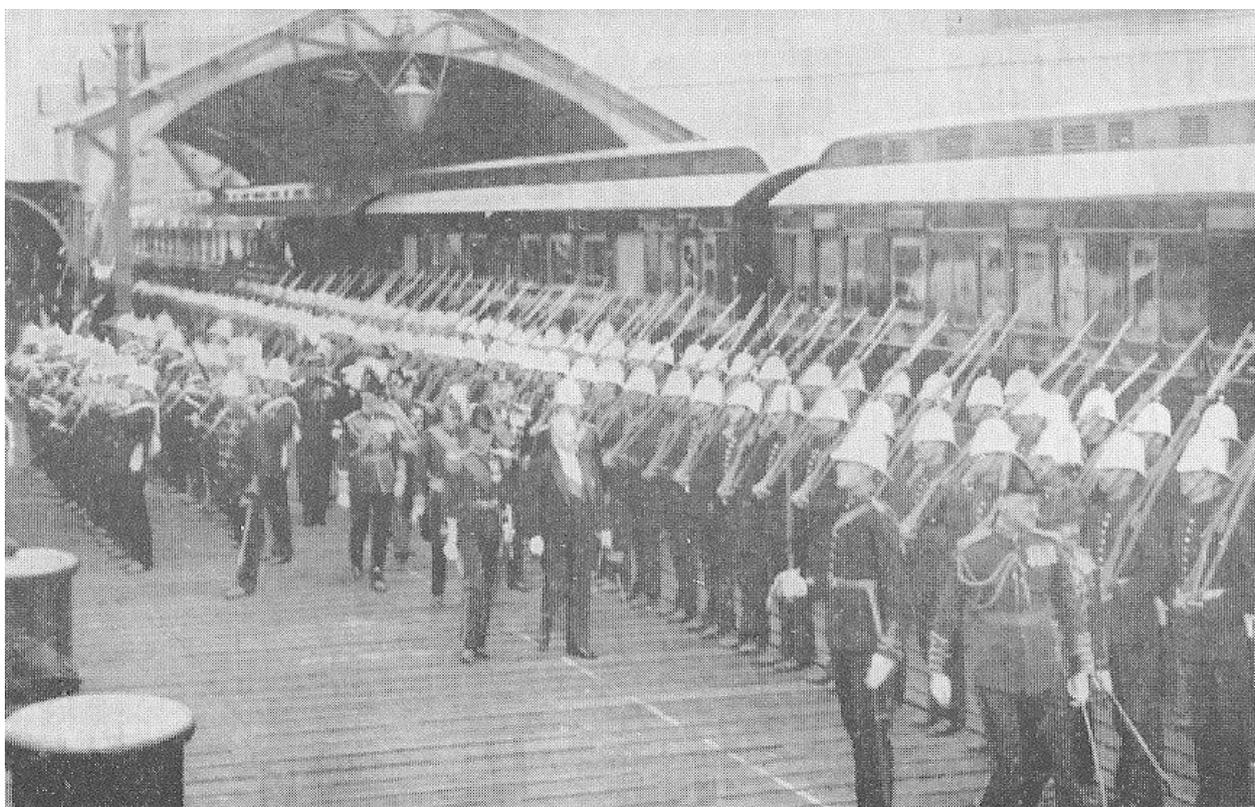
Визит премьер-министра Франции Р. Пуанкаре в Россию в 1912 г. На снимке Р. Пуанкаре и Николай II.

На маневрах в Красном Селе 12 авг. 1912. Слева направо: рус. посол в Париже А.П. Извольский, премьер-министр Франции Р. Пуанкаре, пред. Сов. мин. России В.Н. Коковцев, фр. Посол в Петербурге Ж. Луи.

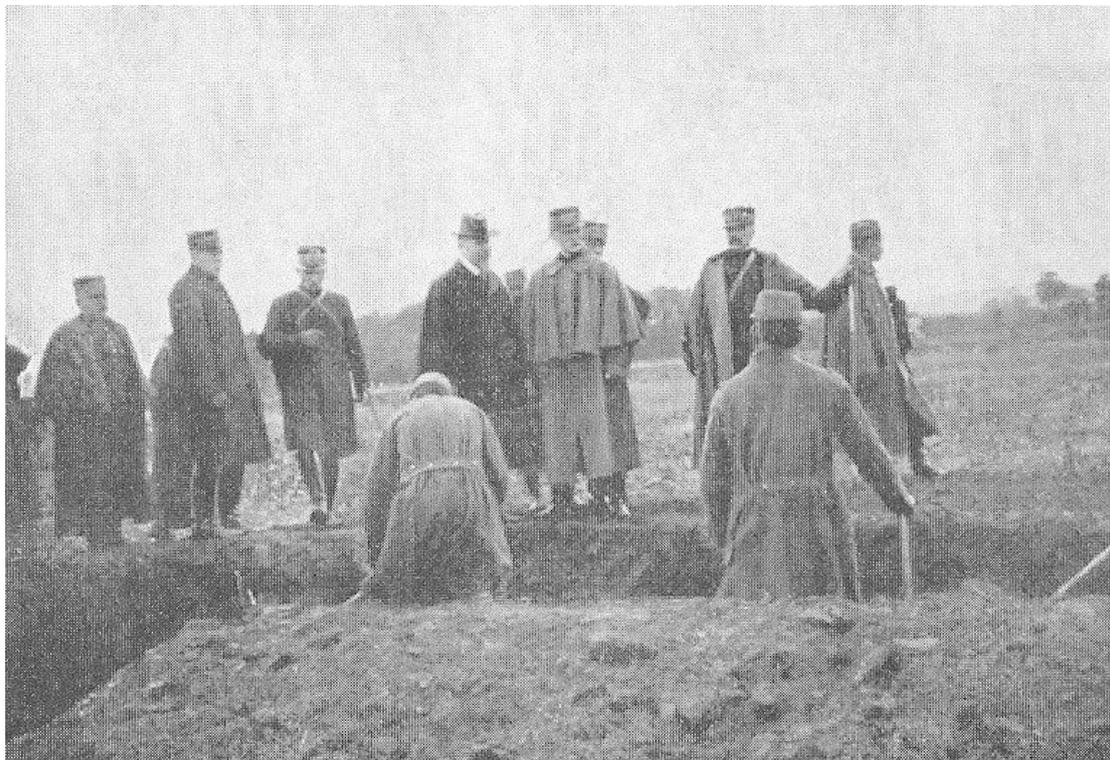
Министр ин. дел России С.Д. Сазонов и премьер-министр Франции Р. Пуанкаре в МИД Франции на кэ д'Орсэ 4.10.1912.

Визит Р. Пуанкаре в Англию. Июнь 1913.

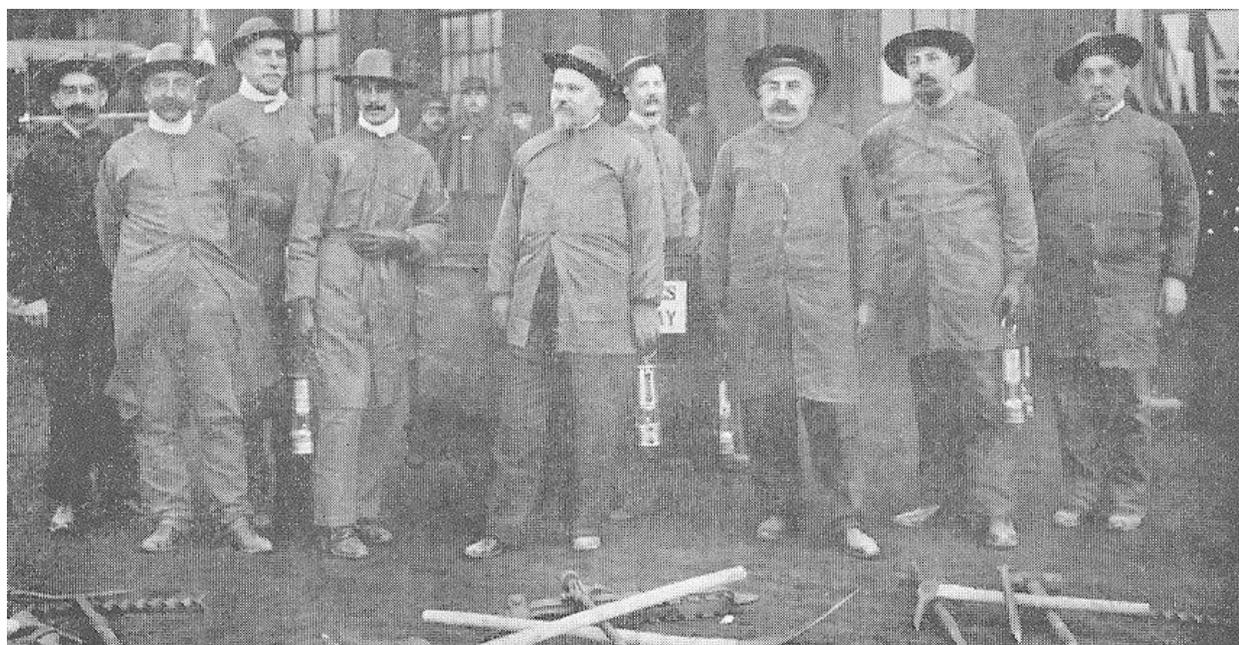
Инаугурация президента Р. Пуанкаре. Слева направо (1 ряд): председатель Сената Дюбо, бывш. президент А. Фальер, Р. Пуанкаре, председатель Палаты Депутатов П. Дешанель. Февраль 1913 г.

Президент Р. Пуанкаре и генерал Галлиени посещают строительство оборонительных сооружений у Парижа. Октябрь 1914.

Король Бельгии Альберт и Р. Пуанкаре в Ла Панне 2.11.1914 г. (снимок сделан королевой Елизаветой)

Посещение рудников Брюэ. 3.11.1914. Слева направо в 1 ряду: комендант Эрбийтон, генерал Дюпарж, капитан Думейру, пр-т Р. Пуанкаре, воен. министр А. Мильеран

Р. Пуанкаре вручает военную медаль генералу Жоффру. 26.11.1914

«Отцы победы» — маршалы Жоффр и Фош.

Встреча английского короля Георга V с Р. Пуанкаре и генералом Жоффром в Мервилле. 1.12.1914

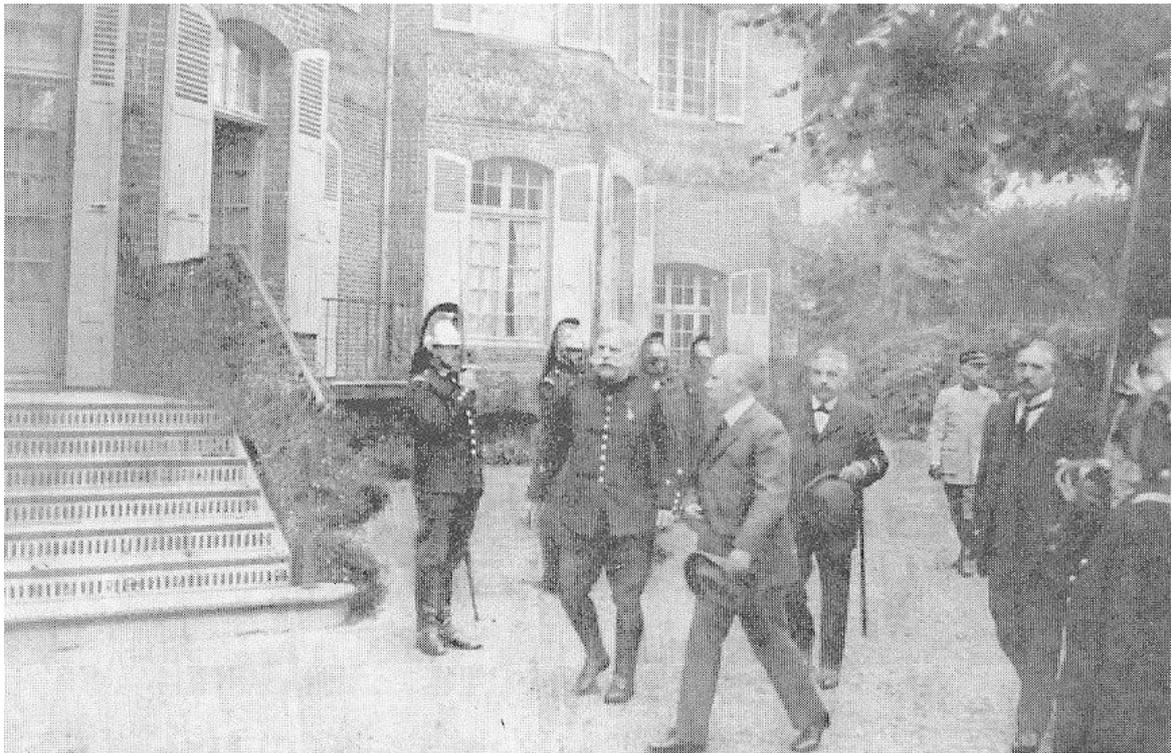
Президент республики в Ставке у генерала Фоша в Касселе. 11.01.1915

Перенесение праха автора «Марсельезы» Руже де Лилля в Пантеон. 13.02.1915 Слева направо:
(верхний снимок) пред. Сенат Дюбо, президент республики Р. Пуанкаре, предс. Палаты депутатов
П. Дешанель

Р. Пуанкаре и воен. министр Мильеран на фронте в Лотарингии. 10.02.1915

Р. Пуанкаре, пред. сов. мин. и воен. министр в Ставке у генерала Жоффра в Шантийи. 23.06.1915

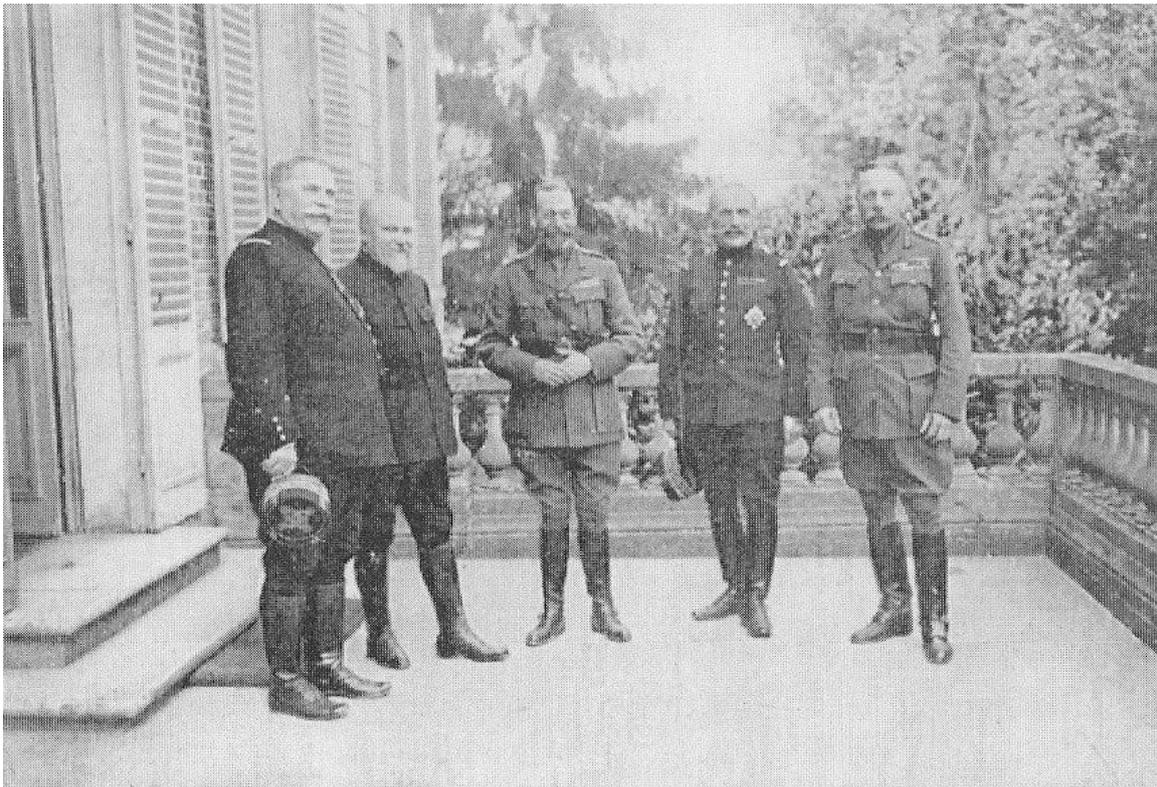
Президент Республики в лотарингской деревне с генералами Жоффром и Дюбаи. 24.08.1915

Вручение боевых наград инвалидам. 17.09.1915

Президент республики в эльзасской деревне Миттлах. 8.08.1915

Президент в англ. Ставке с англ. королем и генералами Жоффром, Фошем и Хейгом. 12.08.1916

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ См., например: Poincaré R. 1) Messages, discours, allocutions et télégrammes de Raymond Poincaré. Paris, 1921; 2) Discours de R. Poincaré, ministre des finances à la séance de la Chambre des Députés le 17 juillet 1894- Paris, 1894; 3) Discours de R. Poincaré à la séance de la Chambre des Députés les 26 novembre et 4 décembre 1894. Paris, 1894; 4) La restauration financière de la France 3 et 4 février 1928 et réforme monétaire à la Chambre des Députés le 21 juin 1928. Paris, 1928; 5) Ce que demande à la Cité. Paris, 1912; 6) Questions et figures politiques. Paris, 1907; 7) Discours de Rouen 9 mars 1902-Paris, 1902 и др.

² Poincaré R. 1) Lettres du président de la République aux armées. Paris, 1919; 2) En l'honneur des membres du Barreau de Paris morts pour la Patrie. Paris, 1919; 3) Discours à Verdun 29 août 1917. Paris, 1919.

³ Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de Souvenirs. Dix volumes. Paris, 1926-1933: 1) Le lendemain d'Agadir, 1912; 2) Les Balkans en feu. 1912; 3) L'Europe sous les armes. 1913; 4) L'Union sacré. 1914; 5) L'invasion. 1914; 6) Les tranchées. 1915; 7) Guerre de siège. 1915; 8) Verdun. 1916; 9) L'année trouble-1917, 10) Victoire et Armistice. 1918. В 1936 г. в нашей стране в русском переводе были изданы тома, охватывающие период Первой мировой войны: Пуанкаре Р. На службе Франции: В 2 т. М., 1936.

⁴ См. Caillaux J. Devant l'histoire: Mes prisons. Paris, 1920; Ribot A. 1) Les lettres à mes amis. Souvenirs de ma vie politique, Paris, 1922; 2) Le journal et correspondances inédites. Paris, 1936; Carnet de G.Louis. Paris, 1921; Палеолог М. 1) Царская Россия во время мировой войны / Пер. с франц. М., 1991; 2) Царская Россия накануне революции / Пер. с франц. М., 1991; Paléologue M. 1) Au quai d'Orsay à la veille de la tourmente. Journal de 1913-1914. Paris, 1947; 2) Comment la service de trois ans fut rétabli en 1913 // Revue des Deux Mondes. 1935. 15 mai; Herbillon P. Du général en chef ou gouvernement. Vol. 1—2. Paris, 1930.

⁵ France. Assemblée nationale. Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Sessions ordinaires et extraordinaires de 1887 ... 1929. Paris. 1887 — 1929; France. Assemblée nationale. Annales du Sénat. Débats parlementaires. Sessions ordinaires et extraordinaires de 1887-1929. Paris, 1887—1929.

⁶ См., например: Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М., 1922; Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов бывшего царского и временного правительств. М., 1931-1940; Ministère des Affaires Etrangères. Documents diplomatiques français. 1871-1914. Paris, 1929-1959; British Document of the war 1898-1914 / Gouch G. P., Tempely H. London, 1929.

⁷ См.: Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции. 1870-1918. М., 1986; История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2-3; Борисов Ю.В. Новейшая история Франции. 1917-1964. М., 1966; История дипломатии: В 4 т. М., 1945. Т. 2 и 3.

⁸ Прицкер Д. П. Жорж Клемансо: Политическая биография. М., 1983.

⁹ Малафеев К. А. Луи Барту — политик и дипломат. М., 1988.

¹⁰ Норинский А. Драма Жозефа Кайо // Новая и новейшая история. 1972.

¹¹ См.: Chastenet J. Histoire de la Troisième République. Vol. 3-6. Paris, 1952; Bonnefous G. Histoire politique de la Troisième République. Vol. 1-2. Paris, 1956.

¹² Kayser G. Action républicaine de m. Poincaré. Paris, 1929. Hanotaux G. Raymond Poincaré. Paris, 1934.

¹⁴ Payen J. Raymond Poincaré: l'homme, le parlementaire, l'avocat. Paris, 1931.

¹⁵ Maisne G. Raymond Poincaré. Paris, 1936.

¹⁶ Chastenet J. Raymond Poincaré. Paris, 1948.

¹⁷ Miguel P. Poincaré. Paris, 1961.

¹⁸ Wright G. R. Poincaré and French presidency. New York, 1942.

¹⁹ См.: Seignobos G. L'évolution de la Troisième République. Paris, 1921; Rebeirioux M. La République radicale? 1898-1914. Paris, 1975; Becker J.-J. Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977; Becker J.-J., Bernstein M. Victoire et frustrations. Paris, 1990.

²⁰ См.: Bredin P. Joseph Caillaux. Paris, 1992; Broche J. Léon Dodet. Le dernier imprécateur. Paris, 1992; Duroselle J.-B. Clemenceau- Paris, 1988.

1. СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

¹ Poincaré R. Au service de la France. Neuf années des Souvenirs. Dix volumes. Paris, 1926. Vol. 8. P. 297-299.

² Miguel P. Poincaré. Paris, 1961. P. 41-42.

³ См. об этом: Hanotaux G. Raymond Poincaré. Paris, 1934. P. 10-30.

⁴ См.: Антюхина-Московченко В. И. Третья республика во Франции. 1870-1918. М., 1986. С. 118; Перрюшо А. Жизнь Сера. М., 1992. С. 14.

⁵ Poincaré R. Op. cit. Vol. V. P. 292.

⁶ Цит. по: Maisne G. Raymond Poincaré. Paris, 1936. P. 12.

⁷ За свою жизнь Р. Пуанкаре дослужился до звания капитана запаса 16-го батальона альпийских стрелков, присвоенного ему за участие в успешных маневрах в Савойе во время военных сборов.

⁸ Discours de réception à l'Académie Française R. Poincaré et E. Lavis. 9 de-septembre 1909. P. 6.

⁹ Цит. по: Freycinet C. Souvenirs. Paris, 1913. Vol. 2. P. 189.

¹⁰ Maisne C. Op. cit. P. 14.

¹¹ Цит. по: Miguel P. Op. cit. P. 76.

¹² Если в 1881 г. в департаменте Мез за республику голосовало около 80% избирателей, то в 1885 г.—только 50%; см.: L'Atlas historique de la France contemporaine dirigé par R. Remond. Paris, 1966. P. 29.

2. ВПЕРВЫЕ В ПАРЛАМЕНТЕ. ВПЕРВЫЕ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

¹ Miguel L. Poincaré. Paris, 1961. P. 115.

² Dodet L. La vie orageuse de Clemenceau. Paris, 1938. P. 139.

³ См., например: Зеваэс Л. История Третьей республики / Пер. с франц. М., 1930. С. 209.

⁴ Цит. по: Прицкер Д. П. Жорж Клемансо: Политическая биография. М., 1983. С. 90.

⁵ Dansette L. Le boulangisme. Paris, 1946. P. 366.

- ⁶ См.: Broche G., Dodet L. La dernière imprécateur. Pans, 1992. P. 142.
- ⁷ Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1890. Vol.2. Parti. Paris, 1891. P.470-475.
- ⁸ Цит. по; Miguel P. Op. cit. P. 125.
- ⁹ Annales de la Chambre des Députés. Débats... Session ordinaire de 1892. Paris, 1892, P. 2001-2004.
- ¹⁰ Ibid.
- ¹¹ За обтекаемость в принятии решений и поведении журналисты назвали Ш. Фрейсине «человеком эллипсов и кривых» (Цит. по: История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 480).
- ¹² См.: Манфред А.З. Образование русско-французского союза. ММ 1975. С. 344-346.
- ¹³ Rébeiroux M. La république radicale? 1898-1914, Paris, 1975. P. 24.
- ¹⁴ Зеваэс А Указ. соч. С. 200.
- ¹⁵ Цит. по: Mayeur J.-M. Géographie de la résistance aux inventaires // Annales E. J.C. 1966. Novembre-décembre. P. 211.
- ¹⁶ Poincaré R. Questions et figures politiques. Paris, 1907. P. 98-99.
- ¹⁷ Rébéiroux M. La république radicale? 1898-1914, Paris, 1975. P. 200.
- ¹⁸ Ibid P. 151.
- ¹⁹ Реформа была проведена лишь в 1896 г. при правительстве Л. Буржуа.
- ²⁰ Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1893. Paris, 1894. P. 120-122.
- ²¹ Рубинский Ю. И. Политические партии и государство во Франции в эпоху Третьей республики. М-, 1969. С. 44.
- ²² Цит. по: Chasténet J. Histoire de la Troisième république. Paris, 1952. P. 78-79.
- ²³ Maisne GL Raymond Poincaré. Paris, 1936. P. 4.
- ²⁴ Broche L. Léon Dodet. Le dernier imprécateur. Paris, 1992- P. 142.
- ²⁵ Chasténet J. Op. cit. P. 93.
- ²⁶ Broche L. Op. cit. P. 155-156.
- ²⁷ Brédin J.-P. Joseph Caillaux. Paris, 1980- P. 38.
- ²⁸ Payen J. Raymond Poîncaré l'homme, le parlementaire, l'avocat. Paris, 1936. P. 251.
- ²⁹ Annales de la Chambre des Députés. Débats... Session ordinaire de 1898. Vol. 2. Paris, 1899. P. 247-249.
- ³⁰ Цит. по: Wright G- R. Poîncaré and the Prench presidency. New York, 1942. P. 21.
- ³¹ Цит. по: Зеваэс А. Указ соч. С. 150.
- ³² Цит. по: Bredin A. Op. cit. P. 108-109.
- ³³ Mayer J.-M. Op. cit. P. 267.
- ³⁴ См.: Rébéirouz M. Op. cit. P. 53-54.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Цит. по: Broche L, Op. cit. Paris, 194.
- ³⁷ Цит. по: Rébéiriovx M. Op. cit. P. 54.
- ³⁸ Poîncaré R. Questions et figures politique. Paris, 1907, Paris, 197.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Miguel P. Op. cit. Paris, 193.
- ⁴¹ См.: Maisne G. Op. cit. P. 44.
- ⁴² Mourre M. Dictionnaire encyclopédique d'Histoire- Paris, 1990. P. 3701.
- ⁴³ См.: Maisne G. Op. cit. P. 45.
- ⁴⁴ Цит. по: Miguel P. Op. cit. P. 102.
- ⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т, 15. М., 1972. С. 166.
- ⁴⁶ Фей С. Происхождение мировой войны / Пер. с англ. М-, 1934. Т.1. С. 141.
- ⁴⁷ Пуанкаре Р. На службе Франции: В 2 т. /Пер. с франц. М., 1936. Т.1. CVII.
- ⁴⁸ См.: Miquel P. Op. cit. P. 204.
- ⁴⁹ См.: Vonnefous G. Histoire politique de la Troisième République.Vol. 5. P. 44-45.
- ⁵⁰ Miquel P. Op. cit. P. 205. – Эта версия подтверждается дальнейшим ходом событий: следующим министром финансов стал Ж. Кайо, который провел эти законы.

⁵¹ Цит. по: Луи Ж- Записки посла / Пер. с франц. М., 1925. С. 15.

⁵² Ле Гофф М. Анатолий Франс в годы 1914-1924. Л., 1925. С104.

3. ПРЕМЬЕР-МИНИСТР

¹ Seignobos G. L'évolution de la III République, Paris 1921. P. 176.

² Цит. по: Le Temps. 1911. 8 août. P. 2.

³ Le Temps. 1911. 23 août. P.1.

⁴ Ibid.

⁵ См.: Duroselle J.-В. Clemenceau. Paris, 1988. P.568.

⁶ Немецкое общественное мнение с негодованием встретило соглашение: «Франция дала нам (немцам. — Н.Е., СБ.) 10 миллиардов мух цеце» - цит. по: Bredin J.P. Joseph Caillaux. Paris, 1980. P. 101.

⁷ Цит по: Wright G. Я. Poincaré and French presidency. New York, 1942. P. 31.

⁸ В правительство не вошел ни один социалист, но работе нового кабинета социалисты не противились.

⁹ Цит. по: Bonnefoiis G. Histoire politique de la Troisième République. Vol. 1-2. Paris, 1956. Vol I P. 272.

¹⁰ Annales de la Chambre des Députés, Débats... de 1912. Vol. 1. P. 22-23,

¹¹ Ibid. P. 31.

¹² Chevallier C.-G., Conak G. Histoire des institutions des régimes politiques de la France de 1789 à nos jours. Paris, 1991. P. 427-428.

¹³ Так, Жан Жорес в 1898 г. потерял место в парламенте, а Жюль Гед был депутатом лишь один раз.

¹⁴ См.: Деша российского посла в Париже А. П. Извольского министру иностранных дел С. Д. Сазонову от 12 апреля 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. М., 1922. С. 188.

¹⁵ Цит. по: Revue de Paris. 1910. 15 avril. P. 2.

¹⁶ А.П. Извольский за первые шесть месяцев 1912 г. отправил в Петербург пять отчетов о перипетиях борьбы за пропорциональное представительство.

¹⁷ Деша А.П. Извольского С.Д.Сазонову от 24 мая 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 208.

¹⁸ Annales de la Chambre des Députés. Débats... de 1912. Vol. 1. P. 403.

¹⁹ Цит. по: Письмо А.П. Извольского С.Д. Сазонову от 5 декабря 1912 г. // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 309.

²⁰ Цит. по: Доклад министра иностранных дел России С. Д. Сазонова Николаю II от 4 августа 1912 г. // Там же. С. 256.

²¹ Цит. по: Секретная телеграмма А.П. Извольского С.Д.Сазонову от 15 января 1912 г. // Там же. С. 145.

²² Доклад министра иностранных дел С. Д. Сазонова его Императорскому Величеству от 4 августа 1912 г. // Там же. С. 261.

²³ Цит. по: История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 2. С. 558-559.

²⁴ Цит. по: Материалы по истории франко-русских отношений. С. 256.

²⁵ Письмо А.П. Извольского С.Д.Сазонову от 18 декабря 1912 г. // Там же. С. 311.

²⁶ См.: Ministère des Affaires Etrangères. Documents Diplomatiques français. 1871-1914. Paris, 1929 (далее DDF) Vol. 4. P. 333; Vol. 5. P. 86; Vol. 4. P. 632.

²⁷ См.; DDF. Vol. 2. P. 251-252, 335-336.

²⁸ См.: Ibid. P. 326-327.

²⁹ Annales du Sénat. Débats... de 1912. P. 339.

³⁰ Цит. по: Miguel P, Poïncarê. Paris, 1961. P. 263.

³¹ См.: Bredin J-P. Op. cit. P. 111.

³² Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 408.

³³ Poincaré R. Au service de la France. Vol. 2. Paris, 1926. P. 281-282.

³⁴ Цит. по: Miguel P. Op. cit. P. 274.

³⁵ См.: Зайончковский А.М. Мировая война 1914-1918. М., 1931. Т.1. С. 47.

³⁶ См.: Игнатъев А. А. Указ соч. С. 375.

³⁷ Фей С. Происхождение мировой войны / Пер. с англ. М., 1934. Т. 1. С-225.

4. ПУТЬ НА ОЛИМП

¹ Chevallier J. X., Conac G. Histoire des institutions et des régimes politiques de la France de 1780 a nos jours. Paris, 1991. P. 428.

² Об этом сам Фалльер говорил русскому военному агенту А. А. Игнатъеву; см.: Игнатъев А, А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С.357.

³ Цит. по: Chevallier J.J., Conac G. Op. cit. P. 429.

⁴ См.: М. М. Севастопуло С. Д. Сазонову от 16 января 1913 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. М., 1922. С-319.

⁵ См., например: А. П. Извольский С. Д. Сазонову от 14 марта 1912 г. // Там же. С. 166; Revue de Paris. 1898. 1 avril. P. 644; Poincaré R. Ce que demande à la Cité. Paris, 1912.

⁶ Poincaré R. Au service de la France. Vol.3. Paris, 1926. P. 35-36.

⁷ Цит. по: Le Matin. 1913. 1 janvier. P. 1.

⁸ Bredin P. Joseph Caillaux. Paris, 1980; Writh G.R. Poincaré and French presidency. New York, 1942. P. 32.

⁹ Poincaré R. Op. cit. Vol. 2. P. 72.

¹⁰ См. об этом: Bredin F. Op. cit. P. 113.

¹¹ Le Figaro, 1912. 27 septembre.

¹² См.: Poincaré R. Op. cit. Vol. 3. P.38.

¹³ См. об этом: Writh G. Op. cit. P. 37.

¹⁴ Poincaré R. Op. cit. Vol.3. P.38.

¹⁵ Le Figaro. 1912. 27décembre.

¹⁶ Annales de la Chambre des Députés. Débats... de 1913. Paris, 1914. Vol.2. P. 5.

¹⁷ Annales du Sénat. Débats... de 1913. Paris, 1914. Vol. 1. P. 4.

¹⁸ Le Temps. 1913. 16 Janvier.

¹⁹ Bonnefous G. Histoire de la Troisième République. Vol. 1. Paris, 1956. P.

²⁰ Le Temps. 1913. 17 janvier.

²¹ Bonnefous G. Op. cit. Vol. 1. P. 19-21,

²² Ibid

²³ Broch J. Léon Dodet: Le dernier imprécateur. Paris, 1992. P. 247.

²⁴ Цит. по: Прицкер Д.П. Жорж Клемансо: Политическая биография. М., 1983, С. 180.

²⁵ Le Temps. 1913. 12 janvier.

²⁶ Bonnefous G. Op. cit. Vol. 1. P. 19-21.

²⁷ Ibid.

²⁸ См.: Игнатъев А. А. Указ. соч. С. 370.

5. «УЗНИК ЕЛИСЕЙСКОГО ДВОРЦА»

¹ Bonnefous G. Histoire politique de la Troisième République. Vol. 1—2. Paris, 1956. Vol. 1. P. 19-21.

² См.: Le Temps. 1913. 20, 21, 22 janvier.

³ См.: Письмо А.П. Извольского С.Д.Сазонову от 30 января 1913 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М., 1922. С. 325.

⁴ См.: Секретная телеграмма М. М. Севастопуло С. Д. Сазонову от 20 января 1913 г. // Там же. С. 320-321.

⁵ Письмо А-П. Извольского С. Д. Сазонову от 30 января 1913 г. // Там лее. С. 325-326.

⁶ См.: Miquel P. Poincaré. Paris, 1961. P. 319.

⁷ Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de Souvenirs. Dix volumes. Paris, 1926-1933. Vol. 4. P. 122.

⁸ Цит. по: Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1980. С. 41.

⁹ France. Assemblée nationale. Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire 1913. Paris, 1913. Vol. 1. P. 601-602.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Письмо Р. Пуанкаре Николаю II от 20 марта 1913 г. // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 349-350.

¹² Poincaré R. Op. cit. Vol.3. P.115-118.

¹³ Paléologue M. Au quai d'Orsay à la veille de la tourmente: Journal 1913-1914. Paris, 1947. P. 90-91.

¹⁴ Цит. по: Wright G. R. Poincaré and French presidency. New York, 1942. P. 75.

¹⁵ Poincaré R. Op. cit. Vol.3. P. 159.

¹⁶ См.: Секретная телеграмма А.П. Извольского С.Д.Сазонову от 26 марта 1913 г, // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 354.

¹⁷ Цит. по: Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 401.

¹⁸ Деша А. П. Извольского С. Д. Сазонову от 13 марта 1913 г.: Материалы. С. 343.

¹⁹ Paléologue M. Comment le service de troi ans fut rétabli en 1913 // Revue des Deux Mondes. 1935. 15 mai. P. 93.

²⁰ Цит. по: Paléologue M. Au quai d'Orsay к la veille de la tourmente. P. 318-319.

²¹ Дюкло Ж. Мемуары: В 2 т. / Пер. с франц. М., 1985. Т.1. С. 42.

²² Деша А.П. Извольского С.Д. Сазонову от 13 марта 1913 г. // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 343.

²³ Partis politiques et classes sociales en France. Paris, 1955. P. 64.

²⁴ L'Humanité. 1913. 15 septembre.

²⁵ Цит. по: Writh G. Op. cit. P. 96.

²⁶ Paléologue M. Au quai d'Orsay... P. 322.

²⁷ Цит. по: Ibid.

²⁸ Maisne P. Raymond Poincaré. Paris, 1936. P. 20.

²⁹ Writh G. Op. cit. P. 9a

³⁰ Так характеризовал деятельность Р. Пуанкаре посол России в Париже. См.: Секретная телеграмма А. П. Извольского С, Д. Сазонову от 8 апреля 1913 г. // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 361-360.

³¹ Цит. по: Маршан Р. Убийство Гастона Кальметта и современный политический момент во Франции. СПб., 1914. С. 14.

6. НА ПЕРЕЛОМЕ: 1914 ГОД

¹ France. Assemblée nationale. Annales de la Chambre des Députés, Débats parlementaires. Session ordinaire de 1913, Vol. 2. Paris. 1914. F. 696.

² Ibid. P.708.

³ См. об этом: Paléologue M. Comment le service de troi ans fut rétabli en 1913 // Revue des Deux Mondes. 1935. 15 mai. P. 96.

⁴ См. об этом: Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de Souvenirs. Dix volumes. Paris, 1926-1933. Vol.3. P. 346-347; Vol. 4. P 22-23.

⁵ Ibid. Vol. 4. P 36-37.

⁶ См.: Письмо А.П.Извольского С.Д.Сазонову ох 15 января 1914 г. // Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. Сборник секретных документов. М., 1922. С. 479.

⁷ Poincaré R. Op. cit. Vol. 4. P. 112-113.

⁸ См.: Письмо А. П. Извольского С. Д. Сазонову от 29 алреля 1914 г. // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 502.

⁹ См.; Rayen J. Raymond Poincaré l'homme, le parlementaire, ravocat. Paris, 1931. P. 405.

¹⁰ Renouvin P. Les questions méditerranées de 1904 à 1914. Paris, 1966. P. 37-39.

¹¹ См. об этом: Письмо А. П. Извольского С. Д. Сазонову от 29 апреля 1914 г. // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 602; Miquel P. Poincaré. Paris, 1961. P. 329-330.

¹² См.: Aubert O. Louis Barthou. Paris, 1935. R17.

¹³ См.: Poincaré Я Op. cit. Vol. 4. P. 74.

¹⁴ Le Figaro. 1914. 10 mars.

¹⁵ Норинский А. Драма Жозефа Кайо // Новая и новейшая история. 1975. №1. С. 118.

¹⁶ См., например: Тейлор А, Борьба за господство в Европе- 1848-1918 / Пер. с англ. М, 1958. С.515-516; Carnets de G. Louis. Paris, 1921. Vol.2. P. 145.

¹⁷ Цит. по; Poincaré R. Op. cit. Vol. 8. P. 64-65.

¹⁸ См.: Письмо А. П. Извольского С. Д. Сазонову от 21 мая 1914 г. // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 610; Carnets de G. Louis. Vol. 2. P. 94.

¹⁹ Le Figaro. 1914. 10 avril.

²⁰ Poincaré R. Op. cit. Vol. 4. P. 154.

²¹ Ibid. P. 130-131.

²² Ibid.

²³ Письмо А.П. Извольского С.Д.Сазонову от 3 июня 1914 г. // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 511-512.

²⁴ Цит. по: Луи Ж, Записки посла / Пер. с франц. М., 1925. С. 49.

²⁵ См.: Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / Пер. с франц. М., 1991. С. 22.

²⁶ Там же. С. 20-21.

²⁷ Цит. по: Зеваэс А. Указ соч. С. 290.

²⁸ См.: Annales de la Chambre des Députés. Débats... de 1914. Paris, 1914. Vol. 1. P. 163.

²⁹ L'Humanité. 1914. 13 juillet.

³⁰ См.: Poincaré R. Op. cit. Vol. 4- P. 120, 125.

³¹ Письмо А.П. Извольского С.Д.Сазонову [б.д.] // Материалы по истории франко-русских отношений. С. 481—482.

³² См., например; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991; Poincaré R, Op. cit. Vol. 4 P. 221-285; Diamandy. Ma mission en Russie // Revue des Deux Mondes. 1929. 15 février.

³³ Об этом 22 июля 1914 г. сообщал Э. Грею, министру иностранных дел Англии, посол в Петербурге Дж. Бьюкенен; см.: British Documents on the Origins of the war. 1898-1914. London, 1929. Vol. XI. P. 75.

³⁴ Ibid. P. 76.

³⁵ См. об этом: Палеолог М. Указ. соч. С. 30.

³⁶ Телеграмма С.Д.Сазонова русскому послу в Вене А. М.Кудашеву от 23 июля 1914 г. // Красный архив. М., 1930. Т. 4. С. 45.

³⁷ Поденная запись министерства иностранных дел за 23 июля 1914 г. // Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. Сер. III. Т. V. М.; Л. 1935. С. 47.

³⁸ Цит, по: Фэй С. Происхождение мировой войны: В 2 т. / Пер, с англ. М.; Л. 1934. Т. II. С. 180-181.

³⁹ См.: Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю, М., 1986. С. 422-423.

⁴⁰ Милюков Я. Н. Воспоминания: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 150.

7. ВОЙНА И ПОЛИТИКА

¹ Le Matin. 1914. 30 juillet,

² См.; Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов. М., 1922. С. 520-521.

³ Цит. по: Becker J.-J. Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977. P. 380.

⁴ См. об этом: Térard G. Essais sur Jean Jaurès, Colombes, 1959. P. 103-107

⁵ См.: Антюхина-Московченко В.И. Третья республика во Францию 1870-1918. М., 1985. С. 413.

⁶ Автор романа «Семья Тибо» Р. Мартен дю Гар во втором томе почти по часам описывает события июля 1914 г. Он заметил, что жена Ж. Жореса во время убийства супруга была в отъезде, что главный герой романа, Жак Тибо, 1 августа с удивлением прочел в «Юманите» «трогательное послание г-на Пуанкаре к вдове Жореса: «В час, когда национальное единение необходимо более чем когда бы то ни было, я считаю своим долгом выразить вам...». См.: Мартен дю Гар Р. Семья Тибо. Т. 2 / Пер. с франц. М., 1972. С. 489.

⁷ Цит. по: Becker J.-J. Op. cit. P. 97.

⁸ France. Assemblée nationale. Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire et extraordinaire de 1914. Vol. 103. Pt. 2. Paris 1915. P. 907.

⁹ Пуанкаре Р. На службе Франции. Воспоминания: В 2 т. / Пер. с франц. М., 1936. Т. 1. С. 10-11.

¹⁰ Annales de la Chambre des Députés. Débats... de 1914. Vol. 103. Pt. 2. P. 908.

¹¹ Bonnefous G. Histoire politique de la Troisième République. Vol. 1—2. Paris, 1956-1957. Vol. 2. P. 20.

¹² Chevallier G.-G. j Conac G. Histoire des institutions et de régimes politiques de la France de 1789 à nos jours. Paris, 1991. P. 357.

¹³ Цит. по: Becker J.-J., Bernstein S. Victoire et frustrations. Paris, 1990. P. 27.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ См. об этом: Wright G. R-Poincaré and French presidency. New York, 1942. P. 145.

¹⁶ Ribot A. Le journal et correspondances inédites. Paris, 1936. P. 20.

¹⁷ См. об этом: Becker J.-J., Bernstein S. Victoire et frustrations. Paris, 1990. P. 70.

¹⁸ Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de Souvenirs. Dix volumes. Paris, 1926-1933. Vol. V. P. 8, 74.

¹⁹ Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914-1936 // Пер. с франц. М., 1958. С. 100-

²⁰ Wright G. Op. cit. P. 114.

²¹ Legrand-Girarde E.-E. Un Quart de siècle au service de la France. Carnets (de souvenirs) de 1894 à 1918 (Ouvrage posthume du général Legrand-Girarde). Paris, 1954. P. 505.

²² Miquel P. Poincaré. Paris, 1961. P. 349.

²³ См. об этом: Прицкер Д.П. Жорж Клемансо: Политическая биография. М., 1983. С. 194.

²⁴ Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М.; 1986. С. 463.

²⁵ Пуанкаре Р. Указ. соч. Т. 1. С. 147.

²⁶ Там же. С. 199-200.

²⁷ Там же. С. 162.

²⁸ Там же. С. 143, 151.

²⁹ Там же. С. 101-103.

³⁰ Игнатъев А.Л. Указ. соч. С. 485.

³¹ См. об этом: Carnets de G. Louis. Paris, 1921. Vol. 2. P. 149.

³² Цит. по: Wright G. Op. cit. P. 147.

³³ Messages, discours, allocutions, lettres et télégrammes de Raymond Poincaré. Paris, 1921. P. 111.

³⁴ См.: Пуанкаре Р. Указ. соч. Т.1. С.280-281.

³⁵ См., например: Poincaré R. Op. cit. Vol. 5. P. 527; Vol. 6. P. 31.

³⁶ Ibid. Vol. 6. P. 111.

³⁷ Пуанкаре Р. Указ. соч. С. 315.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 18-19.

⁴⁰ Там же. С. 382-383.

⁴¹ Там же. С. 385.

⁴² Там же. С. 360-361.

⁴³ Там же. С. 379, 384-385.

⁴⁴ Там же. С. 401.

⁴⁵ Пуанкаре Р. Указ. соч. Т. 2. С- 61, 70, 74-75, 85.

⁴⁶ См.: История дипломатии. Т.3. М., 1965. С. 17.

- ⁴⁷ См.: Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны // Пер. с франц. М.; Пг., 1923. С. 169-171.
- ⁴⁸ См.: Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878-1917 гг. Сер. III. Т. VII. Ч.1. М.; Л., 1935. С.392-393.
- ⁴⁹ Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж, 1929. С. 310-312.
- ⁵⁰ Пуанкаре Р. Указ. соч. С. 343-344.
- ⁵¹ Цит. по; Константинополь и проливы. По секретным документам бывшего министерства иностранных дел. М., 1926. Т. 2. С. 105.
- ⁵² Цит. по: Leyret H. «Delcassé parle» // Revue des Deux Mondes, 1937. 15 septembre. P. 349.
- ⁵³ См. об этом: Poincaré R. Op. cit. Vol. 6- P. 300-301.
- ⁵⁴ Ibid. 292, 299-301, 342-344.
- ⁵⁵ См. об этом: Leyret H. Op. cit. P. 375-376.
- ⁵⁶ Poincaré R. Op. cit. Vol. 7. P. 186.
- ⁵⁷ Цит. по: Ibid. P. 204.
- ⁵⁸ См.: L'Homme enchaîné. 1915- 31 octobre.
- ⁵⁹ См.: L'Humanité. 1915. 30 octobre.
- ⁶⁰ Ribot A. Les lettres à mes amis: Souvenirs de ma vie politique. Paris, 1921. P. 128.
- ⁶¹ Poincaré R. Op. cit. Vol. 8. P. 177.
- ⁶² Цит. по: Martin V. Notes de guerre. 10 décembre. Paris, 1917. P. 1-2
- ⁶³ Ribot A. Op. cit. P. 23-24.
- ⁶⁴ Poincaré R. Op. cit. P. 330.
- ⁶⁵ Martin V. Op. cit. P. 1-2.
- ⁶⁶ Poincaré R. Op. cit. Vol. 7. P.350-351.
- ⁶⁷ Пуанкаре Р. Указ. соч. Т. 1. С. 13.
- ⁶⁸ Там же. С. 51-52.
- ⁶⁹ Renouvin P. Les buts de guerre du gouvernement français: 1914—1918 // Revue historique. Vol. 435. 1966. №1. Jaiu-maxs. P. 2.
- ⁷⁰ Цит. по: Ibid. P. 4; Aulard A. La paix future. Paris, 1915.
- ⁷¹ Renouvin P. Op. cit. P. 5.
- ⁷² Renzi W.A. Who composed «Sazonov's Thirteen Points»? A Re-Examination of Russia's war aims of 1914 // American Historical Review. 1983. N 2. P. 348.
- ⁷³ Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и Временного правительств (далее МОЭИ). Сер. III Т. VI-X. 1914-1916 гг. М.; Л. 1935-1937. Т. VI. Ч. 1. С. 248-249, 314- 315; Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / Пер. с франц. М.; Пг., 1923. С. 168-171 и сл.
- ⁷⁴ См. об этом: Benzi W. Л. Op. cit. P. 354-355.
- ⁷⁵ Пуанкаре Р. Указ соч. Т. 1. С 234.
- ⁷⁶ МОЭИ. Т. VI. 4.1. С.327, 394-396.
- ⁷⁷ См. об этом: Ribot A. Lettres... P. 220.
- ⁷⁸ Le Temps. 1916. 15 Juillet.
- ⁷⁹ См. об этом: Miquel P. Op. cit. P. 368.
- ⁸⁰ Ibid.
- ⁸¹ Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 502-503.
- ⁸² См. об этом: Wright G. Op. cit. P. 167.
- ⁸³ Цит. по: Chastenet J. Op. cit. VoLV. P. 278-279.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ Ribot A. Le Journal... P. 50-61.
- ⁸⁶ Цит. по: Ibid.
- ⁸⁷ См.: Poincaré Я. Op. cit. Vol. 9. P. 82.
- ⁸⁸ См. об этом: Эррио Э. Из прошлого: Методу двумя войнами. 1914—1931 / Пер. с франц. М., 1958. С. 105.

- ⁸⁹ Дюран П. Солдатские волнения во французской армии в 1917 / Пер. с франц. // Французский ежегодник. 1978. М., 1980. С. 79.
- ⁹⁰ Цит. по: Poincaré R. Op. cit. Vol. 9. P. 234.
- ⁹¹ Chastenet J. Op. cit. Vol. V. P. 385.
- ⁹² Ibid.
- ⁹³ Цит. по: Miquel P. Op. cit. P. 365.
- ⁹⁴ Подробнее об этом см.: Евдокимова Н.П. Между Востоком и Западом: проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914-1917 гг. Л., 1985. С. 136-156.
- ⁹⁵ Poincaré Я. Op. cit. Vol. 9. P. 357.
- ⁹⁶ Bredin P. Op. cit. P. 183.
- ⁹⁷ Poincaré R. Op. cit. Vol. 10. P. 15-16.
- ⁹⁸ Малафеев К. А. Луи Барту — политик и дипломат. М., 1988. С. 45.
- ⁹⁹ Подробнее об этом см.: Евдокимова Н. П. Указ. соч. С. 23-26 и др.
- ¹⁰⁰ Прицкер Д.П. Жорж Клемансо; Политическая биография. М. 1983. С. 187.
- ¹⁰¹ См. об этом: Duroselle J.-B. Le difficile avènement de Clemenceau // Historiens et Géographes. 1987. Juilles-août, P. 1520.
- ¹⁰² См.: Hanotaux G. Raymond Poincaré. Paris, 1934. P. 67.
- ¹⁰³ Le Figaro. 1917. 2 novembre.
- ¹⁰⁴ Ibid. 12 novembre.
- ¹⁰⁵ Цит. по: Poincaré R. Op. cit. Vol. 9. P. 370.
- ¹⁰⁶ Ibid.
- ¹⁰⁷ См. об этом: Bredin P. Joseph Caillaux. Paris, 1980. P. 172.
- ¹⁰⁸ Ibid P. 351.
- ¹⁰⁹ См.: Poincaré R. Op. cit. Vol. 9. P. 371-372.
- ¹¹⁰ Ibid. Vol. 10. R10, 28, 67-68.
- ¹¹¹ См. об этом: Прицкер Д. П. Указ. соч. С. 209.
- ¹¹² Poincaré R. Op. cit. Vol. 10. P. 202-203.
- ¹¹³ Прицкер Д. П. Указ соч. С. 209.
- ¹¹⁴ Цит. по: Chastenet J. Op. cit. P. 330.
- ¹¹⁵ Ibid.
- ¹¹⁶ Ibid.
- ¹¹⁷ См.: Poincaré R. Op. cit. Vol. 10. P. 18, 67-68.
- ¹¹⁸ См.: Ibid. P. 47, 145, 336.

8. ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ

- ¹ См.: Пуанкаре Р. На службе Франции: В 2 т. М., 1936. Т. 1. С. 38.
- ² Там же. С. 93.
- ³ Там же. С. 38.
- ⁴ См.: Poincaré Au service de la France. Neuf années de Souvenirs. Dix volumes. 1926-1933 Vol. 5. P. 66, 104, 123.
- ⁵ Ibid. P. 45-46.
- ⁶ Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 502.
- ⁷ Poincaré R. Op. cit. Vol. 7. P. 292-293. — Так же вели себя и англичане. 15 октября 1915 г. разгневанный Вивиани доложил президенту, что военный министр Англии Китченер просил Мильерана заменить британские дивизии французскими на франко-германском фронте, чтобы направить снятые дивизии в Египет, где Великобритания, как он утверждал, «боится очутиться в затруднительном положении», см.: Ibid. P. 179.
- ⁸ Пуанкаре Р. Указ соч. Т. 1 С. 359-360; Herbillon J. Du général en chef ou gouvernement. Paris, 1930. Vol. 1. P. 135-136.
- ⁹ Пуанкаре Р. Указ. соч. Т. 2. С. 79.
- ¹⁰ Herbillon J. Op. cit. Vol. 1. P. 164, 181, 187.
- ¹¹ Poincaré R. Op. cit. Vol. 8. P. 143-144.

- ¹² Ibid. R 224-225.
- ¹³ Цит по: Ibid. Vol. 7. P. 151-152.
- ¹⁴ См. об этом: Herbillon J. Op. cit. Vol. 1. P. 88, 90, 129, 144.
- ¹⁵ Цит. по: Poincaré R. Op. cit. Vol. 7. P. 177, 180-181.
- ¹⁶ Цит. по: Ibid. Vol. 8. P. 337.
- ¹⁷ См. об этом: Herbillon J. Op. cit. Vol. 1. P. 341-342, 349-350.
- ¹⁸ См. об этом: Miguel P. Poincaré. Paris, 1961. P. 361.
- ¹⁹ Herbillon J. Op. cit. Vol. 2. P. 46-47.
- ²⁰ Цит. по: Ibid P. 53.
- ²¹ Ribot A. Lettres... P. 189-190.
- ²² См.: Herbillon J. Op. cit. Vol. 2. P. 68-69.
- ²³ См.: Poincaré R. Op. cit. Vol. 9. P. 154.
- ²⁴ Wright G. R. Poincaré and French presidency. New York, 1942. P. 203.
- ²⁵ Ribot A. Op. cit. P. 189.
- ²⁶ Herbillon J. Op. cit. Vol. 2. P. 84; Poincaré R. Op. cit. Vol. 9. P. 135.
- ²⁷ Ibid. P. 84.
- ²⁸ Цит. по: Ibid. P. 1. C. 79.
- ²⁹ См.: Miguel P. Op. cit. P. 363.
- ³⁰ Подробнее об этом см.: Дюран П. Солдатские волнения во французской армии в 1917 // Французский ежегодник. 1978. М., 1980- С. 88.
- ³¹ Там же. С. 87.
- ³² См. об этом: Poincaré R. Op. cit. Vol. 9. P. 436-438.
- ³³ Цит. по: Wright G. Op. cit. P. 207.
- ³⁴ Poincaré R. Op. cit. Vol. 9. P. 124, 129.

9. МИР

- ¹ См.: Прицкер Д.П.- Жорж Клемансо: Политическая биография. Мм 1983-С. 233.
- ² См., например: Le Matin. 12 novembre; Le Temps. 12 novembre.
- ³ Poincaré R. Au service de la France. Neuf années de Souvenirs. Dix volumes. Paris, 1926-1933. Vol. 10. P. 406.
- ⁴ Renouvin P. Les buts de guerre du gouvernement français, 1914-1918 // Revue Historique. Vol. 435. Janvier-mars 1966. №1. P. 4-5.
- ⁵ Цит. по: Ibid.
- ⁶ Цит. по: Ibid.; См. также: Soutou G.- И. La France et les Marches de l'Est. 1914-1919 // Revue Historique. Vol. 528. Octobre- décembre 1978. №4. P. 352.
- ⁷ Цит. по: Renouvin P. Op. cit. P. 14.
- ⁸ См.: Тардье А. Мир / Пер. с франц. М., 1943. С. 76.
- ⁹ Цит. по: Николсон Г. Как делался мир в 1919 году / Пер. с англ. М., 1945. С. 74.
- ¹⁰ Messages, discours, allocutions, lettres et télégrammes de Raymond Poincaré. Paris, 1921. Vol. 2. R 98-102.
- ¹¹ Новак К. Версаль. М., 1930. С. 45.
- ¹² Цит. по: Le Temps. 1919. 12 janvier.
- ¹³ Прицкер Д.Н. Указ. соч. С. 252-253.
- ¹⁴ См.: Тардье А. Указ. соч. С. 95-96.
- ¹⁵ См.: Le Journal de Débat. 1919. 5 février; Le Journal. 1919. 17 février.
- ¹⁶ Le Temps. 1919. 27 janvier.
- ¹⁷ Miguel P. Poincaré. Paris, 1961. P. 403.
- ¹⁸ Подробнее об этом см.: Прицкер Д. П. Указ. соч. С. 248-251.
- ¹⁹ Цит. по: Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1-2 / Пер. с англ. М., 1934. Т.1. С 220.
- ²⁰ Miguel P. Op. cit. R 398-399.
- ²¹ Цит. по: Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. М., 1960. С. 42.
- ²² Цит. по: Backer R.S. Woodrow Wilson and World Seulement. New York, 1922, P. 146.

- ²³ Крутоногов М. А. Президент Французской Республики. М., 1980. С. 21.
- ²⁴ См.: Bredin J.-P. Joseph Caillaux. Paris, 1980. P. 357.
- ²⁵ Le Matin. 1919. 9 avril
- ²⁶ Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session de 1919. Tome unique. Paris, 1920. P. 59-61.
- ²⁷ См.: Bonnefous G. Histoire politique de la Troisième République. Vol. 1-2. Paris, 1956. Vol. 2. P. 88.
- ²⁸ Chastenet J. Histoire de la Troisième République. Vol. 4. Paris, 1952. P. 360.
- ²⁹ Цит. по; Broche G. Léon Dodet. Le dernier imprécateur. Paris, 1992. P. 295.

10. ЗАВЕРШЕНИЕ КАРЬЕРЫ

- ¹ Цит. по: Miguel P. Poincaré. Paris, 1961. P. 403.
- ² Encyclopédie de la culture française. Paris, 1991. P. 651.
- ³ Poincaré R. Histoire politique. Chronique de Quinzaine. Paris, 1920-1922.
- ⁴ Poincaré R. Lettres libres. Articles parus dans «Le Temps». Paris, 1921-1922.
- ⁵ См.: Revus de deux Mondes. 1921. 15 juillet. P. 263-264.
- ⁶ См.: Marguevitte V. Aristide Briand. Paris, 1932. P. 214.
- ⁷ См.: История дипломатии. Т. III: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы. М., 1965. С. 251.
- ⁸ Kayser J. Action républicaine de m. Poincaré. Paris, 1929. P. 53.
- ⁹ Revue des deux Mondes. 1922. 15 janvier. P. 201-203.
- ¹⁰ Цит. по: Kayser J. Op. cit. P. 53.
- ¹¹ Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1922. Vol. 1. Paris, 1922. P. 18.
- ¹² См.: Le Temps. 1922. 27 février.
- ¹³ См.: Ibid 25 avril.
- ¹⁴ Chambre des Députés. Débats parlementaires. Session ordinaire de 1922. Vol.2. Paris, 1923. P. 234.
- ¹⁵ См. об этом: История дипломатии. Т. III. С. 345-346.
- ¹⁶ Bonnefous G. Histoire politique de la Troisième République. Vol. 3. Paris. 1959. P. 322.
- ¹⁷ Кузьмин М.Н. Внутриполитическая борьба во Франции (1926-1932). Л., 1975. С. 14.
- ¹⁸ См.: История Франции: В 3 т. М., 1973. Т. 3. С. 125.
- ¹⁹ См.: Борисов Ю. В. Новейшая история Франции. 1917-1964. М., 1966. С. 44.
- ²⁰ Подробнее об этом см.: Борисов Ю.В. Советско-французские отношения (1924-1945). М., 1964. С. 72-77.
- ²¹ См.: Версальский мирный договор: Перевод с официального текста. М., 1925. С. 109.
- ²² Annales de la Chambre des Députés. Débats parlementaires. Vol. 127. Session extraordinaire de 1925. Tome unique. Paris, 1926. P. 340.
- ²³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918-1945. Aus dem Archiv des auswärtigen Amts. Série B. 1925-1933. Bd 1. P. 1. Gottingen, 1966. S. 739, 740.
- ²⁴ См.; L'Action Française. 1926. 2 septembre.
- ²⁵ См.: Stresemann G, Les papiers. Six années de politique allemande. Vol. 1-2. Paris, 1932- 1933. Vol. 2. P. 301.
- ²⁶ Цит. по: Ibid. R303.
- ²⁷ Подробнее о встрече А. Бриана и Г. Штресемана в Туари см.: Евдокимова Н.П. Франко-германские отношения после Локарно (1925-1930 гг.). // Канд. дис. Л., 1975. С. 98-134.
- ²⁸ Цит по: Suarez G. Briand. Sa vie—son oeuvre. Avec son journal et de nombreux documents inédits. Vol. 1-6. Paris, 1938-1952; Vol. 6. P. 219-220.
- ²⁹ См.: Ibid. P. 218, 224-225.
- ³⁰ Ibid. P-226; Stresemann G. Op. cit. Vol.3. P.9; Akten... Bd 1. P.2. S.208.
- ³¹ Beau de Loméràe E. Les responsabilités des dynasties bourgeoises. Paris, 1963, P. 315.
- ³² Цит, по: Akten Bd 1. P. 2. S. 308; Stresemann G. Op. cit. P. 10.
- ³³ Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы / Пер, с франц. М., 1960. С. 61.

- ³⁴ См., например: L'Avenir. 1926. 19 septembre.
³⁵ См.: Le Temps. 1926. 21 septembre.
³⁶ Suarez G. Op. cit. R. 219.
³⁷ Stresemann G. Op, cit. P. 263-264.
³⁸ Цит. по: Ibid. P. 274.
³⁹ Цит. по: Le Temps. 1928. 8 juin.
⁴⁰ Weill-Raynal E. Les réparations allemandes et la France, Vol. 3: L'application du plan Dawes, le plan Young et la liquidation des réparations. Paris, 1947, P. 403-404.
⁴¹ Цит. по: Stresemann G. Op. cit. P. 272-273.
⁴² См.: Chastenet J. Raymond Poincaré. Paris, 1948. P. 284.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

1. Становление личности 11
  2. Впервые в парламенте. Впервые в правительстве 18
  3. Премьер-министр 41
  4. Путь на Олимп 55
  5. «Узник Елисейского дворца» 64
  6. На переломе: 1914 год 76
  - 7- Война и политика 89
  8. Верховный главнокомандующий 127
  9. Мир 138
  10. Завершение карьеры 151
- Послесловие 168

Научное издание

Евдокимова Нина Петровна, Виватенко Сергей Валентинович
РАЙМОН ПУАНКАРЕ – ПРЕЗИДЕНТ ФРАНЦИИ

Редактор Е.В. Красненкова

Обложка художника Е.А. Соловьевой

Компьютерная верстка Ю.Ю. Тауриной

Лицензия ИД №05679 от 24.08.2001

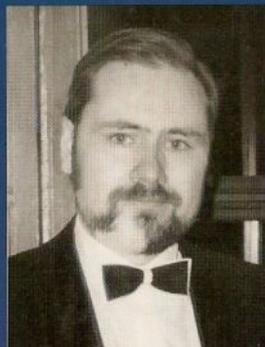
Подписано в печать 05-05.2006 Формат 60 X 84 1/16. Гарнитура литературная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 10,23 + 0,93 вкл. Тираж 1000 экз. Заказ 206

Издательство СПбГУ. 199004, Санкт-Петербург, 6-я линия В. О., Д- 11/21

По вопросам реализации обращаться по адресу: С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

Типография Издательства СПбГУ, 199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.

Сергей Валентинович Виватенко — кандидат исторических наук, доцент, специалист по истории Франции и истории международных отношений конца XIX – первой трети XX вв. Автор ряда статей. Руководитель Отдела антимонопольного контроля в области образования и науки Федеральной антимонопольной службы. Член элитарного интеллектуального телевизионного Клуба знатоков «Что? Где? Когда?».

Нина Петровна Евдокимова — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Специалист по истории Франции и истории международных отношений конца XIX – первой трети XX вв. Автор монографии «Между Востоком и Западом: Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг.» (Л., 1985), учебного пособия «Проблемы новой истории Испании: Курс лекций» (В соавт. СПб., 1997), ряда статей и методических пособий.

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА